МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
•МЫСЛЬ•

АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК при ЦК КПСС

Кафедра экономических наук

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Под редакцией Кузьминова И. И.,
Дунаевой В. С.,
Масленникова В. П.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЫСЛЬ"
МОСКВА · 1965

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВПШ и АОН при ЦК КПСС

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемый вниманию читателей сборник «Методологические проблемы политической экономии» подготовлен кафедрой экономических наук Академии общественных наук при ЦК КПСС. В нем поставлен ряд методологических проблем, имеющих большое теоретическое и практическое значение. Многие из поднятых вопросов требуют дальнейшей разработки. Некоторые положения авторов имеют дискуссионный характер и, несомненно, будут еще обсуждаться. Это относится, в частности, к статьям В. А. Сластененко, В. Г. Лебедева, И. И. Кузьминова и др. Сборник представляет большой интерес и будет полезен для научных работников, преподавателей политической экономии, студентов и пропагандистов.

И. И. Кузьминов

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Объективный характер экономических законов

Исходный пункт всякой науки, в том числе и политической экономии, заключается в признании определенных объективных закономерностей. Познание этих закономерностей — их обнаружение, определение, вскрытие характера и механизма действия — есть задача и содержание науки. Если бы в мире явлений господствовала случайность, если бы не существовало определенных закономерных связей, не было бы основы для науки вообще. Так, историческая наука, имеющая дело с фактами прошлого, устанавливает закономерный ход исторических событий. Тем более это относится к политической экономии как теоретической дисциплине, притом не только к политической экономии капитализма, но и к политической экономии социализма. Это следует подчеркнуть, потому что и в прошлом, и в настоящем были и есть попытки отрицать закономерный характер развития социалистической экономики и, следовательно, политическую экономию социализма как науку.

В современный период примерно такую точку зрения развивают на свой лад некоторые буржуазные экономисты и реформисты в апологетических целях. Они утверждают, что капиталистическая экономика развивается по своим, присущим ей законам, в то время как социализм в СССР и странах народной демократии — некий «искусственный» строй, в основе развития которого нет никаких присущих ему закономерностей.

В настоящее время, может быть, и не следует тратить много времени на опровержение этих утверждений,

но вместе с тем не следует думать, что борьба против них уже не актуальна. Дело в том, что у нас не перевелись еще, особенно среди практических работников, люди, которые не понимают значения экономической теории, которые не признают существования иных законов, кроме юридических, и которые уверены в том, что в области хозяйства мы можем действовать по принципу «что хочу, то и делаю». Источником подобного рода заблуждений у некоторых наших товарищей является прежде всего малограмотность, плохое знание или незнание экономической науки. Но хотя источники, питающие подобные установки, у разных людей различны, все они сходятся в основном выводе и все они приносят большой вред как в идеологической, так и в экономической области. Поэтому борьба с ними нужна и теперь.

Атаки против политической экономии социализма как науки ведутся не только по линии отрицания экономических законов, но и по линии отрицания их объективного характера. Одним из примеров этого является рецензия Б. Каутского на наш учебник политической экономии, помещенная в журнале австрийской социалистической партии «Цукунфт», в которой он решительно отрицал объективный характер законов экономического развития.

Однако в большинстве случаев отрицание объективного характера экономических законов выражается не столь прямолинейно, а в форме разного рода сомнений, вопросов или критических замечаний по адресу формулировок в учебниках и статьях. Подобного рода выступления можно встретить в нашей печати.

Обычным доводом является следующий: законы общественного развития не могут существовать и осуществляться без людей, которые творят историю и одарены волей и сознанием. Значит, нельзя сказать, что законы общественного развития независимы от людей, от их воли, сознания и желания.

В области политической экономии капитализма пускается в ход тот аргумент, что все законы, мол, действуют как тенденция, которую под влиянием борьбы рабочего класса или политики государства уже в рамках капитализма можно повернуть в любую сторону.

Еще чаще употребляется этот довод применительно к экономическим законам социализма. Но здесь, кроме того, появляется еще тот аргумент, что если при капитализме законы действуют стихийно, за спиной людей, независимо от воли и желания людей, то при социализме они, мол, действуют и могут действовать лишь как прошедшие через сознание, как осознанные. Можем ли мы в этих условиях говорить, что они не зависят от воли, сознания и желания людей? Разберемся в этом вопросе.

Разумеется, законы общественного развития в отличие от законов природы осуществляются через деятельность людей, обладающих сознанием, волей и преследующих определенные цели. Но сами цели, преследуемые людьми, и характер их действий обусловлены вполне объективными обстоятельствами: уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений. Цель производства различна в разных способах производства, различны стимулы производственной деятельности людей и характер их действий. Законы общественного развития по существу так же объективны и независимы от желания и воли людей, как и законы природы. *Именно объективный характер экономических законов и делает политическую экономию наукой.* Нелюбовь к объективным законам есть не что иное, как отрицание науки. В. И. Ленин подчеркнул этот момент в полемике со Струве. Изгнание объективных законов из науки, писал В. И. Ленин, Струве избрал для отрицания науки, которая делает неприятные для буржуа обобщения, для протаскивания религии, идеализма [1].

Некоторые товарищи, признавая объективный характер экономических законов социализма, вместе с тем говорят, что все-таки нельзя сказать, что они действуют независимо от воли людей. Эти товарищи согласны с тем, что экономические законы социализма возникают, развиваются и сходят со сцены независимо от воли, желания и сознания людей. В этом, по их мнению, и проявляется объективный характер экономических законов социализма. Но они решительно не согласны с тем, что экономические законы социализма могут *действовать независимо от воли людей.* По их мне-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 47.

нию, коренное изменение характера экономических законов социализма (по сравнению с капитализмом) заключается именно в том, что при капитализме законы действуют стихийно, за спиной людей, независимо от их воли и сознания, а при социализме действие экономических законов целиком зависит от воли и сознания людей, что вне зависимости от воли и сознания людей экономические законы как законы социализма осуществляться не могут.

В статье, помещенной в журнале «Вопросы экономики», указывается: «Экономические законы действуют при капитализме *совершенно независимо от сознания людей, которые к тому же и не знают этих законов*... Иначе обстоит дело при социализме. *Действующие здесь объективные законы экономического развития научно познаны, сознательно и планомерно используются людьми* в интересах общества и всех его членов» [1]. Автор указанной статьи сделал даже строгое внушение тем теоретикам, которые рискуют утверждать, что и при социализме экономические законы могут действовать независимо от воли людей. Он пишет: «Последнее утверждение далеко не точно и по существу равнозначно провозглашению стихийного, фатального характера действия экономических законов при социализме, отрицанию сознательного, планомерного использования этих законов обществом в интересах общества и всех его членов, недооценки роли Коммунистической партии как руководящей силы развития общества».

Прежде всего необходимо отметить, что стихийный характер капиталистического хозяйства не исключает известной роли воли и активных действий людей, поскольку речь идет об осуществлении законов общественного развития. Утверждение о том, что люди при капитализме совершенно не знают экономических законов, вряд ли может быть принято всерьез. Вспомним хотя бы разработку теории трудовой стоимости, данную в работах классиков буржуазной политической экономии, и оценку, данную Марксом трудам Смита, Рикардо, Кенэ и др. Да и каждый предприниматель в своей деятельности не может не считаться и не учитывать в той

[1] «Вопросы экономики» № 5, 1962, стр. 20 (курсив мой. — *И. К.*).

или иной степени, скажем, закона стоимости и прибавочной стоимости.

Можно согласиться с товарищами, которые указывают на неточность утверждения о том, что *все* экономические законы и во *всех* решительно случаях действуют совершенно независимо от воли и сознания людей. Вместе с тем утверждение о том, что экономические законы социализма вообще не могут действовать независимо от воли, желания и сознания людей, по нашему мнению, не соответствует действительности. Сознательное использование законов развития общества при социализме не исключает того, что в известные моменты экономические законы могут действовать *помимо воли и желания людей.* Например, нарушение требований закона распределения по труду в колхозах ведет не к отмене здесь этого закона, как это следует по логике указанного утверждения, а к тому, что он начинает действовать помимо воли, желания людей и в нарушение намеченных ими планов. Колхозники, труд которых не вознаграждается должным образом, или уходят в промышленность и другие отрасли хозяйства, где их труд будет оплачиваться в соответствии с его количеством и качеством, или стремятся возместить потери своего заработка путем развития подсобного хозяйства. Во всем этом явно сказывается действие закона распределения по труду, правда, вовсе не желательное и не предусмотренное в планах. В частности, оно сказывается и в чрезмерном, не предусмотренном планом переливе населения из деревни в города. Но оттого что закон приводит к нежелательным для нас последствиям, он не перестает быть законом, и в связи с этим нельзя закон объявлять бездействующим, если люди плохо считаются с ним. Ведь и использование законов природы дает желаемые результаты, если мы считаемся с ними, и, наоборот, дает нежелательные результаты, если мы с ними не считаемся. Но и в первом и во втором случае они не перестают действовать и не перестают быть законами.

Возьмем другой пример. Летом 1963 года цементные заводы в городе Вольске начали работать с большими перебоями не потому, что сырья, материалов или рабочей силы не хватало, а потому, что продукция заводов не вывозилась, все заводские склады были перепол-

нены и налицо оказалось, так сказать, «перепроизводство» с неприятными последствиями, совсем непривычными в наших условиях. По сообщению газеты «Правда», скопилось около 100 тыс. тонн цемента и заводы были вынуждены останавливать цементные мельницы и сокращать производство [1]. Примерно такую же картину можно было наблюдать в области производства и сбыта швейных машин [2]. В первом случае было нарушено соотношение между производством и транспортом, во втором — между производством и спросом. Но независимо от того, что здесь было не рассчитано, какие пропорции нарушены — между производством и спросом или между производством и транспортом, в данном случае имело место нарушение элементарных требований закона планомерного, пропорционального развития. И виноват не закон, а люди, не считающиеся с ним. Закон же не переставал действовать, но его действие приводило к совершенно нежелательным последствиям. Во всех этих случаях, конечно, нельзя отрицать большой роли сознательных действий людей. Но их действия нельзя смешивать с действием объективных экономических законов.

Некоторые экономисты расценивают подобные случаи только как напоминание, как сигналы о нарушении требований законов, а не как случай действия законов. Одним словом, они видят в законах лишь одну, так сказать, спокойную сторону и не желают видеть другой, беспокойной стороны, в результате чего приходят фактически к отрицанию объективного характера законов.

Но кроме перечисленных есть еще и другие случаи, когда законы социализма могут действовать вне зависимости от воли, желания и даже сознания людей. В нашей литературе утверждалось мнение, что экономические законы социализма *действуют, будучи научно познаны людьми в их сознательной планомерной деятельности.*

Ничего не скажешь: это очень привычное для нас утверждение, которое мы часто повторяем. Но вот вопрос: соответствует ли оно действительности?

---

[1] См. «Правда», 26 июня 1963 года.

[2] См. «Известия», 23 июля 1963 года.

Указанное утверждение исходит или из того, что *все экономические законы социализма познаны до конца,* или из того, что *действуют лишь познанные законы, а те, которые еще не познаны, не действуют.* Однако ни с первым, ни со вторым предположением согласиться нельзя.

Второе предположение, ставящее действие законов в зависимость от их признания и познания, носит чисто идеалистический характер и должно быть отвергнуто. Нельзя согласиться и с первым предположением, будто уже все законы познаны нами, и познаны до конца: оно находится в противоречии с марксистской теорией познания. В действительности далеко не все экономические законы социализма вскрыты, а те законы, которые известны, еще по-настоящему до конца не познаны. Более того, я думаю, будет правильным сказать, что политическая экономия социализма в настоящее время оперирует лишь самой небольшой частью действующих в жизни экономических законов. Бóльшая (во всяком случае значительная) часть экономических законов социализма еще не вскрыта и научно не освоена.

Как же развивается социалистическая экономика, если значительная часть ее законов, не будучи познанной нами, остается, если верить указанному выше утверждению, в бездействии? Единственно правильным предположением в этих условиях является предположение о том, что, даже не будучи открыты людьми, экономические законы социализма все-таки действуют, но в этом случае они будут действовать в известной степени уже помимо сознания и воли людей. И именно это действие и проявление законов еще раз подчеркивает их объективный характер, с одной стороны, а с другой — дает материал для их последующего открытия, осознания, научного познания и сознательного использования в практической деятельности. Это положение подтверждается всей историей науки. Научные открытия, в том числе открытие важнейших законов развития природы и общества, всегда совершались лишь после того, как человеческая практика, прежде всего развитие производства, накапливала для этого соответствующий материал. Законы механики действовали и даже так или иначе учитывались человеком в практике задолго до того, как они были открыты и научно осмыслены. А дав-

но ли вошли в научный оборот основной экономический закон и некоторые другие законы социализма?

Признание того, что далеко не все еще законы экономического развития открыты и познаны, открывает возможности для все большего обогащения политической экономии социализма, ее дальнейшего развития.

Возможны ли в области экономики такие же крупные открытия, как в области техники и вообще естественных наук? Вполне возможны. В области политической экономии социализма мы находимся лишь в самом начале пути, на котором «белых пятен», неисследованных областей гораздо больше того, что мы уже успели исследовать. Признание этого положения очень важно для развязывания сил и активности научной молодежи. Утверждение же о том, что в области политической экономии все законы открыты и ученым здесь делать нечего, не только связывало силы научных работников, но и отпугивало значительную часть способной молодежи от экономической науки.

Иногда задают такой вопрос: если некоторые экономические законы социализма, пусть в некоторые моменты, действуют независимо от воли и сознания людей, не означает ли это, что они действуют как законы стихийные? Нет, не означает. Стихийный характер законов определяется стихийной природой хозяйства, а не сознанием людей и степенью познания законов. Если в основе хозяйства лежит общественная собственность на средства производства и оно развивается планомерно, то экономические законы этого хозяйственного строя независимо от того, открыты они или еще нет, считаются с ними всегда или не всегда, являются законами социалистического производства и будут вписываться в общую систему плановой социалистической экономики.

Чем же отличаются по своему характеру экономические законы социализма от экономических законов капитализма?

Коренное изменение в характере экономических законов социализма по сравнению с капитализмом заключается вовсе не в том, что при капитализме законы действуют помимо воли, сознания и желания людей, а при социализме — исключительно как осознанные, по воле людей и в полном соответствии с их желаниями. Коренное отличие в характере экономических законов

социализма от экономических законов капитализма состоит в том, что, во-первых, это законы двух противоположных способов производства: одного — основанного на отношениях эксплуатации и конкуренции, другого — основанного на отношениях планомерного товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных и объединенных работников; во-вторых, в том, что при капитализме стихийная и эксплуататорская природа этого строя исключает возможность использования экономических законов в интересах всего общества, поскольку оно расколото на противостоящие друг другу классы, а сами законы осуществляются в борьбе противостоящих друг другу сил и конечный результат этой борьбы, как правило, бывает вовсе не тот, который ожидали люди от своих действий. При социализме же впервые в истории общества создана возможность познания и использования экономических законов в интересах всего общества для достижения единой, научно обоснованной цели, в связи с чем конечный результат объединенных действий людей все более совпадает с той целью, которую они преследуют...

В связи с этим, естественно, выдвигается вопрос о роли субъективного фактора в хозяйственной деятельности. Сознательные действия людей относятся к процессу познания и использования закона для определенных, сознательно поставленных целей. Закон остается законом при всех условиях, но в зависимости от степени его познания, активности и целенаправленности действий производителей и искусства руководства этими действиями результат может быть в разных случаях различным. Это не только не умаляет, а, наоборот, подчеркивает значение «субъективного начала» в хозяйственном строительстве.

Следовательно, вопрос о роли субъективного фактора стоит перед нами, но вовсе не в плоскости *характера законов,* а в плоскости *характера действия людей* в области познания, учета и использования законов. Ф. Энгельс очень хорошо сказал, что подлинная свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а «в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных це-

лей»[1]. Ф. Энгельс говорит здесь о законах природы, но это также приложимо и к законам развития общества.

И с теоретической и с практической стороны очень важно также проводить различие между *процессом познания* закона, с одной стороны, и *процессом использования* его в практике, с другой стороны, хотя граница между ними условна. Одно дело — открытие того или иного экономического закона, установление механизма его действия, и другое дело — его учет и использование в практике хозяйственного строительства. Во втором случае успехи или неудачи зависят *не только от уровня познания закона* и его научной разработки, но во многом и от экономической грамотности хозяйственных кадров, от их опыта и организаторских способностей, от искусства руководства. *Здесь та же разница, что и между познанием законов биологии, химии и других наук и искусством лечащего врача, использующего эти законы в медицинской практике.*

Наука в социалистическом обществе, в том числе и экономическая, все более превращается в мощную производительную силу. В основе этого лежит познание и все более полное использование в наших целях объективных законов естествознания и обществоведения. Познание этих законов увеличивает власть человека над силами природы и общественного развития. Некоторые товарищи считают, что могущество человека увеличивается в той степени, в какой ему удается обходить или отменять объективные законы, не считаться с ними. Один из героев фантастической повести братьев А. и Б. Стругацких «Возвращение», рассуждая о человеке будущего, говорит, что это будет «Человек Всемогущий» (оба слова с большой буквы). Как же рисуется ему всемогущество этого человека? А вот как: «Человек Всемогущий. Хозяин каждого атома во Вселенной. У природы слишком много законов. Мы их открываем и используем, и все они нам мешают. Закон природы нельзя преступить. Ему можно только следовать. И это очень скучно, если подумать. А вот Человек Всемогущий будет просто отменять законы, которые ему неугодны. Возьмет и отменит» (стр. 66).

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 116.

Этот прогноз относится к далекому будущему. К тому времени многое изменится в жизни людей, в том числе наука сделает гигантские шаги вперед, и, опираясь на науку, человечество сможет разрешить такие задачи, которые в настоящее время нам кажутся неразрешимыми. Но как бы далеко ни простиралось могущество человека будущего, оно может быть достигнуто не на пути «отмены», а на пути все большего познания и все более полного использования законов общества и природы.

Предмет политической экономии

Что такое политическая экономия, каков ее предмет? Буржуазные экономисты дали немало отличающихся по форме ответов на этот вопрос. Американский экономист П. Самуэльсон в своем курсе «Экономика» приводит следующие пять наиболее типичных и чаще всего встречающихся определений:

«1. Экономическая теория есть наука о видах деятельности, связанных с обменом и денежными сделками между людьми.

2. Экономическая теория есть наука об использовании людьми редких или ограниченных производительных ресурсов... для производства различных товаров...

3. Экономическая теория есть наука о повседневной деловой жизнедеятельности людей, извлечении ими средств к существованию и использовании этих средств.

4. Экономическая теория есть наука о том, как человечество справляется со своими задачами в области потребления и производства.

5. Экономическая теория есть наука о богатстве»[1].

Несмотря на некоторые различия этих определений, все они сходятся в том, что предметом экономической теории считают производство или хозяйственную деятельность вообще, взятую в общем и целом. Но хозяйственная деятельность людей, взятая в целом, включает в себя самые разнородные элементы, изучаемые самыми различными науками. Например, такие важные моменты хозяйственной деятельности людей, как техни-

[1] *П. Самуэльсон.* Экономика. Изд-во «Прогресс», 1964, стр. 25.

ка и технология, входят непосредственно в предмет естественных наук. Определения предмета экономической теории, которые делаются буржуазными экономистами, не выявляют ее истинных границ и специфичности.

Подлинно научное решение вопроса о предмете политической экономии дано в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

Величайшим научным открытием К. Маркса явилось его положение об общественно-экономической формации и ее развитии как естественноисторическом процессе. Выдвигая это положение, К. Маркс выделяет из всех областей общественной жизни область экономическую, или экономический базис общества, и трактует его не как совокупность вещей, орудий труда или приемов обработки вещества природы (технологии), а как совокупность отношений людей по производству, то есть тех отношений, в которые они вступают по отношению друг к другу в процессе производства. Следовательно, К. Маркс четко определил экономические отношения, экономику как отношения людей друг к другу в процессе производства и отграничил их от техники и технологии, то есть от отношений людей к природе. К. Маркс пишет: «В производстве люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» [1].

Следовательно, отношение людей к природе может существовать и развиваться только через посредство общественных связей по производству, через производственные, то есть экономические, отношения людей, которые и являются предметом экономической теории, или политической экономии. Ф. Энгельс, разъясняя позицию К. Маркса по этому вопросу, пишет: «...политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами» [2],

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 441.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 498.

хотя в товарном хозяйстве эти отношения и проявляются как вещи или отношения между вещами.

Это указание Ф. Энгельса очень важно и интересно. Здесь он подчеркивает, что политическая экономия занимается не вещами, не производством вообще, а отношениями между людьми по производству, и с полной определенностью указывает, как надо понимать такие отношения. Это не отношения общества и природы, а отношения между людьми и в конечном счете отношения между классами. Тот факт, что отношения между людьми в товарном хозяйстве проявляются как вещи или отношения вещей, объясняет, почему буржуазные экономисты понимают предмет политической экономии как отношение вещей или производство вообще. Они берут такое представление с поверхности явлений.

В. И. Ленин, отстаивая положения К. Маркса и Ф. Энгельса о предмете политической экономии, неоднократно подчеркивал, что политическая экономия занимается не «производством» вообще, не «производством материальных ценностей», а «общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства» [1]. В рецензии на «Краткий курс экономической науки» А. Богданова В. И. Ленин, касаясь вопроса о предмете политической экономии, писал: «Автор с самого начала дает ясное и точное определение политической экономии, как «науки, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии», и нигде не отступает от такого взгляда, нередко весьма плохо понимаемого учеными профессорами политической экономии, сбивающимися с «общественных отношений производства» на производство вообще...» [2] Конкретизируя это определение, В. И. Ленин указывал: «Определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде» [3].

Следовательно, предметом политической экономии является не процесс труда, а отношения людей по про-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 194; т. 3, стр. 53.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 35.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 45.

изводству, то есть производственные отношения. Характеризуя экономическое учение К. Маркса, В. И. Ленин писал: «Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса» [1].

Таким образом, классики марксизма-ленинизма дали четкое определение предмета политической экономии и гениальнейшие образцы его разработки. Несмотря на это, в нашей литературе до сих пор не затихают споры о том, что же именно входит в содержание этой науки. Основной тенденцией критических выступлений по данному вопросу является тенденция к расширительной трактовке. Расширительное толкование предмета политической экономии идет в направлении включения в предмет наряду, на равных, так сказать, началах как производственных отношений, так и производительных сил. Выступления подобного рода можно было наблюдать в происходившей в 1929 году дискуссии между так называемыми механистами и рубинистами, то есть последователями Рубина. Дискуссия эта носила во многом схоластический характер. Обе стороны стояли на позиции бухаринского ограничения предмета политической экономии лишь товарно-капиталистическим хозяйством. Поэтому для развития политической экономии социализма она не имела значения и вряд ли на ней следует останавливаться. Отметим лишь, что сторонники так называемых механистов в своих выступлениях против рубинистов, равно как и их противники, в трактовке предмета политической экономии часто скатывались на позиции «производства вообще». Однако это была отнюдь не последняя попытка подобного рода.

За последнее время в печати и устных дискуссиях вновь стали появляться высказывания насчет того, что-де в предмет политической экономии наряду с производственными отношениями следует включать производительные силы и, следовательно, предметом политической экономии является производство вообще, способ производства. Аргументация в пользу данного утверждения сводится обычно к ссылкам на цитаты, которые толкуются в том смысле, что-де политическая

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 60.

экономия изучает не производственные отношения, а способ производства, то есть и производительные силы, и производственные отношения. Дело доходит иногда до курьезов вроде противопоставления терминов «способ производства материальных благ» и «способ производства материальной жизни», которые оба употребляются К. Марксом. К. Марксу иногда приписывается даже странная мысль о том, будто он понимал производственные отношения как отношения людей к природе (производительные силы) и друг к другу. Применительно к политической экономии социализма выдвигается еще и тот довод, что, поскольку производительные силы являются объектом планирования, постольку они должны быть и предметом политической экономии.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, уточним его. Если кто-либо утверждает, что политическая экономия не должна касаться производительных сил, такой человек, конечно, ошибается. Производственные отношения являются формой развития производительных сил, а оторвать форму от содержания невозможно. Поэтому нельзя исследовать производственные отношения в отрыве от производительных сил. Их можно и нужно исследовать в связи, во взаимодействии с производительными силами. Характер этого взаимодействия двоякий. С одной стороны, развитие производительных сил вызывает определенные изменения в производственных отношениях: внутри данного способа производства развитие производительных сил служит основой развития данных производственных отношений, при переходе от одной формации к другой развитие производительных сил определяет необходимость смены отживших отношений новыми, а, с другой стороны, производственные отношения активно воздействуют на производительные силы, подталкивая их развитие в определенную сторону. Убедительные примеры этой взаимосвязи показаны в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Вне связи с производственными отношениями развитие производительных сил регулируется законами природы и изучается естественными науками. Политическая экономия рассматривает производительные силы не с технической, а с их общественной стороны, то есть с точки зрения той общественной формы, в которой они

развиваются, и иначе подходить к ним не может, не переходя грань технологии.

В нашей экономической литературе (включая учебники и учебные пособия) как в довоенное, так и в послевоенное время предмет политической экономии определялся всегда как изучение производственных отношений во взаимодействии с производительными силами. «Политическая экономия изучает производственные отношения в их взаимодействии с производительными силами», — говорится в учебнике политической экономии, который чаще всего подвергается сейчас критике за «сужение» предмета политической экономии. Примерно такое же определение давалось в учебниках и в довоенное время.

Но к этому же определению приходят в конце концов и многие из тех экономистов, которые выступают сейчас за «расширение» предмета политической экономии. Авторы коллективной статьи в журнале «Вопросы экономики», выступающие за включение в предмет политической экономии производительных сил и толкующие соответствующим образом высказывания К. Маркса по этому вопросу, в итоге, однако, приходят к следующему выводу: «Но поскольку способ производства есть единство двух сторон общественного производства — производительных сил и производственных отношений, то, следовательно, предметом политической экономии социализма должны быть социалистические производственные отношения, рассматриваемые в их органической связи и взаимодействии с развитием производительных сил» [1]. И даже наиболее решительные сторонники «расширения» предмета политической экономии в конечном счете присоединяются к этому определению.

Да это не может быть иначе, потому что, как только сторонники «расширения» переходят от цитат и общих рассуждений к конкретным предложениям насчет того, какие же новые вопросы, касающиеся именно развития производительных сил, надо включить в содержание политической экономии, они не идут далее того, что предлагали, например, авторы упомянутой коллективной статьи: социалистическое применение машин, эко-

[1] «Вопросы экономики» № 7, 1964, стр. 106.

номическая эффективность механизации и автоматизации производства, концентрация, специализация, кооперирование и комбинирование производства, вопросы организации труда, повышение производительности общественного труда, вопросы планирования и другие в том же роде. Все эти вопросы далеко не новые. Им посвящено в нашей литературе немало специальных работ, а в учебниках — специальные параграфы и даже главы. Но, что гораздо важнее, хотя авторы и называют все это проблемами развития производительных сил, в действительности же здесь налицо проблемы развития производственных отношений и их взаимодействия с производительными силами. Как бы авторы ни старались, им все-таки очень трудно доказать, что, например, вопросы организации общественного труда или вопросы концентрации и специализации производства — это не вопросы развития производственных отношений.

Если о чем должна идти речь в этой связи, то, конечно, о том, что вопросы воздействия социалистических производственных отношений на производительные силы слабо освещались и разрабатывались в нашей литературе. Но такое положение объясняется не тем, что кто-то «сужает» предмет политической экономии и игнорирует развитие производительных сил, а прежде всего тем, что слабо исследуются и даже игнорируются производственные отношения и их воздействие на производительные силы. На самом деле, как можно по-настоящему показать воздействие производственных отношений на производительные силы, если мы еще не вскрыли производственных отношений, то есть того самого, чье воздействие мы должны показать? Производительные силы нечто более конкретное и осязаемое, чем отношения между людьми, для выявления которых надо приложить немало труда. Характерно, что не реже, а чаще всего однобокость в освещении экономических проблем выражается вовсе не в том, что исследуются «лишь» производственные отношения, а в том, что внимание сосредоточивается лишь на техническом факторе без должной общественной, экономической его оценки. Это не только тормозит развитие теории, но и приводит к серьезным потерям в хозяйственной практике.

Политическая экономия изучает производственные отношения также во взаимодействии с надстройкой,

притом не только с экономической политикой и политическими учреждениями, но и с идеологической надстройкой. Характер этого взаимодействия также двоякий. С одной стороны, развитие экономического базиса определяет и соответствующее изменение и развитие надстройки, а, с другой стороны, надстройка оказывает определенное воздействие на экономический базис. Это также давно признано в нашей литературе, в том числе и учебной, и, если в тех или иных случаях показать такое взаимодействие не удается, дело здесь опять-таки прежде всего в недостаточной разработке вопросов.

Для политической экономии социализма вопрос об экономической политике имеет особое значение, поскольку развитие социалистической экономики планируется из единого центра и руководство хозяйством может и должно учитывать и использовать экономические законы в интересах всего общества. Следовательно, политическая экономия социализма должна доводить свои исследования и положения до определенных выводов, имеющих практическое значение для хозяйственного руководства и планирования. Но если это так, то здесь явное и вполне закономерное вторжение политической экономии в область экономической политики и руководства хозяйством. Такого рода вторжения можно только приветствовать. К сожалению, их пока что не так много, что объясняется слабой постановкой исследовательской работы в области экономической теории.

Но есть и иное толкование вопроса о соотношении политической экономии и экономической политики, толкование, органически связанное с условиями и традициями того периода, когда работа в области политической экономии фактически подменялась комментариями к мероприятиям экономической политики, а роль экономистов сводилась к роли комментаторов. Это, естественно, принижало роль экономической науки, ориентировало экономистов не на смелые поиски и решение новых задач, а на разъяснение задач, уже решенных, и тем самым приводило к застою научной мысли. Учитывая это обстоятельство, мы должны более серьезно и вдумчиво отнестись к вопросу о том, как именно надо подходить в политической экономии к вопросам экономической политики. Правильный подход к данному вопросу должен обеспечить более ус-

пешное развитие экономической теории и повышение эффективности ее выводов для хозяйственной практики.

Итак, предметом политической экономии являются производственные отношения, которые она изучает во взаимодействии с производительными силами и надстройкой.

Однако все споры о предмете политической экономии будут беспредметны и безрезультатны, пока мы не будем по-настоящему изучать и исследовать этот предмет. Только тогда будут возможны действительные научные достижения, нужные практике, с одной стороны, и только тогда можно будет полностью убедиться в правильности того или иного оттенка мнения, с другой стороны.

Между тем, если говорить о политической экономии социализма, предмет науки исследован здесь в очень слабой степени, и именно это должно нас беспокоить больше всего. Одной из причин недостаточного развития политической экономии социализма явилось длительное господство в литературе, в научной и преподавательской работе нигилистической позиции, отрицавшей политическую экономию социализма как науку.

Исторические рамки политической экономии. О политической экономии социализма как теоретической науке

Ф. Энгельс подчеркивал, что предметом политической экономии являются производственные отношения всех способов производства, другими словами, что теоретическому изучению подлежат отношения людей по производству на всех стадиях развития человеческого общества. В связи с этим Ф. Энгельс формулирует в «Анти-Дюринге» важное положение о политической экономии в узком смысле слова (политическая экономия капитализма) и о политической экономии в широком смысле слова. «Политическая экономия как наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, в каждом данном обществе совершается распределение продуктов, — по-

литическая экономия в этом широком смысле еще только должна быть создана»[1].

Оценивая положение в области политической экономии в то время, Ф. Энгельс отмечал, что она ограничивалась почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства. Это вполне понятно, поскольку именно научный анализ капиталистических отношений являлся основой и непременным условием для успешной борьбы рабочего класса за преобразование старого общества. Но вместе с тем Ф. Энгельс отмечал, что для критики буржуазной экономии недостаточно было знакомства лишь с капиталистической формой производства, а для этого требовалось также хотя бы в общих чертах исследовать и привлечь к сравнению докапиталистические формы производства. «Такое исследование и сравнение,— пишет Ф. Энгельс,— было в общем и целом предпринято пока только Марксом, и почти исключительно его работам мы обязаны поэтому всем тем, что установлено до сих пор в области теоретического исследования добуржуазной экономики»[2].

Эта очень важная мысль Ф. Энгельса неоднократно подчеркивалась В. И. Лениным. В рецензии на «Краткий курс экономической науки» А. Богданова В. И. Ленин, отмечая достоинства этой книги, писал: «Воззрение на политическую экономию, как на науку о развивающихся исторически укладах общественного производства, положено в основу порядка изложения этой науки в «курсе» г-на Богданова ...Автор излагает содержание науки... не догматически, а в форме характеристики последовательных периодов экономического развития, именно: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и, наконец, капитализма. Именно так и следует излагать политическую экономию». Ибо, отмечает В. И. Ленин, «задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы»[3].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 153—154.
[2] Там же, стр. 154.
[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 36.

Таким образом, классики марксизма-ленинизма дали не только четкое определение предмета политической экономии, но и ясный ответ на вопрос об исторических рамках этой науки. Но эти указания не раз подвергались сомнению и пересмотру. Подобная попытка в нашей стране впервые была предпринята Бухариным и его школой, которые позаимствовали свою позицию у Гильфердинга.

Гильфердинг в серии статей в «Neue Zeit», относящихся к 1904—1905 годам, выдвинул и обосновал тезис о том, что предметом политической экономии являются якобы лишь производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства, производственные же отношения докапиталистических и социалистического обществ прозрачны и не требуют теоретического научного исследования. «Люди, — писал Гильфердинг, — могут сознательно относиться друг к другу в производстве, как члены одного производственного целого: их положение в производстве и их взаимные отношения регулируются единообразно... Само производственное отношение непосредственно понимается, как сознательно установленное всем обществом и желательное ему. С объяснением генезиса этого порядка и описанием его задача является исчерпанною. Экономическое исследование является здесь лишь историко-экономическим исследованием. Здесь нет места теоретической экономии» [1].

Эту точку зрения воспринял и развил далее Н. Бухарин. В книге «Экономика переходного периода», вышедшей в свет в 1920 году, Бухарин писал: «*Теоретическая* политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве *товаров,* т. е. наука о *неорганизованном* социальном хозяйстве... В самом деле, лишь только мы возьмем организованное общественное хозяйство, как исчезают все основные «проблемы» политической экономии... Таким образом, конец капиталистического общества будет концом и политической эконо-

[1] Цит. по книге: *А. Богданов* и *И. Степанов.* Курс политической экономии, т. II. Госиздат, 1923, стр. 11. В свою очередь тезис о прозрачности и ясности социалистических отношений, которые в силу этого не нуждаются в теоретическом исследовании, Гильфердинг заимствует у Конрада Шмидта, соответствующие статьи которого печатались в 1890—1891 годах.

мии»[1]. Бухарин в своей работе «Политическая экономия рантье», вышедшей несколько позднее, продолжал развивать эту мысль. «Политическая экономия, как наука,— писал он, — может иметь своим объектом исключительно товарное (resp. товарно-капиталистическое) общество. В самом деле, если бы мы имели перед собою какой-либо вид организованного хозяйства, будь это ойкосное хозяйство Родбертуса, первобытная коммуна, феодальное поместное или организованное общественное хозяйство социалистического «государства», — мы не нашли бы там ни одной проблемы, разрешение которой составляет задачу теоретической экономии... Словом, не сознательный расчет коллектива, а слепая сила общественной стихии, проявляющаяся в целом ряде общественно-экономических явлений — в первую голову рыночной цены, — вот что характерно для современного общества и вот что составляет предмет экономической науки. При социалистическом строе политическая экономия потеряет свой смысл; останется лишь «экономическая география» — наука идеографического типа — и нормативная наука «экономической политики»; ибо отношения между людьми будут простыми и ясными, устранится их вещная фетишизированная форма, а на место закономерностей стихийной жизни станет закономерность сознательных действий коллектива».

Предметом политической экономии, согласно этой установке, являются лишь производственные отношения товарного хозяйства, которые выступают на поверхности как отношения вещей, а центральным пунктом «Капитала» являются главы о товаре и товарном фетишизме. В условиях же социализма производственные отношения ясны до прозрачности, люди становятся полными господами этих отношений и могут устанавливать их по собственному усмотрению. Теоретическое изучение их не имеет смысла.

Такая установка, можно сказать, безраздельно господствовала в нашей литературе вплоть до начала

---

[1] См. XI Ленинский сборник, стр. 349. Сходную формулировку дает Р. Люксембург, которая писала, что «победа современного рабочего класса и осуществление социализма означает, таким образом, конец политической экономии как науки» («Введение в политическую экономию», 1929, стр. 67).

30-х годов. Она широко пропагандировалась, развивалась и конкретизировалась как в специальных работах, так и в популярной и учебной литературе. Так, мотивируя тезис о ненужности политической экономии социализма как науки, автор одного из учебников того периода А. Кон писал: «Производственные отношения организованных обществ ясны до прозрачности. Принцип управления производством и распределением продуктов лежит здесь на поверхности явлений. Он виден и понятен всем и каждому. В меновых же обществах регулирование общественного производства осуществляется помимо воли и сознания отдельных людей, за их спиною, стихийным образом... Экономическая наука, изучающая организованные общества, неизбежно носит историко-описательный (идеографический) характер, наука же, изучающая производственные отношения меновых обществ, является теоретической (монографической) наукой.

Политической экономией мы называем теоретическую экономическую науку, т. е. науку о производственных отношениях только меновых обществ»[1].

Эта установка нашла отражение и в отдельных монографиях. В качестве примера можно указать на две работы А. Леонтьева и Е. Хмельницкой: «Советская экономика (опыт теоретического анализа)», изданную в 1926 году, и «Очерки переходной экономики», изданную в 1927 году. В этих работах авторы предлагали различать натуральное и товарное хозяйства и соответственно производственные отношения между людьми в пределах одной хозяйственной единицы и отношения между людьми, работающими в разных хозяйственных единицах. К первому типу отношений они относили все докапиталистические и послекапиталистические формации, ко второму — капиталистическую. В работе «Очерки переходной экономики» они утверждали,

[1] *А. Кон.* Курс политической экономии, ч. I. Госиздат, 1928, стр. 8. Те же рассуждения содержались во всех учебниках этого периода. Например, в «Начальном курсе политэкономии» А. Леонтьева (изд. 1929 г.) говорилось: «Стало быть, политическая экономия изучает производственные отношения людей, существующие при капиталистическом укладе» (стр. 11). После же полной победы социализма, писал далее автор, «политическая экономия окажется ненужной для активных строителей жизни» (стр. 13).

что «между людьми, сотрудничающими в пределах одной хозяйственной единицы, существуют взаимоотношения принципиально иного характера, чем между людьми, работающими в разных хозяйственных ячейках» (стр. 18). В первом случае «характерный признак производственных отношений между людьми заключается в ясности, прозрачности, относительной простоте этих отношений», во втором же случае «отношения людей не могут получить своего ясного и прозрачного выражения... они должны проявиться исключительно в завуалированной оболочке вещных отношений» (стр. 18, 19). Во втором случае налицо объект теоретического изучения. Здесь имеется система объективных законов. Учение же о товарном фетишизме является «по сути дела учением о предмете и методе марксистской теоретической экономии...» (стр. 19). В первом же случае предмета для теоретического исследования нет. В само определение натурального хозяйства, подчеркивали авторы, «входит представление о системе ясных, беспроблемных отношений производства» (стр. 25—26).

Что же касается специально социалистического способа производства, то авторы заявляли, что «здесь перспективы теоретико-экономического исследования столь же безнадежны, как и в разобранном выше случае натурального докапиталистического хозяйства. В самом деле, ведь та экономическая структура будущего общества, которая стояла перед духовным взором Маркса—Энгельса, представляет собою наивысшее проявление безраздельного господства сознательных, ясно организованных производственных отношений между людьми. В данном случае господство прозрачных общественно-производственных отношений будет простираться уже не в узких рамках племени, рода, отдельной семьи, а охватит все человеческое общество... Поэтому ни статика, ни динамика послекапиталистической экономической структуры общества не содержат проблем теоретико-экономического порядка» (стр. 27). Авторы утверждали, что докапиталистические и послекапиталистические формации являются предметом изучения не политической экономии как теоретической дисциплины, а описательных дисциплин, и прежде всего истории народного хозяйства.

Однако положение авторов было более сложным, чем, скажем, положение Гильфердинга, который рассуждал о социализме умозрительно. Наши авторы имели перед собой не только факт победоносной Октябрьской революции, но и значительные шаги по строительству социалистической экономики с его трудностями и проблемами, в том числе опыт проведения новой экономической политики. Поэтому в отношении переходного периода от капитализма к социализму авторы делали уступку в сторону теории, но лишь в той мере, в какой в переходном хозяйстве сохранялись товарно-денежные отношения, ибо, как утверждали авторы, то, что в переходном хозяйстве имеется сверх товарно-денежных отношений, «не носит характера стихийно-гетерогенного, а, напротив, совершенно явственно принадлежит к типу автогенных, сознательных отношений, не нуждающихся в специально-теоретическом исследовании» (стр. 81).

Разберемся в этой теоретической установке.

Тезис о «сознательных отношениях» теоретически порочен. Производственные отношения в любом обществе представляют собой объективное экономическое бытие. К. Маркс недаром подчеркивал, что в общественном производстве «люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»[1]. Это положение сохраняет свою силу для всех способов производства, в том числе и для социализма. И в условиях социализма производственные отношения объективны. Они не могут быть сознательными или бессознательными. Они могут быть осознанными людьми или не осознанными. Но оттого, что эти отношения при социализме осознаются людьми, они не теряют своей объективности и независимости от желания людей. Люди не могут по собственному желанию устанавливать те или иные отношения. Те или иные производственные отношения (и степень их развития) зависят от уровня развития производительных сил. Мы бы, скажем, очень хотели установить сейчас отношения распределения по потребностям, но существующий уровень

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 6.

развития производительных сил не позволяет сделать это. Следует подчеркнуть, что степень осознания или познания существующих производственных отношений и тенденций их развития имеет, конечно, очень большое значение для руководства хозяйством, для более полного использования экономических законов в интересах общества.

В связи с этим мы логически подходим к другому вопросу: можно ли согласиться с тезисом о том, что производственные отношения во всех докапиталистических способах производства и при социализме очень просты, ясны и прозрачны и не требуют теоретического изучения?

Конечно, здесь отношения между людьми не принимают видимости отношения между вещами, то есть они свободны от покрова товарного фетишизма. Но это не означает, что такие отношения просты, прозрачно ясны и не нуждаются в теоретическом анализе. Например, отношение феодальной эксплуатации, хотя оно и не принимает видимости отношения вещей, представляет сложную задачу для познания. Понадобился гений теоретического анализа К. Маркса для раскрытия тайны феодальной эксплуатации и формулирования закона феодальной ренты. Сущность явлений никогда не совпадает с формой их проявления. Внутреннее содержание производственных отношений всегда выглядит иначе, чем их внешнее проявление. К этому, поскольку идет речь об эксплуататорских обществах, присоединяются трудности, проистекающие из фальсификации этих отношений в официальной пропаганде.

В данной связи следует упомянуть о том искусственном противопоставлении отношений *внутри* хозяйственной ячейки и *между* ячейками, которое делали авторы, утверждая, будто такие связи принципиально отличны друг от друга и что связи внутри хозяйственной единицы прозрачны и ясны и не требуют изучения. Это положение применительно к капитализму не выдерживает критики даже с точки зрения самих авторов, поскольку отношение эксплуатации также облекается в товарную форму. Но и независимо от этого отношение капиталистической эксплуатации внутри предприятия достаточно сложно. Напомним, что, вскрывая отношение эксплуатации, К. Маркс в I томе «Капитала»

не выходит еще по существу за пределы отдельного капиталистического предприятия. Он это делает во II и III томах.

Не менее, а еще более сложны для познания, как это ни странно на первый взгляд, производственные отношения социалистического способа производства. Основная причина заключается в том, что социалистический способ производства исторически более высокий способ производства по сравнению со всеми предшествующими. Это означает более высокий уровень развития производительных сил, более высокую степень развития общественного хозяйства, а значит, более высокую ступень развития общественного разделения труда и, наконец, более высокий тип производственных отношений, характеризующийся многосторонностью общественных связей производителей.

В условиях капитализма основная линия взаимоотношений в обществе, как бы она ни маскировалась, пролегает резко между классами рабочих и капиталистов. Это линия эксплуатации одного класса другим. В условиях социализма производственные связи производителей идут по многим направлениям. Такое богатство связей определяет развитие всего богатства способностей и дарований производителей. При социализме отношения в процессе производства являются отношениями между множеством равноправных, свободных от эксплуатации производителей, работающих в различных предприятиях и отраслях производства, равноправных в их отношении к общественным средствам производства, но не равных еще в смысле квалификации, способностей, прилежания, а следовательно, и в распределении продукта труда. Эти отношения, хотя и не маскируются вещной оболочкой, представляют большую сложность для научного познания. Социализм приносит не только принципиальное изменение природы связей, но громадное обогащение связей и форм общения между производителями.

Характерной чертой разбираемой установки было явное преувеличение и абсолютизация товарно-денежной стороны и товарного фетишизма. Теоретические и экономические проблемы ее авторы видели только там и тогда, где и когда были налицо товарно-денежные отношения и закон стоимости. В соответствии с этим и все способы производства классифицировались лишь по

одному признаку — наличие товарных отношений — на товарные и натуральные. Но это деление, разумеется, совершенно недостаточно для понимания характера и особенностей различных способов производства. Например, хотя досоциалистические способы производства все относятся к натуральным, между ними есть громадная разница: первобытнообщинный строй основан на общей, групповой собственности и коллективном труде, в то время как рабовладельческий и феодальный способы производства основаны на частной собственности и подневольном труде. Деление лишь по меновому признаку смазывало коренные черты различных способов производства и в то же время находило принципиальные различия там, где их нет, например между отношениями внутри капиталистического предприятия и в рамках капиталистического хозяйства данной страны.

Могут спросить, почему сейчас мы вспоминаем эту страницу истории нашей экономической мысли. Ведь указанная установка в отношении предмета политической экономии вся в прошлом. Действительно, в настоящее время никто из наших экономистов не разделяет этой установки. Но длительное ее господство разоружало теоретических работников и закрывало возможность теоретического исследования предмета экономической науки. В течение длительного периода кадры экономистов воспитывались в духе неправомерности политической экономии социализма. Это предопределило задержку в развитии экономической теории социализма и нанесло ей ущерб, последствия которого сказываются до сих пор.

Решающее значение для преодоления этой установки сыграло опубликование в 1929 году замечаний В. И. Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». В. И. Ленин резко выступил против бухаринского определения предмета политической экономии. Он подчеркнул, что такое определение — шаг назад по сравнению с определением Ф. Энгельса, которое включало в предмет политической экономии все формации, и что политическая экономия сохранится и в условиях полного коммунизма [1]. Это был своего рода удар грома среди ясного неба. В результате в начале 30-х

[1] См. XI Ленинский сборник, стр. 349.

годов как в учебниках, так и в научной и популярной экономической литературе совершился поворот к правильному определению предмета политической экономии, включающему не только капиталистический, но и другие способы производства, в том числе и коммунистический.

Однако это было в значительной степени лишь декларативным признанием правильной установки. А для развития науки важно не только дать правильное определение предмета, но и реализовать данное определение в научной работе, то есть исследовать предмет по существу. Таких исследований долгое время после публикаций ленинских замечаний не проводилось. В течение длительного времени в нашей литературе никаких иных производственных отношений при социализме, кроме товарно-денежных, не признавалось. Экономика при социализме часто рассматривалась как синоним товарно-денежных отношений, и только. Понятным становится и тот факт, что все теоретические дискуссии велись преимущественно вокруг вопроса о стоимости и товарно-денежных отношениях, а первым экономическим законом, вошедшим в курс политической экономии социализма, был закон стоимости. Влияние этой установки сказывалось длительное время. Фактически некоторые авторы производственные отношения социализма сводили лишь к товарно-денежным, а других и не видели. Неизбежным результатом такого положения явилась однобокость в изучении экономики социализма.

Система производственных отношений. Основные и производные отношения

Всякая общественно-экономическая формация характеризуется определенной совокупностью производственных отношений. Но эта совокупность представляет собой отнюдь не простую механическую *сумму,* а определенную *систему* отношений. Недаром К. Маркс называет совокупность производственных отношений *экономической структурой общества.*

Совокупность производственных отношений данной формации состоит из самых различных отношений, свой-

ственных данной формации, и из остатков отношений предшествующих формаций (например, остатки феодальных отношений в капиталистических странах). Все эти отношения не механически сосуществуют друг подле друга, а находятся в определенном, весьма активном взаимодействии, взаимовлиянии. Система производственных отношений — это определенная система связей, взаимодействия друг с другом различных отношений в пределах данного способа производства.

Формы взаимодействия производственных отношений различны. Можно отметить, например, связь по линии соподчинения — менее общие и более общие отношения, первичные, или первоначальные, и производные отношения. К. Маркс во «Введении» к критике политической экономии», характеризуя производственные отношения, между прочим, отмечает: «*Вторичные* и *третичные,* вообще *производные, перенесенные*, непервичные производственные отношения» [1].

Важнейшее значение для складывания системы производственных отношений имеет основное производственное отношение, определяющее существо данного способа производства. Для капитализма таким отношением является отношение эксплуатации наемного труда капиталом. К. Маркс подчеркивал, что «отношение капитала к наемному труду определяет весь характер данного способа производства», «образует его господствующую категорию, его определяющее производственное отношение...» [2]. Ф. Энгельс, развивая это положение, указывал, что «отношение между капиталом и трудом, — та ось, вокруг которой вращается вся наша современная общественная система...» [3].

На почве основного производственного отношения вырастают и развиваются другие отношения данного способа производства. Так, при капитализме на почве отношения эксплуатации наемного труда вырастает и развивается отношение между капиталистами по разделу прибавочной стоимости. Основное производственное отношение подчиняет себе и более элементарные пред-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 735.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 452, 394.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 240.

шествующие отношения и остатки отношений предшествующих формаций. К. Маркс указывает, что более развитое отношение сохраняет элементарное отношение, из которого оно развилось «как подчиненное отношение»[1]. Отношение эксплуатации вырастает и развивается на почве товарно-денежных отношений, в процессе их развития. Сам процесс капиталистической эксплуатации приобретает товарную форму и выступает как покупка — продажа рабочей силы. Отношение товаропроизводителей выступает здесь как более общее и предшествующее другим отношениям капитализма, но вместе с тем и как более элементарное и подчиненное основному производственному отношению капитализма. Поэтому К. Маркс первые главы «Капитала» посвящает анализу товара, а затем переходит к анализу основного производственного отношения — отношения эксплуатации, ставя его в центр своего исследования. И лишь затем К. Маркс переходит к анализу других отношений, вырастающих на почве и в связи с капиталистической эксплуатацией.

Тот же подход должен быть применен и при анализе социалистических производственных отношений. Недостаточное развитие экономической теории социализма в немалой степени обязано тому, что положения К. Маркса о системе производственных отношений и об основном производственном отношении применительно к социализму не разрабатывались и долгое время не признавались.

В последнее время идея основного производственного отношения социализма постепенно завоевывает признание среди экономистов. Но по мере того как увеличивается число сторонников этой идеи, появляются серьезные разногласия относительно того, какое же именно отношение является основным. Многие экономисты (и философы) считают основным производственным отношением социализма отношение общественной собственности. Эта точка зрения мотивируется тем, что общественная собственность есть «основа производственных отношений социализма», а создание ее путем национализации явилось исходным моментом социалистического преобразования общества. Не случайно защитники та-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 728.

кой концепции называют общественную собственность *исходным* и *основным* производственным отношением социализма, подчеркивая тем самым, что анализ производственных отношений надо начинать с отношения собственности как самостоятельного и независимого отношения.

Так, Я. А. Кронрод пишет, что исходным пунктом социализма «является революционный переворот во всей совокупности господствующих отношений производства, причем решает переворот в основном производственном отношении — собственности на средства производства. Поэтому объективная логика развития отношений социализма есть логика развития в целом нового, революционно возникающего строя производства, определяемого его решающим основным отношением — социалистической собственностью на средства производства. Таким образом, отношение социалистической собственности на средства производства исторически и логически является тем исходным всеобщим отношением, которое определяет и объективный строй, систему взаимосвязей отношений производства социализма и соответственно отражающую этот строй внутреннюю логику экономических категорий социализма как логику системы его политической экономии, развития предмета этой науки» [1].

Авторы коллективной статьи в журнале «Вопросы экономики», посвященной предмету политической экономии, развивая это положение, пишут: «Прежде всего исторически и логически исходным для возникновения и развития социалистической системы хозяйства и всей коммунистической формации в целом является общественная собственность на средства производства... Итак, исторически и логически социалистическия система хозяйства имеет своей основой создание социалистической собственности на средства производства... Соответственно этому должен строиться и курс политической экономии социализма. Анализ производственных отношений социализма в их взаимодействии с производительными силами надо начинать с основного производственного от-

[1] «Вопросы экономики» № 12, 1964, стр. 83—84.

ношения — социалистической собственности на средства производства»[1].

Эта концепция в своем первом варианте, уже рассмотренная однажды нами[2], весьма уязвима во многих отношениях. Прежде всего провозглашение собственности в качестве основного производственного отношения нельзя считать методологически правильным. Оно отправляется от поверхности явлений и находится под явным влиянием весьма искусственной и произвольной схемы производственных отношений, первым элементом в которой были поставлены отношения собственности, как таковые, независимые от производства отношения. Между тем К. Маркс в полемике с Прудоном ясно показал, что собственность — это не одно из отношений, хотя бы и главное, а вся совокупность отношений данного общества. «Поэтому, — писал К. Маркс, — определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства. Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию»[3]. К. Маркс при этом неоднократно повторял, что отношения собственности следует рассматривать не сами по себе, не как независимые и самостоятельные отношения, а в их реальной форме, то есть как *производственные отношения*[4].

«Капитал» К. Маркса показывает нам пример раскрытия капиталистической собственности в целом ряде взаимосвязанных производственных отношений, в центре которых стоит основное производственное отношение — отношение эксплуатации. Определяющим отношением капитализма К. Маркс называет именно отношение эксплуатации, а не отношение собственности как независимое и самостоятельное отношение. Этот метод К. Маркса мы обязаны применить и при анализе социалистической общественной собственности как системы производственных отношений, выделив из них ос-

---

[1] «Вопросы экономики» № 7, 1964, стр. 113, 114.

[2] См. сборник «Основное производственное отношение социализма». Изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1963.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 168.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 26.

новное отношение. Утверждение о том, что общественная собственность — это и есть искомое основное производственное отношение социализма, означает отказ от исследования на той стадии, когда оно должно быть еще только начато.

Особым вариантом указанной концепции является точка зрения авторов учебника политической экономии под редакцией Н. А. Цаголова. Полемизируя с Я. А. Кронродом и другими экономистами по поводу собственности как *исходного* отношения и правильно указывая, что собственность — это не самостоятельное и независимое отношение, а совокупность отношений, которую надо еще раскрывать [1], они в то же время в противоречии с этой установкой приходят к выводу о том, что собственность — это и есть основное производственное отношение, в том числе общественная собственность на средства производства — основное производственное отношение социализма. «Общенародная собственность на средства коллективного производства, — пишут авторы курса политической экономии под редакцией Н. А. Цаголова, — по своей сущности есть собственность *ассоциации тружеников, непосредственных производителей, свободных от эксплуатации.* Как *основное* производственное отношение она прямо противоположна сущности капитала...» [2]

Но вот вопрос: если собственность есть не отдельное, самостоятельное отношение, а, как правильно говорят авторы, совокупность отношений или иное название этой совокупности, то как же можно, не впадая в элементарный алогизм, объявлять ее основным, то есть главным, определяющим отношением? Ведь задача-то как раз в том и состоит, чтобы из всей совокупности производственных отношений выделить основное отношение и, поднявшись на эту ступень, идти затем дальше — к выяснению системы отношений. Объявив собственность основным производственным отношением, авторы фактически закрыли перед собой путь к исследованию всей системы производственных отношений социализма.

---

[1] См. *Н. А. Цаголов.* Актуальные вопросы методологии политической экономии. Изд. 1964, стр. 8, а также статью С. Дзарасова в журнале «Вопросы экономики» № 3, 1964, стр. 92.

[2] «Курс политической экономии», т. II. Экономиздат, 1963, стр. 134.

В отличие от Я. А. Кронрода и других данная группа экономистов, признавая собственность основным отношением, отказывается признать ее исходным отношением. Они правильно утверждают, что собственность не может быть исходным отношением, что исходным отношением должно являться отдельное, притом всеобщее и вместе с тем простейшее отношение. Таким отношением, по их мнению, является отношение планомерности. «Планомерность есть экономическая форма, наполненная экономическим содержанием. Эта отдельная категория и выступает как простейшая, наиболее абстрактная категория, на которой покоится вся система соподчиненных категорий политической экономии социализма»[1].

Но такое заключение основано лишь на формальной аналогии: при капитализме — товар, анархия производства, при социализме — нет товара, нет анархии производства, есть планомерность. Ничем другим оно не аргументируется. Отношение планомерности, конечно, весьма общее, но отнюдь не простое, тем более не простейшее отношение. Оно само должно быть как категория выведено и объяснено. И если до сих пор мы выводили и объясняли его, исходя непосредственно из общественной собственности на средства производства, то здесь было все-таки больше логики, чем в том случае, когда пытаемся общественную собственность, которую провозглашаем как основное отношение, объяснить, исходя, отправляясь от планомерности. Вполне понятно, что, провозгласив планомерность исходной простейшей категорией, на которой покоится вся система соподчиненных категорий политической экономии социализма, авторы не смогли, однако, раскрыть эту систему. Фактически же у авторов учебника отношение планомерности выступает не только как «исходное», а в одном ряду с основным, как конкурирующее с ним, то есть как второе (или первое) основное производственное отношение.

Спор об исходном пункте, или исходном отношении, ведется сейчас на весьма зыбкой почве, поскольку недостаточно исследованы по существу производственные отношения социализма, даже те, которые нами выявле-

---

[1] *Н. А. Цаголов.* Актуальные вопросы методологии политической экономии, стр. 10.

ны, и поскольку не решен вопрос об основном производственном отношении социализма. Кроме того, в дискуссии часто упускается из виду различие между исходным пунктом научного исследования и исходным пунктом изложения. Между тем К. Маркс подчеркивал это различие. Он смог установить порядок изложения в «Капитале» лишь тогда, когда он достаточно разработал краеугольный вопрос своей теории — вопрос о прибавочной стоимости, то есть об основном производственном отношении капитализма. Исходное отношение — это исходный пункт развития основного производственного отношения данного способа производства. Но для того чтобы подойти к нему, надо сначала установить и исследовать основное производственное отношение, а затем уже прослеживать исторические этапы его развития, начиная с самых элементарных. В изложении мы можем начинать с этого исходного отношения, а в процессе исследования последовательность по необходимости должна быть иной. Решающее значение для выяснения вопроса об исходном пункте изложения в научном исследовании имеют, следовательно, разработка и правильное решение вопроса об основном производственном отношении социализма. Точно так же правильное решение вопроса об основном производственном отношении имеет решающее значение и для выявления производных отношений, поскольку они производны от основного.

Таким образом, решение вопроса об основном производственном отношении — это ключ для выявления других специфических отношений данного способа производства и создания системы производственных отношений.

Концепция основного производственного отношения социализма как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи ради общей для всех цели, как показали уже первые шаги ее разработки, в высшей степени плодотворна как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Эта концепция, в частности, дает возможность правильнее подойти и к вопросу об исходном отношении в политической экономии социализма.

Поскольку исходное отношение, как его понимает К. Маркс, — это общая форма и элементарная ступень

развития основного отношения, постольку для выявления его применительно к социализму необходимо установить общую форму и элементарную ступень развития отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи ради достижения общей цели.

На основе работы, проделанной в научной группе, мы пришли к следующему выводу, который, конечно, носит еще характер научной гипотезы и подлежит обсуждению и дальнейшей разработке. При социализме общей формой производства может быть лишь объединение и содружество равноправных производителей, совместно и в общих интересах решающих производственные задачи, или, иначе говоря, коллективность производства, или отношение коллективизма. Этот вывод полностью согласуется с указанием К. Маркса, который характеризует социалистическое производство как коллективное производство, а коллективность рассматривает как основу социалистического производства [1].

Отношение коллективизма, как и отношение товаропроизводителей, не появляется на свет сразу в развитом виде, а проходит определенный путь развития. Первые, элементарные формы этого отношения К. Маркс открывает в первобытнообщинном строе. Анализ этих форм отношения коллективизма, данный К. Марксом, представляет первостепенный интерес.

В условиях первобытнообщинного строя коллективный характер труда и производства диктовался исключительной слабостью технической вооруженности труда и бессилием отдельного человека перед лицом стихийных сил природы. В этих условиях только лишь объединение людей в коллективы давало им возможность существования. Здесь «в качестве первой великой производительной силы выступает сам коллектив...» [2]. «Цель всех этих коллективов, — указывает К. Маркс,— сохранение, т. е. *воспроизводство образующих коллектив индивидов...*» [3]

К. Маркс отмечает далее характерные внутренние связи этого первобытного коллектива. «Каждый от-

---

[1] См. Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 117 и др.

[2] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат, 1940, стр. 29.

[3] Там же стр. 27.

дельный человек, — пишет он, — выступает только как звено {коллектива}, как член этого коллектива... Эта форма, в основе которой лежит то же самое основное отношение... сама может реализоваться самым различным образом»[1]. В связи с этим К. Маркс останавливается на характеристике славянских общин, общин в Мексике, Перу, древних кельтов, Индии и других стран, вскрывая здесь за различиями общие черты или основное отношение, характерное для коллективных форм производства. «Во всех этих формах основой развития является *воспроизводство заранее данных* (в той или иной степени естественно сложившихся или же исторически возникших, но ставших традиционными) отношений отдельного человека к его общине и *определенное*, для него *предопределенное, объективное* бытие как в смысле его отношения к условиям труда, так и в смысле его отношения к своим товарищам по труду, соплеменникам и т. д...»[2] К. Маркс здесь отмечает разносторонность связей и форм общения, характерную для коллективных форм производства: отношения отдельного члена к коллективу в целом и коллектива — к отдельному члену, отношения членов коллектива друг к другу как равноправных членов, как товарищей по труду, соплеменников и т. д.

Вместе с тем К. Маркс показывает и историческую ограниченность этой формы коллективизма. Основой коллективизма здесь является прежде всего естественно сложившийся коллектив — семья, разросшаяся в племя семья, ряд семей, связанных браками, одним словом, естественно сложившаяся племенная общность или «естественная коллективность»[3]. Рост вооруженности труда, развитие связей между общинами в форме обмена подрывали основы первобытнообщинного коллективизма и вызывали, как подчеркивает К. Маркс, его упадок и гибель[4].

Но если эта форма коллективизма гибнет, то не возникает ли какая-либо другая форма в условиях эксплуататорских формаций? И вообще, можно ли говорить

---

[1] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 6.

[2] Там же, стр. 19.

[3] Там же, стр. 5.

[4] См. там же, стр. 19.

об отношении коллективизма и его развитии в условиях эксплуататорского строя? Разумеется, в недрах эксплуататорского общества могут сохраниться отдельные коллективы как пережитки общинного строя. Но сама природа всякого эксплуататорского общества противоположна коллективизму. Коллектив означает содружество равноправных производителей, объединенных общими интересами и общей целью. Но эксплуататоры и эксплуатируемые неравноправны и преследуют различные, прямо-таки противоположные цели. Поэтому кооперация труда, превращающаяся при капитализме в постоянную форму производства, не может рассматриваться в качестве коллектива, поскольку она является реализацией отношения эксплуатации, а не отношения коллективизма и товарищества. Иногда ставится вопрос: а нельзя ли все-таки в рамках этой кооперации, абстрагируясь от капиталиста, рассматривать в качестве коллектива группу рабочих, выполняющих определенную производственную задачу? По нашему мнению, нельзя. Во-первых, потому, что абстрагироваться от капиталиста при капитализме вообще невозможно и недопустимо. Во-вторых, потому что, какие бы группы работников мы ни взяли, они всегда включают в себя мастеров, бригадиров и другой административный персонал, представляющий при капитализме интересы капиталиста. В-третьих, капитализм вносит и в среду рабочих элементы конкуренции. В-четвертых, потому, что рабочие при капитализме работают для достижения чуждой им цели и труд их носит подневольный характер, в связи с чем между ними невозможно то творческое взаимодействие, которое присуще коллективу.

Все это, однако, не означает, что развитие капиталистического производства и капиталистической кооперации труда не имеет значения для развития коллективизма. Хотя отношение коллективизма не может существовать и развиваться в рамках капитализма, но развитие капиталистического производства подготовляет материальные и политические предпосылки для возникновения и развития новой, исторически более высокой формы этого отношения — социалистического коллективизма.

В условиях первобытнообщинного строя коллективный характер производства диктовался слабой техни-

ческой вооруженностью труда, беспомощностью отдельного человека перед стихийными силами природы. В современный период коллективный характер производства диктуется огромным развитием технических средств труда, современных производительных сил, беспомощностью отдельного человека перед лицом могущественных общественных производительных сил, управление и использование которых возможно лишь при помощи коллектива: в руках коллектива они превращаются в покорных слуг, в руках отдельных лиц, частных собственников — в стихийную разрушительную силу, подобную необузданным силам природы.

Основой первобытного коллектива была естественно сложившаяся коллективность в виде разросшейся семьи, племени, рода. Основой социалистического производственного коллектива в современных условиях является современная кооперация труда, построенная на новейшей технике. Капиталистическая кооперация труда не образует коллектива, но она является материальной основой для возникновения производственного коллектива при переходе к социализму. Являясь при капитализме постоянной формой производства, кооперация создает у рабочих привычку к совместному организованному труду. В среде рабочих при капитализме возникают и навыки коллективизма и солидарности, но эти навыки зарождаются в процессе расширяющейся борьбы рабочего класса против капитала. В. И. Ленин указывал, что отдельный рабочий в одиночку оказывается бессильным и беззащитным перед лицом капитала, применяющего против рабочих новейшую технику. Само развитие капиталистического производства толкает рабочих к объединению, сплоченности, солидарности как к единственно верному средству успешной борьбы против капитала. Эти качества рабочего класса сильнее всего проявляются в стачечной борьбе [1]. Стачечная борьба, с одной стороны, является выражением растущего антагонизма между рабочим классом и капиталом, а с другой — крепнущей товарищеской солидарности рабочих. Недаром К. Маркс в «Учредительном Манифесте Международного Товарищества Рабочих» писал: «...освобождение рабочего класса требует братского сотрудни-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 91—92.

чества рабочих...»[1] Эти качества рабочих, которые вырабатываются в процессе борьбы против капитала, являются ценнейшим строительным материалом, без которого невозможно было бы создание социалистического производственного коллектива.

Однако социалистический производственный коллектив не складывается сразу же в своем развитом виде, а проходит длительный путь развития от своих первоначальных до наиболее развитых форм. Этапы такого развития есть этапы развития основного производственного отношения социализма и в то же время ступени роста производительности социалистического труда. Изучение этих этапов представляет специальную теоретическую задачу большой важности. В частности, в высшей степени интересным было бы с данной точки зрения проанализировать первый этап становления социалистического производственного коллектива, включая введение рабочего контроля, национализацию промышленных предприятий и первые шаги рабочих коллективов по налаживанию производства после национализации.

Отправляясь от трактовки основного производственного отношения социализма как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи, мы можем решать и вопрос о производных отношениях социализма. До сих пор сущность тех производственных отношений социализма, которые уже выявлены, недостаточно выяснена и связь между ними не установлена. Пытаясь установить такую связь, мы, как правило, ограничиваемся простой ссылкой на то, что все они имеют своей основой общественную собственность на средства производства. Ссылка эта обычно мало что объясняет.

Другое дело, если мы, исходя из определенной трактовки основного производственного отношения социализма, устанавливаем производные от него и связанные с ним отношения. Например, отношение планомерности есть, несомненно, производное отношение от основного производственного отношения социализма. Товарищеское сотрудничество и социалистическая взаимопомощь миллионов людей ради общей для них цели не могут осуществляться вне планомерного распределения ресур-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 11.

сов по отраслям производства в пространстве и во времени и планомерной организации всего процесса производства в масштабе всего народного хозяйства. Следовательно, планомерность — объективное отношение между производителями в процессе производства, сотрудничающими для достижения общей для всех цели.

Возьмем отношение распределения по труду. Некоторые экономисты связывают это отношение непосредственно с товарно-денежными отношениями и фактически выводят закон распределения по труду из закона стоимости, а сущность распределения по труду видят в принципе эквивалентности. С этим, конечно, нельзя согласиться. Во-первых, отношения распределения нельзя выводить из отношений обмена: и те и другие определяются отношениями производства. Во-вторых, толкуя распределение по труду в смысле реализации принципа эквивалентности, мы смазываем коренные особенности нового, подлинно социалистического отношения распределения.

Для того чтобы понять сущность отношения распределения, нужно в соответствии с методологией К. Маркса связать его непосредственно с основным производственным отношением данного способа производства. Чтобы понять сущность распределения по труду, надо вывести его как производное отношение от основного производственного отношения социализма, то есть отношения коллективизма, товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи работников, объединенных общей целью производства. В данном случае распределение по труду предстанет перед нами в своем действительном виде: *как отношение товарищей в общем деле, распределяющих между собой общий продукт их общего труда.*

К. Маркс дал глубокое обоснование этого принципиально нового способа распределения, исходя из природы социалистического производства как коллективного производства и из нового характера труда как коллективного труда. Указывая, что на основе коллективного производства труд с самого начала выступает как звено *всеобщего производства,* К. Маркс пишет: «Но при этой предпосылке не обмен придавал бы ему характер всеобщности, а заранее данный коллективный характер труда определял бы его участие в продуктах.

Коллективный характер производства с самого начала делал бы продукт коллективным, всеобщим. Обмен, первоначально имеющий место в производстве, — это был бы не обмен меновыми стоимостями, а обмен действиями, обусловленными коллективными потребностями, коллективными целями, — включал бы с самого начала участие отдельного лица в коллективном мире продуктов» [1].

Это положение К. Маркса в своей основе относится к обеим фазам коммунизма. Разумеется, на первой фазе коммунизма еще сохраняется товарное производство, товарно-денежные отношения и, следовательно, принцип эквивалентности. Но рабочая сила при социализме уже не является товаром, а, следовательно, принцип эквивалентности, сохраняющийся в сфере обмена товаров, не действует в сфере распределения.

Концепция эквивалентности в распределении по труду не столь безобидна, как может показаться на первый взгляд. Она имеет определенный и весьма нежелательный эквивалент в практике идеологической и хозяйственной работы. В области идеологической эта концепция означает перенесение товарных связей в сферу распределения и смазывание принципиальных различий в оплате труда при социализме и капитализме. В практике хозяйственной работы указанная концепция вела к недооценке роли коллектива в процессе распределения и к реализации распределения по труду в такой форме, которая не вполне соответствовала его коллективистской сущности, когда вопросы оплаты труда были исключительно функцией администрации.

По какому же принципу происходит распределение продукта труда при социализме? К. Маркс дает ясный ответ на этот вопрос: «Право производителей, — пишет он, — *пропорционально* доставляемому ими труду...» [2] Иными словами, распределение по труду осуществляется не на основе принципа эквивалентности, а на основе коллективистского принципа пропорциональности. Да иначе и быть не может среди товарищей по труду, распределяющих между собой общий продукт их общего труда в условиях первой фазы коммунизма.

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 117.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 19.

Этот новый коллективистский принцип распределения К. Маркс обосновывает также в I томе «Капитала», там, где он рассматривает особенности союза «свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewußt] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу». Отметив, что способ распределения фонда личного потребления «будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей» и что при социализме «доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем», К. Маркс пишет: «При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта» [1]. Таким образом, и здесь К. Маркс подчеркивает принцип пропорциональности в распределении предметов потребления по труду, связывая данный принцип с пропорциональностью в распределении труда по отраслям производства, то есть с законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства.

Однако для полного уяснения отношения распределения по труду недостает еще какого-то промежуточного звена. Ведь основное производственное отношение социализма и отношение планомерности являются общими для обеих фаз коммунизма, различаясь лишь по степени зрелости. Внутренняя природа отношений распределения на первой и второй фазах, конечно, едина как отношений, развивающихся в рамках товарищества и коллективизма. Это единство природы отношений распределения следует подчеркнуть, во-первых, потому, что оно часто упускается из виду, во-вторых, потому, что, только учитывая это единство, можно правильно понять процесс перерастания распределения по труду в распределение по потребностям. Однако отношение распределения по труду

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 89.

имеет столь существенные особенности, что оно свойственно лишь первой фазе коммунизма. Для объяснения данного факта мало обычной ссылки на недостаточный уровень развития производительных сил. Соответствующий уровень развития производительных сил определяет соответствующее отношение по производству, которое в свою очередь определяет соответствующее отношение распределения. Следовательно, требуется найти то особое отношение по производству (или особую сторону какого-то отношения по производству), которое свойственно также лишь первой фазе коммунизма и определяет существенные особенности распределения на этой фазе.

Искомое отношение должно быть непосредственно связано с основным производственным отношением. Поэтому выявление его следует начинать, отправляясь от основного производственного отношения социализма, точнее говоря, с выяснения некоторых особенностей его, свойственных первой фазе коммунизма.

В процесс товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи ради общей цели при социализме вступают люди как равные члены единого коллектива, но вместе с тем неравные по умственному и физическому развитию, по уровню квалификации и производственного опыта. Этот объективный факт, характеризующий уровень развития основной производительной силы общества, определяет и особое, свойственное для социализма сочетание работников в коллективе, разделение между ними трудовых функций и соединение их для общей работы. Коллектив в целом заинтересован в том, чтобы все ресурсы труда использовались в наиболее подходящем месте и с наибольшей эффективностью. Отсюда присущая социализму форма реализации требования работы по способностям, которая означает не только всеобщность труда, но и правильное и наиболее полное использование квалификации и производственного опыта каждого работника и одновременно быстрый и всеобщий подъем культурно-технического уровня. Это и есть та сторона основного производственного отношения социализма, или, точнее, производное от основного отношение людей по производству, присущее первой фазе, которое определяет особенности распределения как распределения по труду.

Без связи с основным производственным отношением социализма не могут быть поняты природа и особенности таких отношений, как товарно-денежные, и их использование при социализме. В развернувшейся за последние годы дискуссии о причинах существования и особенностях товарного производства было выдвинуто немало самых разнообразных предположений. Недостатком некоторых из них является то, что товарно-денежные отношения рассматриваются сами по себе, в отрыве от основного производственного отношения, в результате чего они приобретают самодовлеющее значение и природа их не выясняется, а иногда искажается. Например, за последнее время появились попытки искать основу товарно-денежных отношений при социализме в противопоставлении личных и общественных интересов, в обособленности интересов личности, коллектива и общества в целом. В связи с этим главный резерв развития социалистической экономики усматривается в усилении указанной обособленности. Значение стоимостных рычагов абсолютизируется. В них начинают искать ключ некоего автоматического регулирования, который помог бы освободить наши кадры от забот по руководству хозяйством.

Между тем товарно-денежные отношения и закон стоимости являются общими для многих формаций, включая и фазу социализма. В различных формациях они имеют специфику, которая определяется специфическими для данной формации отношениями, и прежде всего основным производственным отношением. При социализме товарно-денежные отношения являются формой развития товарищеского сотрудничества и взаимопомощи объединенных и свободных работников. Объединенные в коллективы работники, как товарищи в общем деле развития общественного производства, учитывая существующие объективные условия, должны на первой фазе коммунизма в целях более экономного и эффективного ведения хозяйства использовать товарно-денежные отношения и стоимостные рычаги. Следовательно, это средство, форма для успешного функционирования основного производственного отношения социализма. Только с учетом этой новой природы товарно-денежных отношений можно правильно подойти к их эффективному использованию при социализме.

Главный резерв развития нашей экономики заключается не в углублении обособленности, а в развитии единства производителей, в развитии коллективности производства. Этой цели должны служить и стоимостные рычаги, применение которых надо совершенствовать с учетом новой природы хозяйства. Но в любом случае стоимостные рычаги при социализме не могут обеспечить автоматическое регулирование экономики. Плановое хозяйство по самой своей природе требует постоянной активной деятельности по руководству хозяйством.

Концепция основного производственного отношения социализма как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи объединенных работников дает возможность не только для правильной трактовки выявленных отношений социализма, но и для вскрытия других производных отношений и тем самым для постепенного заполнения пока еще пустующих мест в таблице экономических отношений, для выявления всей системы производственных отношений социализма.

Система экономических законов социализма. Обоснование и раскрытие законов

Экономические законы есть законы развития производственных отношений. Поэтому реально существующая система производственных отношений означает наличие определенной системы экономических законов. К. Маркс на основе анализа производственных отношений дал систему экономических законов капитализма, в центре которой стоит закон прибавочной стоимости. Задача советской экономической науки — на основе анализа социалистических производственных отношений выявить систему экономических законов социализма. Слабая степень разработки социалистических производственных отношений определяет и слабую разработку вопроса о системе экономических законов социализма. Это сказывается как в скудости арсенала выявленных законов, так и в слабом их обосновании и раскрытии механизма их действия.

Число выявленных экономических законов социализма, вошедших в литературу, можно, пожалуй, сосчи-

тать по пальцам одной руки. Сюда относятся основной экономический закон социализма, закон планомерного, пропорционального развития, закон неуклонного роста производительности труда, закон социалистического накопления, закон распределения по труду. К этому можно добавить пару общих законов, действующих во всех или во многих формациях: закон преимущественного роста производства средств производства, закон стоимости. Вот, пожалуй, и все. Выявление указанных законов является большим шагом вперед в развитии экономической теории социализма.

Но несомненно и то, что выявленные экономические законы социализма составляют лишь небольшую часть законов, действующих в жизни. Кроме того, они до сих пор слабо обоснованы и механизм их действия не раскрыт.

А что значит обосновать закон? Это значит установить его связь с определенным производственным отношением или, выражаясь точнее, вывести его из анализа развития определенного производственного отношения. Но можно ли было убедительно обосновать, скажем, основной экономический закон социализма, если мы только лишь недавно подошли к признанию основного производственного отношения социализма, а в трактовке этого отношения существует до сих пор большой разнобой? Можно ли убедительно обосновать закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, если сама мысль об отношении планомерности как особом отношении социализма еще встречает возражения?[1] Совершенно очевидно, что к обоснованию экономических законов необходимо идти через разработку соответствующих производственных отношений.

Для выработки системы экономических законов социализма необходимо установление связей между основным экономическим законом и другими законами социализма и раскрытие механизма действия экономи-

[1] Так, Я. Кронрод пишет: «Во-первых, планомерность не есть некое особое отношение производства социализма, так же как, скажем, стихийность не есть особое отношение производства капитализма. И планомерность, и стихийность представляют собой лишь всеобщие свойства формы движения отношений производства» («Вопросы экономики» № 12, 1964, стр. 85).

ческих законов. Но что это значит? Это, конечно, не значит дать описание приемов хозяйственного руководства и планирования. Ведь эти приемы во многом зависят от самих людей, в том числе от степени познания законов и экономической подготовки кадров. Как показывает опыт, применяющиеся в практике формы и методы хозяйственного руководства не всегда в должной мере учитывают требования экономических законов, ввиду чего их эффективность в ряде случаев далека от возможной. Механизм действия экономического закона — категория, отражающая взаимосвязи законов, типичную схему действия закона и ее видоизменения в зависимости от конкретных условий.

Важнейшей составной частью задачи раскрытия механизма экономического закона является конкретизация более общего закона в цепи частных закономерностей.

Конкретизируя действие более общего закона, закономерности частных сфер образуют подобно нисходящим ступеням постепенные переходы, посредствующие звенья, связывающие его с конкретной действительностью. Изучение механизма действия закона есть процесс все большего проникновения в его сущность, с одной стороны, и процесс все большего обогащения системы экономических законов — с другой. Таким образом, вопрос о системе экономических законов самым тесным образом связан с вопросом о механизме их действия.

Раскрывая механизм действия всеобщего закона капиталистического накопления, К. Маркс рассматривает закон роста органического строения капитала, ведущий к росту относительного перенаселения, затем исследует закономерности развития промышленной резервной армии и ее влияние на положение рабочих, рассматривает закон тенденции стоимости и цены рабочей силы к понижению и формулирует свое положение об относительном и абсолютном обнищании рабочего класса в условиях капитализма. Между всеобщим законом капиталистического накопления и жизнью К. Маркс как бы устанавливает ряд посредствующих, связующих звеньев, представляющих собой различные ступени теоретического анализа и образующих внутренний механизм действия закона. Раскрывая и конкретизируя действие

закона стоимости, он формулирует известный закон денежного обращения, определяющий количество денег, необходимых для обращения. Точно так же, раскрывая законы капиталистического воспроизводства, К. Маркс дает известные формулы, содержащие условия реализации при простом и расширенном воспроизводстве.

Подобного рода конкретизация и раскрытие законов необходимы и в области политической экономии социализма, причем здесь значение этой работы во сто крат возрастает ввиду того, что она необычно важна для целей планирования и повседневного хозяйственного руководства. Например, раскрывая действие закона неуклонного роста производительности труда, мы по необходимости подходим к выявлению некоторых весьма важных закономерностей, выражающих изменение соотношения живого и овеществленного труда в единице продукции по мере технического прогресса, рост эффективности новой техники, необходимость более быстрого роста продукции по сравнению с ростом основных фондов, закономерную последовательность в процессе механизации и др. Выявление подобного рода закономерностей обогатило бы наше представление о системе законов, конкретизировало бы механизм их действия и дало бы в руки практиков серьезное орудие для повседневного планирования и хозяйственного руководства. Это, несомненно, повысило бы значение экономической теории, теснее связало бы ее с жизнью и вооружило бы практиков такими научными формулами, которые давали бы им в руки ключ для успешного решения хозяйственных задач.

Эта работа имеет большое значение и с точки зрения назревшей сейчас задачи — применения математических методов в экономических исследованиях и планировании производства. К. Маркс показал пример использования математических формул в политической экономии.

Возможности применения математических методов в экономических исследованиях и планировании производства при социализме необычайно расширяются и впервые обретают под собой подлинно научную и твердую материальную основу. Но это ставит новые серьезные задачи перед экономической наукой. Математи-

ческие методы не самоцель. Они являются лишь инструментом, подсобным средством в экономическом анализе.

В связи с этим политическая экономия не может уже теперь ограничиваться общими формулами немногих законов, а должна расширять круг исследуемых закономерностей и углублять их познание, доводя анализ до большей степени конкретизации, включая установление некоторых закономерных количественных соотношений.

Но это требует вторжения теоретического анализа в ту область, где действуют до сих пор так называемые конкретные экономики. Положение, создавшееся в экономической науке, характеризуется тем, что политическая экономия имеет дело с весьма ограниченным кругом общих закономерностей, в то время как конкретно-отраслевые дисциплины имеют своим содержанием лишь более или менее систематизированное описание хозяйственной практики. Сейчас пришло время разбить искусственную стену, образовавшуюся между политической экономией как теоретической наукой и конкретно-отраслевыми дисциплинами, которые носят преимущественно эмпирический, описательный характер. Это помогло бы двинуть вперед развитие политической экономии социализма, обогатить конкретным научным содержанием некоторые еще весьма тощие и абстрактные ее положения, расширить арсенал экономических законов, конкретнее раскрыть механизм их действия и в то же время поднять и подкрепить в теоретическом отношении отраслевые экономические дисциплины, в основе которых должно лежать отображение действия экономических законов в соответствующих областях экономики.

В связи с этим неизбежно встает вопрос о соотношении политической экономии и конкретных (или отраслевых) экономик. Существующие учебники, учебные пособия и программы по политической экономии и конкретной (или отраслевой) экономике фактически исходят из установки, что это различные науки, что политическая экономия — теоретическая наука, имеющая дело с немногими общими законами, а отраслевые экономики — описательные науки, задача которых ознакомление с конкретными сторонами той или иной отрасли производства.

Но вряд ли можно согласиться с такой установкой, потому что она закрывает возможность глубокого познания законов, в том числе законов частных сфер, и раскрытия механизма действия законов. Подобная установка препятствует выполнению очень важной задачи исследования воздействия производственных отношений на производительные силы. Ибо для того чтобы выявить такое воздействие, необходима гораздо большая степень конкретизации исследования по сравнению с тем, что мы встречаем до сих пор в научной литературе и учебниках политической экономии.

Другими словами, *экономическая наука едина.* Она включает в себя все стадии исследования, и имя ее, по нашему мнению,— *политическая экономия* с различными ее подразделениями. Политическая экономия исследует не только общие закономерности, но и раскрывает экономические законы частных сфер, а также особенности действия более общих законов в отдельных отраслях хозяйства. Хорошо известно, что, исследуя развитие капитализма в сельском хозяйстве, классики марксизма-ленинизма не вырывают это исследование из общей системы политической экономии. Для удобства преподавания мы разделяем политическую экономию и отраслевые экономики. Но в научном плане этого делать нельзя. Отрубать политическую экономию от отраслевых экономик — это значит отрубать у политической экономии ноги, которыми она стоит на земле, а у отраслевых экономик — голову.

Такая точка зрения, высказанная нами в ряде выступлений, встретила оппозицию со стороны ряда работников Института экономики Академии наук СССР. Доктор экономических наук Я. А. Кронрод в докладе на сессии экономической секции научного совета по комплексной проблеме «Закономерности развития социализма и перехода к коммунизму» в марте 1964 года утверждал, что политическая экономия и отраслевые экономики — различные науки, и выступал против «расширительного» толкования предмета политической экономии, состоящего, по выражению Я. Кронрода, в рассмотрении политической экономии социализма как конгломерата наук.

Некоторые товарищи склонны рассматривать вопрос о соотношении политической экономии и отраслевых

экономик исключительно под углом зрения процесса разделения труда и специализации научных работников. Однако такой аргумент не является решающим. Специализация возможна и фактически имеет место в различных областях в рамках единой науки. Вопрос о соотношении политической экономии и отраслевых экономик надо решать, конечно, с точки зрения предмета науки: различен ли у них предмет или он един? Ответ, который дает на этот вопрос Я. А. Кронрод, по меньшей мере неубедителен. Он не смог обосновать тезиса о различии предмета политической экономии и отраслевых экономик. Пытаясь как-то аргументировать свою позицию, он сконструировал два новых понятия: понятие «объекта науки» (в отличие от предмета) и понятие «техно-экономических отношений». По его мнению, политическая экономия изучает общие, присущие экономике в целом производственные отношения и экономические законы, а отраслевые экономики — «отраслевую совокупность специфических форм отношений производства (включая и техно-экономические отношения) и отвечающих им законов и закономерностей отраслевого экономического развития... Включение в предмет политической экономии несвойственных ей техно-экономических связей, отношений и законов повело бы к ее технизации» [1].

Вот уж что верно, то верно: включение в предмет политической экономии загадочных «техно-экономических отношений» повело бы не только к технизации, но и к ликвидации политической экономии как науки, потому что предметом политической экономии являются не техника и не надуманные «техно-экономические отношения», а производственные, то есть экономические, отношения. И этот предмет един для экономической науки и всех ее разделов, независимо от того, какие «объекты» они изучают: промышленность, сельское хозяйство, мировую экономику. Экономические законы осуществляются в сельском хозяйстве с известными особенностями, но исследования К. Маркса и В. И. Ленина по аграрному вопросу никто еще не предлагал исключить из политической экономии.

---

[1] См. статью Я. А. Кронрода в журнале «Вопросы экономики» № 12, 1964, стр. 78—79.

Вопрос о соотношении политической экономии и отраслевых экономик имеет очень большое значение для развития экономической теории и для хозяйственной практики. Позиция, рассматривающая отраслевые экономики как самостоятельные науки, по существу изолирует политическую экономию от хозяйственной практики. Ибо если предмет политической экономии, как утверждает Я. Кронрод, — это «производственные отношения в их народнохозяйственной всеобщности и целостности, безотносительно к отраслевым, территориальным или иным локальным особенностям», тогда нечего ждать от нее каких-либо выводов и рекомендаций для хозяйства. Политическая экономия в данном случае не имеет права спускаться на грешную землю, на которой все существует в особенностях. Такая позиция теоретически и практически бесплодна. Реализация ее на практике может породить, с одной стороны, абстрактных политэкономов, хорошо знающих К. Маркса, но не представляющих нашего хозяйства и витающих в облаках абстракции, а с другой стороны, эмпириков-конкретников, хорошо знающих конкретные особенности отрасли и дающих лишь работы описательного порядка или узкие малоэффективные обобщения.

* * *

Экономическая наука в целом сейчас ближе подошла к жизни, и ее выводы используются в практике планирования и хозяйственного руководства. Громадные и весьма сложные задачи хозяйственного строительства, конечно, невозможно было бы решать без известного уровня развития экономической науки.

Однако это не означает, что в области экономической науки сейчас все обстоит благополучно. Экономическая наука, поднявшись за последние годы на известную высоту, испытывает сейчас своеобразные и серьезные трудности роста. Центр этих трудностей лежит, по моему мнению, в отставании разработки методологических проблем. Приложение выводов теории к жизни — конечная цель всякой науки. Но для успешного развития этой стороны науки нужно постоянное совершенствование научного инструментария, ее методологии. Известно, например, что недостаточная разработка методоло-

гических проблем, связанных с законом планомерного развития, ведет к серьезным недостаткам в использовании этого закона в практике планирования.

Разработка крупных теоретических проблем готовит основу и для успешных решений конкретных экономических проблем. Приложение теории к практике будет тем эффективнее, чем больше развивается и оттачивается теория как инструмент познания и руководства к действию. Усиление внимания к разработке методологических проблем политической экономии является сейчас актуальной задачей.

В. Г. Лебедев

О НАИБОЛЕЕ ПОЛНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ СОЦИАЛИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

О ступенях познания экономических законов социализма

Величественные задачи строительства коммунизма требуют от экономической науки глубокой разработки новых теоретических вопросов. Первостепенное значение приобретает проблема наиболее полного использования экономических законов в хозяйственной практике. Решение указанной проблемы зависит от степени учета достижений экономической науки в организации и управлении общественным производством, а также от глубины познания экономических законов социализма.

Социалистические производственные отношения как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи, сущность которых выражают экономические законы, создают огромные возможности и могучие материальные стимулы развития производительных сил. И поэтому, чем полнее применяются научные данные об экономических отношениях, чем полнее используются указанные возможности и стимулы, тем выше результат экономического строительства. Еще Энгельс указывал: «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности...» [1]

Огромные успехи социалистического строительства достигнуты на основе планомерного управления производством, на основе познания экономических законов социализма.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 629.

Вместе с тем на практике имеют место факты игнорирования достижений науки и передового опыта масс. Нередко вопросы развития промышленности и особенно сельского хозяйства решались без должного научного обоснования. В результате этого допущено расточительство средств, известная диспропорциональность, отставание в развитии сельского хозяйства.

В решении мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС говорится, что «основными причинами отставания сельского хозяйства явились нарушения экономических законов развития социалистического производства, принципов материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в подъеме общественного хозяйства, правильного сочетания общественных и личных интересов».

Поэтому устранение указанных ошибок, всемерное использование достижений науки являются злободневной задачей.

Решение коренных вопросов коммунистического строительства, повышение эффективности хозяйственной деятельности органически связаны с новым уровнем развития экономической науки, с более глубоким овладением экономическими законами социализма. В настоящее время, на наш взгляд, многие важнейшие методологические разделы названной проблемы, например о ступенях познания и критериях наиболее полного использования всей системы экономических законов, о роли масс в организации общественного труда с максимальным производственным результатом, не получили должной разработки.

Научное познание экономических законов является весьма сложной задачей прежде всего в силу большого многообразия и постоянных изменений производственных связей, а также вследствие известных особенностей отражения объективного мира в формах познания. Как объект познания экономические законы включают в себя выявление сущности и содержания всей системы отношений, форм их проявления, а также причинно-следственных связей с производительными силами.

Советская экономическая наука имеет определенные достижения в познании экономических законов социализма. Выяснены сущность, главное содержание и формы проявления основного закона, законов социалистическо-

го расширенного воспроизводства, закона планомерного развития, неуклонного роста производительности труда, распределения по труду и ряда других. Выявлены некоторые количественные взаимосвязи между экономическими явлениями, в частности соотношения между подразделениями общественного производства, частями совокупного продукта при том или ином уровне производительности труда. Сформулирована определенная система научных определений, характеризующих законы, а также методы и средства их использования в производстве.

Современное познание экономических законов социализма позволяет сознательно управлять производством и добиваться в основном запланированных результатов.

На основании успехов социалистического строительства в экономической литературе довольно часто высказываются мнения, что при социализме полностью познаны экономические законы. В исследованиях нередко слишком категорически утверждается, что «люди социалистического общества осознают социальные последствия предпринимаемых ими действий еще до того, когда обнаружатся результаты этих действий» [1].

В отдельных работах без учета необходимости решения проблемы углубления нашего познания подчеркивается возможность использовать экономические законы социализма во всей их полноте.

По нашему мнению, подобные взгляды расходятся с марксистской теорией познания, а следовательно, в известной мере мешают постановке и решению задачи более глубокого проникновения в их сущность.

Из философской доктрины марксизма следует, что наше общество имеет возможность познания объективных процессов, в том числе экономических явлений и экономических законов. Но познание объективного мира надо рассматривать как «бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности» [2].

---

[1] См., например, «Материалы научно-методической конференции кафедр политической экономии высших учебных заведений Ростовской области». Изд. 1963, стр. 4.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203.

Критический анализ состояния экономической науки показывает, что в настоящее время многие экономические законы еще не вскрыты, многое из конкретного содержания вскрытых законов не выяснено. По мнению некоторых экономистов, до сих пор даже не дана научная формулировка ряда законов и не описаны особенности их действия. Здесь уместно подчеркнуть некоторые общие пробелы в познании экономических законов социализма.

Обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что сейчас недостаточно выяснена взаимосвязь и взаимовлияние экономических законов. Не случайно наши общехозяйственные планы, более или менее полно отражающие современное познание экономических законов, обнаруживают нередко некоторую неувязку составных частей, в частности между отраслями производства, между капиталовложениями и результатами. Так, за последние годы общество выделяло огромные средства на техническое совершенствование производства. Однако желаемые результаты не были достигнуты в полной мере. Одной из причин этого являются недостатки в руководстве и осуществлении планов. Отрицательное влияние оказывают также несовершенство самого планирования, невыясненность ряда вопросов воспроизводства, технического прогресса. До сих пор теоретические основы планирования общехозяйственных пропорций в комплексе являются предметом большой дискуссии. Многие особенности действия законов расширенного воспроизводства еще не изучены.

В практике наглядно обнаруживается недостаточность познания связи закона стоимости с другими экономическими законами социализма. Так, плановые органы не располагают средствами точного определения величины общественно необходимых затрат труда на потребительские товары. Отчасти по этой причине и по ряду других они допускают просчеты в увязке производства с денежными доходами и спросом населения.

В научной литературе, пожалуй, наиболее слабо представлены количественные взаимосвязи экономических законов. Предлагаемые формулы этих взаимосвязей зачастую не охватывают всей сложности экономических процессов. Все это мешает осуществлению оптимизации развития народного хозяйства в целом.

Природа социалистического строя в противоположность капитализму предоставляет возможность в огромных пределах осуществлять изменения производства для достижения наибольшего результата с точки зрения интересов всего общества. Однако на практике мы по указанной причине не реализуем должным образом эту возможность. Известно, что система разрабатываемых сейчас балансов не обеспечивает составления оптимальных планов развития народного хозяйства в целом. Межотраслевое распределение капиталовложений, играющее, можно сказать, стратегическое значение для судеб производства, проводилось до последнего времени в основном по сложившимся пропорциям, без сравнения различных вариантов и выбора наиболее выгодного для общества.

Слабое решение проблемы оптимизации мешает использованию всех преимуществ социалистического способа производства. Не случайно в последнее время усилился разрыв между резко возросшими на современном этапе возможностями социалистического производства и степенью их использования. Этот вывод подтверждается, в частности, следующим. Современный научно-технический прогресс, охватывающий многие стороны производства — виды сырья, технологию, орудия труда, позволяет в несколько раз увеличить производительность общественного труда. Между тем реальные ежегодные темпы роста производительности труда в 6 — 8 проц. не превышают темпов, достигнутых и при качественно менее прогрессивной технике.

Заслуживают глубокого изучения не только общие законы, но и законы, которые определяют особенности каждого из экономических процессов. Например, процесс изменения общественных издержек производства характеризуется не только их снижением, но и разным соотношением затрат живого и овеществленного труда на единицу продукции, большой дифференциацией темпов роста производительности труда в отдельных отраслях, существенными различиями в капиталоемкости продукции. Очевидно, для совершенствования руководства хозяйством должны быть хорошо изучены все внутренние связи, которые более полно характеризуют сущность каждой из сторон или частей производственных отношений.

В экономической литературе недостаточно разработаны и вопросы об особенностях действия экономических законов социализма в период развернутого строительства коммунизма. Более того, нередко действия экономических законов трактуются односторонне, без необходимой связи с развитием производительных сил и производственных отношений.

В соответствии с этим одно время изменение организационных форм экономических отношений рассматривалось некоторыми работниками как определяющее средство их совершенствования. В тот период иногда осуществлялись перестройки органов управления, изменения цен и заработной платы без должного учета развития производства в целом.

В некоторых работах недостаточно обращается внимания на диалектику взаимосвязи производственных отношений и производительных сил. К. Маркс, отмечая диалектическую взаимосвязь двух сторон производства, подчеркивал, что производственные отношения *«изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил»* [1].

Поскольку совершенствование экономических отношений обусловлено развитием производительных сил, постольку мера этого развития определяет в основном и особенности действия экономических законов, изменения связей по поводу производства. Это обстоятельство весьма важно для выявления глубины познания и использования экономических законов социализма, предвидения социальных последствий прогресса производства.

Экономическая наука имеет значительные возможности предвидения особенностей действия экономических законов социализма. Эти потенции определяются, с одной стороны, мерой учета общественных возможностей развития производительных сил, особенно орудий труда, новой техники; с другой стороны, выяснением степени изменения экономических связей под влиянием этого развития. Раскрыть конкретный механизм причинно-следственных связей производственных отношений и экономических законов с производительными силами коммунизма — это значит найти наиболее рациональное

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 442.

управление развитием социальных процессов. Поэтому решение этой методологической проблемы имеет первостепенное значение для практики.

Следовательно, на современном этапе перед экономической наукой стоит серьезная задача — вооружить практику более точным «инструментом» управления производством.

В связи с этим требуют своего решения очень сложные вопросы: каковы у нас реальные возможности более углубленного познания экономических законов и каким образом мы можем судить о степени наибольшего овладения ими? Всесторонние ответы на эти вопросы можно получить только в результате коллективных усилий.

Однако попытаемся сформулировать несколько общих соображений по указанным вопросам. Исходным моментом подхода к их решению является признание того, что мера познания законов на всех этапах, в том числе и в настоящее время, объективно обусловлена предпосылками объективного и субъективного содержания. Следует особо рассмотреть возрастающие возможности углубления познания обществом экономических законов социализма на современном этапе. Среди этих возможностей особое место принадлежит дальнейшему обобществлению производства, всестороннему развитию инициативы трудящихся и умножению сил экономической науки. Ее силы сейчас возрастают, в частности, в связи с применением математических методов и средств электронно-вычислительной техники в области экономического анализа.

По всей видимости, глубина дальнейшего проникновения в содержание экономических процессов будет определяться в большой мере степенью использования всех предпосылок развития экономической науки. В связи с этим полезно обменяться мнениями о путях ее развития, о средствах углубления научного познания экономической действительности.

По нашему мнению, сейчас весьма назрели вопросы ускоренного развития экономической науки, особенно в области прогнозирования. Практика показывает, что существующие у нас экономические исследовательские органы перегружены текущей работой и не осуществляют должным образом функций стратегического анализа и

предвидения. Так, в ряде институтов общих проблем, и особенно в головных исследовательских институтах отраслей промышленности, нет звеньев моделирования и оптимизации, призванных находить наилучшие варианты развития народного хозяйства, разрабатывать новые принципы организации производства, экономически оценивать потенции научных идей. Поэтому развитие научных центров экономического анализа представляется важнейшей практической задачей.

Конечно, развитие таких исследовательских центров требует определенных средств. Однако жизнь показывает, что аналитическая научная работа в области вскрытия резервов производства, и особенно источников роста производительности труда, отличается сейчас весьма высокой эффективностью. Многочисленные данные свидетельствуют, что средства многих научных организаций, затраченные на поиск лучших вариантов хозяйственных решений, окупаются в короткий срок.

Высокой эффективностью научного поиска резервов производства характеризуются создаваемые в настоящее время заводские экономические лаборатории. Так, в 1963 году экономические лаборатории Нижне-Волжского совнархоза при затратах 248 тыс. рублей дали экономию более 2,5 млн. рублей, то есть на рубль затрат получено свыше 10 рублей экономии. Лаборатории Красноярского совнархоза работали с отдачей свыше 18 рублей на рубль затрат.

Разумеется, развитие экономической науки не может быть строго уложено «в рамки хозрасчета», ибо действенность познания законов выражается в конечном счете совершенствованием всех экономических отношений. Вместе с тем, если отвлечься от некоторых, хотя и очень существенных, обстоятельств, то выделение средств на экономический анализ всегда предпочтительнее ряда других сфер приложения, когда они позволяют при прочих равных условиях обеспечивать большую экономию труда. В настоящее время плановые органы нередко пренебрегают глубоким экономическим обоснованием вариантов, что вызывает существенные потери средств.

Развитие экономической науки мы не представляем себе только в форме расширения научно-исследовательских институтов. Важнейшее значение в этом деле имеет

повышение уровня работы служб управления народным хозяйством. Эти службы, особенно центральные органы, осуществляют сложные функции научного содержания. Они устанавливают многие общехозяйственные пропорции и контролируют их осуществление.

В советской печати приводилось много фактов, показывающих, что в наших плановых и хозяйственных органах еще недостаточен уровень экономического предвидения. Одной из причин этого является слабая научная подготовка многих работников этих органов в области экономического управления. В большинстве случаев указанные службы укомплектованы инженерами с техническим уклоном, в то время как эти органы выполняют в основном сложные экономические функции, требующие специальных знаний.

Имеются основания полностью разделить тот взгляд, что если основную часть работников центральных экономических органов будут составлять высоко теоретически и практически подготовленные экономисты, знающие, разумеется, и основы современной техники, то дело познания и более глубокого использования экономических законов продвинется далеко вперед.

Возможности развития экономической науки хотя и многообразны, но более или менее исторически определенны. Важная задача практики состоит в том, чтобы на каждом этапе полностью их использовать. В этом случае, очевидно, будет достигнуто не абсолютное, не «во всей полноте», а наиболее полное для данного этапа познание экономических законов. Такой уровень познания — выполнимое желание, его достижение открывает путь получения максимального производственного результата, ибо позволяет наилучшим способом использовать имеющиеся общественные возможности развития производительных сил. Наиболее полное познание экономических законов является научной предпосылкой повышения эффективности производства. Оно служит условием для новой оценки хозяйственной деятельности, а именно относительно не только прошлых итогов, что делается сейчас, но и относительно максимальных потенций. Такая оценка имеет принципиальное значение для коммунистического строительства.

Особую методологическую сложность представляет определение глубины нашего познания системы экономи-

ческих законов. По этому вопросу в советской литературе нет еще должной ясности. Иногда высказывается мнение, что наилучшее познание экономических законов выражается в том общехозяйственном плане развития, при котором результаты, включая и социальные изменения, наиболее соответствуют плану. С таким мнением вряд ли можно согласиться. Понятно, что достоверность познания проверяется на практике. Однако указанное выше соответствие результатов и плана может выражать наиболее или наименее экономичное развитие. Практическая результативность производства не есть простое воплощение достижений науки, она зависит и от степени их использования.

Недостаточным представляется и тот путь, которым удовлетворяется сейчас в основном наша практика; она принимает планы общехозяйственного развития, обеспечивающие восходящий прогресс социализма при более высоких темпах, чем развивается капитализм. Очевидно, что неуклонный подъем социалистического производства, повышение его эффективности характеризуют в конечном счете углубление познания экономических законов. Вместе с тем в этом случае нет еще гарантии того, что принятые планы и достигнутые результаты являются наилучшими, максимально использующими преимущества социалистической системы и научные возможности. Лишь при сравнении всех практически возможных на данном этапе вариантов общехозяйственного развития, подготавливаемых наукой, можно правильно определить глубину познания и использования экономических законов. Наилучший вариант, аккумулируя в себе самое глубокое познание наиболее рациональных общественных форм и материальных стимулов использования достижений естествознания, должен обеспечивать наивысший производственный результат.

Проблема составления разных моделей общественного производства и их оценка — задача, как мы увидим в последующих разделах, весьма трудная. Здесь лишь отметим, что число вариантов может быть бесконечно велико, ибо технические, экономические и иные предпосылки производства могут на каждом этапе находиться в довольно разнообразных сочетаниях, каждое из которых представляет собой один из возможных при наличных условиях уровней производства.

Полезно подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о технических вариантах, а о вариантах развития народного хозяйства в целом. При этом варианты не должны рассматриваться изолированно от всей динамики производства, они предполагают учет всех условий общественного прогресса. Кроме того, надо принимать во внимание, что в практике каждый из вариантов может обогащаться и совершенствоваться в результате творчества масс.

Поскольку оптимальный результат определяется из сравнения многочисленных вариантов, постольку теория вправе все более настоятельно ставить вопрос о необходимости выбора общехозяйственного плана социалистического развития на основе определенных экономических сопоставлений. Социалистическое общество по понятным причинам не располагает предпосылками изучения всех возможных вариантов совершенствования общественного производства. Однако оно должно в целях получения наибольшего производственного результата сравнивать на каждом этапе какие-то основные модели развития, выбирать наиболее оптимальные достижения.

Достижение максимума производственного результата при минимуме общественного труда как критерий наиболее полного использования экономических законов социализма

Осуществление оптимизации развития народного хозяйства на основе наиболее полного овладения экономическими законами социализма — большая и сложная задача. Для ее решения необходимо оптимальное планирование и огромная организаторская работа. В проблеме оптимизации скрещиваются все основные факторы производства, находящиеся в непрерывном развитии и усложнении. В порядке лишь некоторой количественной иллюстрации возникающих трудностей при осуществлении оптимизации отметим, что сейчас объем месячной учетно-плановой информации, отражающей связи по поводу производства, составляет 40 млрд. показателей, а в 1975 году достигнет 60 миллиардов [1]. Характерно, что

[1] «Социалистический труд» № 1, 1964, стр. 83.

сложность процессов и взаимосвязей растет гораздо быстрее объема производства. Так, установлено, что усложнение планирования промышленности пропорционально квадрату численности предприятий. Сейчас сложность планирования, по некоторым подсчетам, выросла в 1600 раз по сравнению с периодом действия первого пятилетнего плана.

Модель оптимального народнохозяйственного развития представляется сложным экономическим комплексом, в котором наиболее рациональные пропорции общественного производства органически связаны с материальными стимулами и живым творчеством масс.

В последнее время в советской литературе появилось значительное количество работ, посвященных оптимизации социалистического производства на основе использования средств математики. Среди них особый научный интерес представляют исследования Л. В. Канторовича, В. В. Новожилова, В. С. Немчинова. В этих работах делаются попытки рассмотреть различные варианты хозяйственных решений и определить оптимальные на основе использования достижений современной математики и электронно-вычислительной техники. Экономико-математическое обобщение многообразных явлений и условий производства, расчет возможных результатов его развития — все это может поднять экономическую науку на новый уровень, сделать ее более могучим орудием предвидения.

Разрабатываемые сейчас экономико-математические модели оптимизации должны охватывать, по оценке академика В. С. Немчинова, сферу производства в следующих шести направлениях:

1) продуктово-вещественная структура производства;

2) трудовой производственный процесс и общественное разделение труда;

3) технология производства (технологические способы производства внутри отрасли хозяйства и технологические расходные нормативы);

4) ресурсы производства (ресурсоемкость производства по природным и трудовым ресурсам, фондоемкость по основным и оборотным фондам);

5) пространственный аспект (предприятия и районы);

6) динамический аспект (экономические уровни, темпы развития и народнохозяйственные пропорции в их динамике во времени) [1].

Правда, сегодняшняя практика оптимизации располагает в основном лишь результатами выбора наилучших вариантов при решении отдельных экономических задач. Вместе с тем эти результаты весьма обнадеживающие. Так, оптимизация поставок всех видов топлива и энергии с учетом их взаимозаменяемости для промышленных предприятий может дать в год до полумиллиарда рублей экономии [2]. По данным Л. В. Канторовича, применение более совершенной техники планирования и методики экономических расчетов позволит в короткий срок увеличить выпуск продукции на 30—50 процентов.

Главный вычислительный центр Госплана СССР сделал более 20 вариантов расчетов оптимальной структуры производства одного экономического района страны с разными критериями оптимальности. При одном из вариантов трудовые ресурсы уменьшаются по отношению к исходным данным на 17 проц., материальные затраты — на 12,8 проц., капиталовложения — на 52,7 процента.

Наибольший интерес представляют разработки Главным вычислительным центром межотраслевого баланса по натуральным показателям на 1964 — 1965 и 1970 годы. Впервые в истории нашей страны Научно-исследовательский институт Госплана СССР создал перспективный межотраслевой баланс производства и распределения общественного продукта на 1970 год, где определены оптимальные пропорции отраслей и всего народного хозяйства в целом.

Кибернетическая наука в настоящее время считает возможным математическое решение экстремальных задач относительно объемов общественного продукта, темпов развития производства, роста производительности труда и ряда других критериев при наличии соответствующих предпосылок и известных ограничениях [3]. Поэтому

---

[1] См. *В. С. Немчинов.* О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. Экономиздат, 1963, стр. 46.

[2] «Экономическая газета» № 40, 1963, стр. 4.

[3] См. *Б. Н. Михайлевский.* Перспективные расчеты на основе простых динамических моделей. Изд. «Наука», 1964.

сейчас следует определить, в какой мере предлагаемые математические модели учитывают все возможности и преимущества социалистического народного хозяйства, экономические законы социализма. Встает во всей сложности задача определения экономического содержания самого оптимума. Разработка этих вопросов является необходимым условием дальнейшего развития моделирования и оптимизации на основе завоеваний математики и счетной техники.

Разработанные в настоящее время модели экстремальных задач преследуют цель охвата сложных взаимосвязей производственных процессов, однако по ряду причин не достигают ее. Это происходит прежде всего потому, что экономико-математические методы недостаточно целеустремлены на достижение оптимума с точки зрения интересов социалистического народного хозяйства в целом, а сама оптимальность часто не носит социально-экономического характера. Рассмотрим сделанные замечания по существу.

Из теории социалистического воспроизводства следует необходимость комплексного подхода к производству, оценки отдельных экономических процессов в соответствии с их местом в общей системе хозяйства. Однако при разработке многих экстремальных задач в той или иной степени недооценивается это требование. Так, предлагаемые сейчас модели ограничиваются анализом экономических процессов лишь в стадии производства, игнорируя изменения общественных издержек в сфере потребления и на транспорте. Нетрудно представить, что такие модели не могут дать наилучший вариант хозяйственного развития для общества в целом. Устранению этого недостатка способствовали бы модели, учитывающие сквозную цепь затрат и эффекта от строительства объекта и его эксплуатации до потребления продукта.

Разумеется, трудно требовать от моделей аккумуляции абсолютно всех возможностей производства, ибо математические формулы могут выразить лишь главные моменты. Однако их внутренняя логика в условиях социализма должна быть направлена на наибольшее использование резервов и достижение максимального результата в целом для общества. Это требование органически вытекает из системы экономических законов социализма, и прежде всего основного закона. Можно

сказать, что оптимизация — достижение наибольшего с позиций интересов народного хозяйства в целом производственного результата — есть качественный признак моделирования в условиях социализма, выражение его высших преимуществ.

Буржуазные теоретики нередко утверждают, что между социалистической и буржуазной оптимизацией нет разницы, ибо и буржуазная политическая экономия «включает в себя яркое осознание идеи общественного интереса, который она делает основным регулятором общественной политики»[1]. Подобные утверждения носят апологетический характер, они призваны прикрывать стремление каждого капиталистического собственника к своему оптимуму — наибольшей по сравнению с другими капиталистами прибыли. В условиях же социализма оптимумом служит не частная прибыль и не вообще прибыль, а наибольший в целом для общества результат производства.

Рассмотрим, как отвечают сейчас некоторые принципы моделирования задаче достижения общехозяйственного максимального результата. В качестве примера возьмем методику оценки эффективности капиталовложений и нахождения наилучших вариантов. При этом мы ограничиваемся в анализе одним случаем, когда сравниваемые варианты обеспечивают равные объемы и структуры потребительных стоимостей при одинаковых условиях труда[2].

Известно, что в основе различных методов выбора наилучшего варианта технического совершенствования в целях достижения наибольшей экономии труда лежит общий принцип сравнения величины дополнительных вложений с экономией общественных издержек производства. Чем выше экономия при прочих равных условиях, тем выше общественный результат варианта. Указанное соизмерение в большинстве случаев производится по формуле $C+E\cdot K=$ минимуму, где C — себестоимость производства продукции, E — показатель эффективно-

[1] The New American Political Economy. A Synthesis of politics and Economics. By Marschall E. Dimock. Harper and Brothers publishers. New York, 1962, p. viii.

[2] Мы останавливаемся лишь на наиболее простой части проблемы оптимизации, на использовании дополнительных вложений в условиях фиксированного объема производства.

сти, K — капиталовложения. Поэтому выяснение экономического содержания этого математического выражения предопределяет в известных пределах правильность последующих многосложных решений.

Специальный теоретический анализ показывает, что приведенная формула в основном отвечает задаче соизмерения вариантов технического совершенствования и нахождения такого из них, который обеспечивает наибольшую экономию труда для общества в целом [1]. Однако в этом случае коэффициент E не может быть отраслевым нормативным показателем эффективности, как это предлагается в типовой методике определения эффективности капиталовложений. Дело в том, что при выборе технических мероприятий с целью достижения наибольшей экономии труда следует исходить не из отраслевых, а из общехозяйственных возможностей применения дополнительных капиталовложений. В этом случае можно будет обеспечить большую концентрацию средств на самых выгодных для народного хозяйства в целом объектах. Поэтому коэффициент E должен выступать как показатель «соответствия отдельных вложений максимуму их общего эффекта» [2], а произведение $E \cdot K$ служит выражением стоимости продукта для общества не единичного производства, а производства, при котором вариант отвечает максимуму общехозяйственного результата всего фонда дополнительных вложений.

Обсуждая правомерность и границы использования указанной формулы, А. Кац выдвигает ряд интересных соображений, связанных с нахождением максимального результата с учетом особенностей изменения эффективности новой техники и всей динамики развития народного хозяйства. Вместе с тем он полагает, что построение оптимального плана развития возможно на основе «поочередного обеспечения минимальных затрат по отдельным сферам производства...» [3].

В литературе нередко утверждается, что наилучший вариант технического совершенствования имеет всегда экономию выше отраслевого нормативного уровня или уровня экономии, достигаемого в других отраслях. Од-

[1] См. «Применение математики в экономических исследованиях». Соцэкгиз, 1959.

[2] Там же, стр. 122.

[3] «Вопросы экономики» № 2, 1965, стр. 128.

нако нельзя полностью согласиться с таким взглядом. Дело в том, что выгодное использование части дополнительных вложений в той или иной отрасли может вызвать менее экономичное использование всей их суммы в народном хозяйстве в целом. Вот почему сложившийся принцип распределения и оценки вложений по отраслям и внутри них без выявления экономичности всей суммы при тех или иных вариантах не является совершенным, он ведет к распылению капиталовложений. Только при комплексном подходе ко всем дополнительным вложениям с учетом перспективы развития производства может быть найдена такая рациональная структура, которая обеспечивает наибольшую экономию в целом для общества.

В связи с различными точками зрения о путях достижения общехозяйственного максимального результата представляется целесообразным широкий обмен мнениями по этому вопросу. Следует признать более приемлемой ту математическую формализацию экономических явлений, которая полнее отвечает их природе и позволяет достигать наилучших результатов в целом для общества.

В настоящее время применение формулы приведенных затрат с показателем E, обеспечивающим наибольшую эффективность, затруднительно из-за сложности определения количественной величины коэффициента эффективности. Поэтому следует использовать те методы, которые позволяют более или менее правильно находить самые эффективные варианты. Вот один из таких методов для принятых нами условий.

Все дополнительные вложения, предусмотренные для экономии труда, распределяются в народном хозяйстве по принципу достижения наибольшей экономии для общества в целом [1]. Воспроизводство новой техники, техническая реконструкция с высоким показателем эффективности могут осуществляться как первоочередное дело.

Чтобы исключить неполноценное использование части фонда дополнительных вложений, оставшейся после финансирования самых эффективных объектов, необходимы составление предприятиями нескольких вариантов

[1] Мы отвлекаемся здесь от условий труда и некоторых других корректирующих обстоятельств.

технического развития и выбор центральными органами наилучших их сочетаний для общества в целом в смысле достижения наибольшей экономии труда. Разработка методами современного анализа нескольких основных вариантов общехозяйственного использования вложений на основе указанных исходных материалов и выбор оптимальных — таково требование, учет которого по сравнению со сложившейся практикой гарантирует более полное использование наших преимуществ. Создание определенного задела — «портфеля» экономических моделей и их оценка должны предшествовать распределению вложений между отраслями, районами и внутри них.

Принятое в качестве методологической основы определения целесообразности дополнительных вложений их соответствие максимуму народнохозяйственного эффекта принесет особенно большую экономию в результате более правильного выбора вариантов технической реконструкции производства, обновления техники, материалов.

В ближайшей перспективе большая часть капиталовложений, как известно, направляется на реконструкцию, обновление фондов, замену дорогостоящих материалов более эффективными. Поэтому оценка эффекта этих мероприятий с точки зрения соблюдения высших интересов всего общества, наибольшей степени использования законов представляет собой задачу большой практической важности.

В экономической литературе господствует мнение, согласно которому структура внутриотраслевых вложений всегда должна определяться только на основе среднеотраслевых издержек производства. Обычно делается вывод, что возмещение капиталовложений за счет экономии происходит лишь в течение относительно непродолжительного времени, пока издержки производства не совпадают со среднеотраслевыми. Как только производительность оборудования становится ниже среднеотраслевой по аналогичному оборудованию, дальнейшее использование этой техники сопровождается растратой общественного труда и становится нецелесообразным [1].

---

[1] См., например, *В. А. Воротилов.* Эффективность капитальных вложений в социалистическом обществе. ЛГУ, 1961, стр. 66 и 90.

Этот вывод для условий централизованного управления всем производством носит спорный характер. Дело в том, что в подобных случаях нельзя упускать из виду прежде всего народнохозяйственное значение использования дополнительных вложений. Ведь с точки зрения всего общества морально устаревшей техникой является не та, производительность которой «становится ниже среднеотраслевой по аналогичному оборудованию», а та, высвобождение которой тем же объемом вложений приносит всему обществу по сравнению с его использованием на других участках максимальную экономию издержек производства. По нашему мнению, должен возобладать не отраслевой, а общехозяйственный подход к оценке всех технических мероприятий, проводимых в целях экономии общественного труда.

Общехозяйственный подход наиболее полно отвечает задаче использования экономических законов, обеспечивает экономическое стимулирование прогрессивных сдвигов в структуре капитальных вложений, ускоряет технический прогресс.

Критический анализ методологии выбора вариантов капиталовложений показывает, что предложенные модели еще не вполне отвечают наиболее полному использованию преимуществ и экономических законов социализма. Важнейшей линией дальнейшего развития оптимизации является всесторонний учет во времени и пространстве всего движения общественных затрат и оценка изменения организации общего труда с точки зрения достижения наибольшего результата для народного хозяйства в целом.

Проблема состоит также в том, чтобы правильно определить сам результат производства, его соответствие экономическим законам социализма, в которых концентрированно выражается общественная цель производства и общественные условия ее достижения. В рассмотренном выше примере за оптимальность был принят нами минимум затрат труда при заданном объеме и структуре производства. В указанных узких границах экономия труда может служить критерием наиболее полного использования предпосылок производства. Однако при решении проблемы оптимизации развития производства в целом и его важнейших составных частей один показатель экономии труда при данном объ-

еме потребительных стоимостей не удовлетворяет всем требованиям критерия оптимальности, ибо общество интересует кроме указанной экономии увеличение объема и изменение структуры производимых благ и условия, при которых совершается и будет совершаться труд.

В связи с этим встает задача определения максимального результата производства как определенной совокупности благ и условий развития, наиболее соответствующих социально-экономическим потребностям общества.

В настоящее время в литературе широко распространено мнение, что оптимизация производства имеет только количественную определенность. Например, И. Б. Новик пишет, что «оптимизация — это практическая количественно-конкретная реализация, которая включает в процесс управления характеристику его количественной меры» [1].

В ряде случаев количественная сторона экономических явлений рассматривается в отрыве от качественной стороны и считается монополией методов чистой математики. В. Богачев, например, пишет: «Норма сравнительной эффективности, как и другие множители и нормы, оптимизирующие использование хозяйственных ресурсов, в отличие от заработной платы или прибыли, стоимости или цены не имеет политико-экономического содержания... преобладающее большинство величин, фигурирующих в различного рода плановых расчетах, не поддается определению в категориях политической экономии» [2].

В соответствии с подобными взглядами при решении ряда экономических вопросов часто преобладает математический подход. Так, типовая методика определения экономической эффективности капитальных вложений рекомендовала определять средний эффект от уменьшения срока строительства по формуле $K = (1+E)^t$, где E — отраслевой нормативный коэффициент эффективности, t — период в годах. Формула сложных процентов предполагает геометрическое возрастание эффективности вложений, что не соответствует, как известно, реаль-

[1] См. «Кибернетику на службу коммунизму», т. I, стр. 38.
[2] «Вопросы экономики» № 9, 1964, стр. 47, 49.

ному процессу. Указанная формула, по мнению ряда специалистов, игнорирует реальный характер производительного использования вложений, обесценение стоимости фондов и ряд других обстоятельств [1].

Следует особо отметить, что сейчас большинство моделей, претендующих на народнохозяйственное обобщение экономических явлений, почти не отражает в себе ряда глубоких социально-экономических сторон производства: обесценения фондов, особенностей образования общественной стоимости продукции, изменения условий, характера и времени труда. В этом состоит их коренной порок, мешающий широкому и действенному применению математики в экономике.

На наш взгляд, проблему оптимизации производства нельзя рассматривать только с количественной стороны, в отрыве от социально-экономического содержания производства. Дело в том, что экономические процессы, как и другие явления производства и материального мира, всегда имеют не только количественную, но и качественную определенность. Более того, для каждого из экономических процессов характерно, что их качественная и количественная определенность является одновременно определенностью всей экономической системы. Поэтому изменение, к примеру, количественной стороны какого-то процесса ведет не только к некоторому изменению его качества, но и к определенным сдвигам во всех экономических отношениях. Если, например, на каком-то участке количественно выросла производительность труда, то одновременно здесь же произошло какое-то изменение экономических отношений и, кроме того, в обществе в целом накопились некоторые условия для развития социалистических производственных отношений.

В математические формулы и модели закладываются количественные показатели экономических процессов Однако это нисколько не исключает того, что содержание принятых формул и вся совокупность количественных показателей должны находиться в неразрывной

[1] См. *А. И. Шустер.* О методах учета разновременности при оценке экономической эффективности капитальных вложений и новой техники. Капитальные вложения и резервы их использования. Изд. АН СССР, 1963.

связи с экономическими отношениями. И все математические операции, которые так легко проделывает электронно-счетная машина, не могут быть ничем иным, как сравнением количественных данных большого числа возможных вариантов хозяйственного развития. Алгоритм как определенное математическое правило решения экономических задач должен обладать тем свойством, которое исключает качественный произвол при выполнении вычислительного процесса. Только в этом случае машина выдает в заключение не чисто математическую фантазию, а совокупность количественных показателей, отвечающих тому или иному уровню развития экономических явлений.

Оптимизация развития народного хозяйства есть, на наш взгляд, социально-экономическое сравнение всех возможных или основных вариантов и выбор наилучших из них. По социальной природе экономических процессов она немыслима без экономического анализа и активного участия в оптимизации миллионных масс трудящихся. Вместе с тем сравнение большого числа вариантов не представляется возможным без использования могучих средств математики и электронно-счетной техники.

При таком понимании оптимизации показатели, фигурирующие в расчетах, должны относиться к области политической экономии, поскольку они отражают отношения между трудящимися по поводу производства. И если какие-то величины «не поддаются» определению в категориях политической экономии, то или этих категорий недостаточно для выражения всего многообразия экономического мира, или указанные величины лишены экономического смысла, утратив связь с качеством экономических процессов.

Полный учет в формулах оптимизации единства количественных и качественных признаков экономических явлений особенно необходим в современных условиях, когда резко растет плотность и изменчивость экономических связей. Как известно, развитие технической сопряженности частей производства и разделение труда при огромных масштабах народного хозяйства вызывают усиление взаимосвязи экономических явлений. Поэтому даже относительно небольшое изменение каких-то условий производства может оказать большое влияние на всю систему отношений. Кроме того, надо еще учиты-

вать, что ускоряющийся технический прогресс все более усиливает изменчивость экономических связей, вносит общественные коррективы в величины затрат труда. Например, в условиях, когда существенно возрастет значение морального износа и обновления техники, каждая модель развития народного хозяйства должна обладать совершенно определенным социально-экономическим содержанием.

Оптимальным вариантом производства может быть лишь тот, который выражает языком цифр социально-экономическую систему в рамках социалистических производственных отношений, наиболее отвечающую экономическим законам социализма.

Это положение позволяет правильно оценить имеющиеся в литературе взгляды о критерии оптимальности общехозяйственного развития.

Часть экономистов предлагает считать критерием оптимальности наибольший уровень производительности общественного труда. Конечно, производительность труда характеризует в общем степень развития производства. Перед народным хозяйством стоит огромная задача значительного повышения эффективности общественного труда. Вместе с тем производительность труда является не целью производства, а главным средством к достижению цели. Поэтому и по некоторым другим причинам она не выражает всего качественного содержания производства, охватываемого системой экономических законов.

Нередко под критерием оптимальности понимается максимум национального дохода или «максимум национального дохода при заданном соотношении потребляемой и накопляемой частей»[1]. Этот показатель имеет определенные достоинства. Однако он не включает в себя изменения условий, характера и времени труда, а также не дает точного ответа о динамике критерия оптимальности. По нашему мнению, показатели «условий» труда должны учитываться при определении оптимума, ибо они характеризуют важнейшую сторону экономических отношений, а что касается свободного времени, то оно, по образному выражению Маркса, является главным богатством общества. Недостаток национального

[1] «Экономическая газета» № 14, 1965, стр. 9.

дохода как показателя оптимальности народного хозяйства состоит еще в том, что он непосредственно не выражает максимума конечного потребления общества в целом. Б. Смехов, видимо, стоит ближе к истине, полагая, что «конечным критерием оптимальности плана развития социалистической экономики в тот или иной период является *максимально возможный подъем народного благосостояния при одновременном накоплении средств для его дальнейшего быстрого роста*»[1].

Автор справедливо подчеркивает, что указанный конечный критерий должен быть представлен для целей плановых расчетов совокупностью показателей, отражающих общественные потребности. Кроме того, при сравнении вариантов надо принять во внимание изменение структуры потребляемых благ. Поскольку показатели народного благосостояния могут меняться, ибо меняется набор производимых благ, постольку надо устанавливать последовательность перехода от фактически достигнутого комплекса показателей уровня жизни к другим комплексам, характеризующим все более высокий уровень жизни. Если принять перспективный комплекс показателей потребления на душу населения как критериальный, то, по мнению Б. Смехова, «народнохозяйственный оптимум в данном периоде будет состоять в нахождении максимума для целевой функции — степени приближения к критериальному комплексу по всей системе показателей с учетом необходимых накоплений ресурсов для будущего»[2].

В указанном определении оптимума удачно подчеркивается его соответствие цели, основному экономическому закону социализма, а также указывается на связь определенного уровня жизни с условиями воспроизводства.

Вместе с тем нам представляется более целесообразным в формулировке народнохозяйственного оптимума отразить его связь не с критериальным комплексом, а с научно обоснованными нормами удовлетворения общественных потребностей, ибо они в конечном счете лежат в основе определения уровня коммунистических

---

[1] «Вопросы экономики» № 1, 1965, стр. 124 (курсив мой. — *В. Л.*).

[2] Там же, стр. 126.

потребностей. И наконец, в определении оптимума следует не вообще подчеркнуть связь уровня жизни с «необходимыми» накоплениями для будущего, а указать, что все более полное удовлетворение общественных потребностей в любой момент должно сопровождаться созданием условий достижения оптимума и на всех последующих этапах развития. В динамике производства оптимум представляется каждый раз наивысшим производственным результатом при минимуме затрат общественного труда.

Таким образом, народнохозяйственный оптимум можно определить как такой результат производства, который по сравнению с другими обеспечивает наибольшее удовлетворение потребностей членов общества в потребительских благах и услугах, в лучших условиях труда и свободном времени, а также создает предпосылки наилучшего прогресса в будущем. Дифференциация критерия оптимальности схематично отражает составные части системы экономических законов социализма. В целях достижения общего оптимума следует добиваться оптимальных решений по всем его частям одновременно. Указанная задача не является простой прежде всего потому, что достижение максимума объема какой-то одной потребительной стоимости ограничивает часто средства производства другой. Кроме того, до сих пор не разработана методология оценки изменения условий и творческого характера труда.

Большую сложность представляет определение оптимальности и в связи с изменением рабочего дня, а также при увеличении темпов развития производства.

Исходя из общей цели социалистического производства можно полагать, что в перспективе развития методологии конечный критерий оптимальности общехозяйственного развития будет представлен рядом показателей, среди которых важнейшее значение будут иметь: доля творческих функций в труде, увеличение свободного времени, степень достижения обществом и его группами научно обоснованных норм потребления благ и услуг, мера предпосылок дальнейшего совершенствования. Эти показатели в своей совокупности довольно концентрированно выражают главные социально-экономические результаты и условия развития социалистического производства.

Приведенное выше определение народнохозяйственного оптимума как выражение наиболее полного использования экономических законов не претендует на завершенность. Но несомненно одно, что в любом случае за оптимальный вариант общехозяйственного развития необходимо принять тот, который, по общественному признанию, по оценке общества в целом, обеспечивает наиболее творческие формы товарищеского сотрудничества, максимальную эффективность труда, наивысшее благосостояние и всестороннее развитие его членов на всех этапах развития народного хозяйства.

Участие масс в управлении — важнейшее условие наиболее полного использования экономических законов социализма

Достижение наибольшего производственного результата из всех практически возможных есть огромнейшая по масштабам и глубине анализа творческая работа. Она доступна лишь миллионам трудящихся, вооруженных знаниями и объединенных силой единства цели и социалистической организации труда.

В условиях социализма все более активное участие масс в управлении производством, использование коллективного разума общества в овладении экономическими законами являются экономической необходимостью.

Чем больше будет выдвинуто правильных идей и предложений по рационализации производства, его экономических связей, тем лучше, оптимальнее станет вариант хозяйственного строительства.

Кроме того, поскольку каждый вариант, каждая модель в целом и их составные разделы нуждаются в социально-экономической оценке и общественном признании, постольку опять-таки требуется коллективный разум, точный учет интересов отдельных лиц, групп и всего общества. Только в этом случае в планах получают наиболее полное выражение экономические законы социализма, материальные интересы общества. Широкие слои трудящихся являются главными носителями экономических отношений, и поэтому коллективная оценка планов предопределяет во многом их оптимальность.

Наконец, только массы в состоянии практически осуществить многочисленные изменения процессов производства с учетом объективных условий и в наилучших для общества направлениях. Это касается изменений не только технологических процессов, но и общественной организации труда. Сознательное творчество масс означает, что «закон, достигнутый их коллективным разумом и потому подвластный ему», подчиняет «процесс производства их общему контролю» [1].

Учитывая огромное экономическое значение самодеятельности масс, В. И. Ленин еще на заре Советской власти говорил: «...мы рассчитываем на совместный опыт, на опыт миллионов трудящихся» [2]; «ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение» [3].

В нашей стране сложилась разветвленная система государственного управления производством, включающая в себя многообразные формы участия масс. Решающее место в этой системе занимает партия — авангард советского народа. Как самый подготовленный в научном и политическом отношении отряд трудящихся, Коммунистическая партия наиболее полно познает законы общественного развития, с их учетом разрабатывает программу хозяйственного строительства и организует массы на ее выполнение.

Непосредственное руководство народным хозяйством осуществляет государство, его органы. Поэтому от государственного решения хозяйственных вопросов во многом зависят действенность трудовой активности масс и общие итоги производства.

На современном этапе значительно возросла роль государственных органов управления в мобилизации масс на выполнение задач коммунистического строительства. Это нашло свое выражение в совершенствовании органов и методов управления, усилении партийно-государственного контроля и передаче ряда государственных функций управления общественности. Вместе с тем в работе и структуре государственных органов управле-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 282.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 380.
[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 281.

ния народным хозяйством проявились существенные недостатки: параллелизм в работе ряда органов управления, недостаточная их ответственность за обеспечение производства всем необходимым, слабое использование экономических рычагов и некоторые другие. Эти недостатки мешают мобилизации масс, тормозят развитие производства. Улучшение деятельности государственных органов управления является важнейшим условием наиболее рационального использования коллективного опыта масс в хозяйственном строительстве.

Иногда проявляется недооценка экономического значения участия масс в организации общего труда, что также не способствует повышению его эффективности. Права и обязанности коллективов трудящихся в выполнении ряда функций общепроизводственного управления, обязанности руководителей в деле учета мнения масс определяются недостаточно четко.

Недооценка роли масс в организации общего труда нашла свое выражение и в общепринятом положении, что предприятиями социалистической промышленности «управляют» директора. В определении директора «управляют», по нашему мнению, выражаются лишь их государственные обязанности и право единоначалия в управлении производством. Но исчерпывается ли этим содержание управления предприятием?

Управление социалистическим предприятием есть сложный комплекс функций, важнейшая часть которых (наделение предприятия средствами, обеспечение внешних связей, определение принципов поощрения и внутризаводской организации производства и др.) выполняется государственными органами. По своему содержанию управление социалистическим предприятием выходит за его рамки и тем более за пределы возможностей одной личности. Оно немыслимо без коллективных усилий, особенно при разработке программы и средств ее успешного осуществления. Все это не означает отрицания огромной организующей роли директоров предприятий, их права на единоначалие в процессе самого труда. Жизнь показывает, что с развитием производства возрастает объективная необходимость неукоснительного подчинения всех его звеньев единой воле. Вместе с тем более правильно говорить об управлении социалистическими предприятиями как государственном управлении, в ко-

тором принимают участие государственные и партийные органы, общественность, аппарат управления предприятием. Все они выполняют те или иные функции руководства, причем аппарат управления предприятием непосредственно организует производство на основе государственных распоряжений и законов при участии масс. Руководитель социалистического предприятия выступает в общей системе управления в роли ведущего и материально ответственного организатора коллектива, призванного добиваться на основе единоначалия осуществления коллективно выработанной программы по выполнению государственных заданий.

Недооценка роли масс в управлении на практике проявляется в довольно разнообразных формах. Нередко вышестоящие органы принимают решения без делового обсуждения в кругах общественности, а руководители не принимают во внимание предложения трудящихся. Это показывает, что еще далеко не используются гигантские силы коллективного разума для вскрытия и использования резервов производства, улучшения управления.

Сейчас следует более четко определить систему форм и пути повышения действенности участия общественности в выполнении важнейших экономических функций руководства, с тем чтобы обеспечить наибольшую эффективность производства. Общехозяйственные планы развития должны всесторонне и глубоко обсуждаться всей массой трудящихся. Практика всенародных обсуждений таких планов за последние годы показывает высокую действенность коллективного участия в управлении, особенно если обсуждение коренных вопросов народного хозяйства ведется в комплексе, деловито, если сравнивается несколько вариантов развития.

О действенности активного участия масс в изыскании и использовании отдельных резервов производства говорит следующий факт. Относительно недавно органы партийно-государственного контроля, опираясь на актив более 300 тыс. человек, смогли проверить состояние хранения и вывоза грузов со станций железных дорог, морских и речных портов всей страны. Реализация предложений, возникших в ходе сквозной проверки всех видов транспорта, позволила сократить количество скопившихся

грузов на станциях только за время проверки с 2,5 млн. до 700 тыс. тонн [1].

Сейчас следовало бы установить практику регулярного проведения общесоюзных и зональных экономических конференций научных и руководящих работников, специалистов для обсуждения таких крупных проблем, как пути ускорения технического прогресса, повышения эффективности капиталовложений, резервы роста производительности труда, вопросы совершенствования цен и межотраслевых связей, усиление материального стимулирования работников всех звеньев народного хозяйства, включая органы управления и др. На таких конференциях целесообразно в творческой обстановке оценивать разные варианты наиболее крупных экономических решений, которые должны подготавливать плановые и исследовательские органы. Практика показывает, что проведение подобных мероприятий даже в рамках совнархозов приносит очень значительный эффект.

Формы общественного анализа и оценка тех или иных сторон производства могут быть более многообразными. Так, вопросы организации заработной платы редко обсуждаются на союзных совещаниях, а их правильное решение очень важно. В последнее время общественные организации принимают активное участие в совершенствовании системы оплаты труда. Широкое обсуждение этих вопросов позволит избежать субъективизма, элементы которого сейчас снижают материальную заинтересованность в труде.

Еще больший размах может принять творческая активность масс в управлении предприятиями. Жизнь подтверждает высокую эффективность многих новых форм самодеятельности трудящихся, в частности общественных бюро и лабораторий нормирования. Эти добровольные объединения трудящихся появились недавно. Но они уже определяют более точно, чем раньше, меру труда и меру оплаты его результатов, выявляют многие резервы производства.

Сейчас на промышленных предприятиях сложилась система общественных форм участия трудящихся в управлении, которая в известной мере связана со всеми его основными организационными и экономическими

[1] «Коммунист» № 6, 1964, стр. 70.

функциями. Об этом схематично говорит следующая таблица:

Отделы заводоуправления	Общественные формы выполнения функций управления [1]
Конструкторский	Конструкторское бюро
Технологический	Технологическое бюро
Главного механика	Механическая секция совета НТО
Главного энергетика	Энергетическая секция совета НТО
Бюро рационализации и изобретательства	Совет ВОИР и бюро технической информации
Труда и заработной платы	Бюро нормирования, советы по найму и увольнению
Плановый, финансовый	Бюро экономического анализа
Технического контроля	Комиссия по качеству

Развитие системы участия трудящихся в управлении предприятием, рост их опыта и квалификации, укрепление лабораторий экономического анализа — все это позволяет, на наш взгляд, в ближайшее время практически осуществить выдвигаемое предложение об организации планирования народного хозяйства на основе разных вариантов развития предприятий, подготавливаемых их коллективами с учетом плановых наметок государственных органов.

Система моделирования общехозяйственного развития на основе сравнения разных вариантов совершенствования предприятий, подготовленных их коллективами, и выбора наилучших из них имеет огромные преимущества. Она полнее аккумулирует резервы производства и многогранный опыт масс, дает возможность с учетом общехозяйственных интересов выбрать наиболее оптимальные пути развития каждого из предприятий, каждой из отраслей и всего народного хозяйства. Осуществление указанного предложения является основным в системе мероприятий по повышению эффективности производства.

В ходе дальнейшего строительства коммунизма будут складываться все более благоприятные предпосылки роста активности и действенности участия масс в управле-

[1] Кроме известных, давно сложившихся форм — производственных совещаний, собраний и т. д.

нии, а именно — значительное повышение культурно-технического уровня и экономической грамотности трудящихся, а также увеличение у них времени для непосредственного выполнения управленческих функций.

«...Чтобы управлять, — учил В. И. Ленин, — нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование» [1]. Высокая научно-инженерная и экономическая подготовка, опыт работы на разных участках производства и наличие соответствующего времени дадут возможность широким слоям трудящихся решать многие общие вопросы управления, что ныне является делом лиц особой профессии. Со временем творчество многомиллионных масс превратится в новую производительную силу, которая обеспечит более рациональную организацию труда и поднимет эффективность общественного производства на новый уровень. Еще Ф. Энгельс предвидел, что в будущем законы «будут применяться людьми с полным знанием дела», а «приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают» [2].

Наибольшие успехи станут возможны тогда, когда все трудящиеся, овладев наукой управления, станут участвовать в нем. Вместо особых специалистов — работников управления одну часть общих функций руководства будут выполнять все трудящиеся, а другую — отдельные работники, периодически выдвигаемые с учетом преемственности и квалификации из среды участников производства. Необходимость органов руководства не отпадает, а возрастает, ибо они обеспечивают единство действий и являются экономически выгодной формой концентрации работ по осуществлению общих задач управления. Систематическое обновление работников в этих органах будет не только одним из путей развития демократии в производстве, но и важным средством обогащения сферы управления опытом и мудростью масс.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 215.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 295.

Глубина овладения экономическими законами будет нарастать по мере обогащения органов руководства коллективным опытом. Коллективный опыт будет приобретаться в связи с ростом квалификации и обновлением кадров. Органы руководства должны стать подлинными организаторами и исполнителями общенародного разума, коллективного мнения в управлении экономической жизнью страны.

В условиях коммунистической кооперации труда, когда господствует коллективный разум и осуществляется свободный обмен идеями, опытом, достигается наибольшая степень использования экономических законов в целях все более полного удовлетворения потребностей и всестороннего развития всех членов общества, рождается высочайшая производительная сила коллективного труда, обеспечивающая высший производственный результат, полностью или, точнее, почти полностью совпадающий с социальными потребностями всех членов общества.

Поскольку полнота познания и использования экономических законов, а значит, и производственный результат зависят в большой степени от участия масс в управлении, постольку следует всемерно заинтересовывать всех трудящихся как морально, так и материально в наиболее целесообразном установлении экономических взаимосвязей в общественном производстве.

Социалистический способ производства и соответствующая ему система поощрения обусловливают высокую степень материальной заинтересованности работников в труде. Вместе с тем, на наш взгляд, сложившиеся формы оплаты все еще слабо отвечают задаче достижения наибольшего производственного результата во всем народном хозяйстве.

В предвоенные годы, да и в послевоенный период главное внимание в области материального стимулирования уделялось совершенствованию форм индивидуальной оплаты труда. Необходимость этого диктовалась в известной мере большой дифференциацией процесса труда и задачами воспитания социалистической дисциплины. Однако в этот период имела место серьезная недооценка коллективных форм оплаты труда, премирования за общие результаты производства. Так, длительное время на большинстве предприятий не было поощрительных фондов, создаваемых за счет отчислений от при-

былей; премии по отношению к фонду заработной платы по положению не превышали 5 проц., а фактически были меньше. Специальные исследования показывают, что и сейчас премии за общие результаты производства составляют в ряде случаев всего 2 проц. среднегодовой заработной платы, а на некоторых предприятиях — менее 1 процента [1].

В последнее время в нашей литературе широко отмечается слабая связь форм материального стимулирования труда с использованием основных фондов. При организации оплаты труда в ряде случаев не устанавливается должная зависимость материального поощрения от роста объема производства и улучшения его качественных показателей. Так, размер окладов работников совнархозов и хозяйственных органов управления промышленностью не меняется в зависимости от степени выполнения государственных планов. Премиальная система в ряде звеньев сферы управления не развита.

Наименее разработанными оказались формы поощрения за эффект, образующийся в данном производстве, а проявляющийся у потребителя. Во многих случаях улучшение качества, сортимента, повышение долговечности продукции, требующее дополнительных затрат в ее производстве, даже ухудшают экономические показатели предприятий-производителей, в то время как приносят большой эффект у потребителей. Указанное обстоятельство часто не учитывается в системе материального поощрения.

Все эти факты подтверждают тот вывод, что система материального поощрения максимума производственного результата еще весьма несовершенна.

Некоторые авторы в целях повышения материальной заинтересованности и развития экономической самостоятельности предприятий настойчиво предлагают развивать «собственную финансовую базу», вкладывать за счет прибылей свои средства в свое производство без учета общехозяйственного значения этих мероприятий.

Конечно, сейчас разумно ставится вопрос о повышении самостоятельности предприятий и наделении их опре-

---

[1] См. *М. И. Бижанова.* Материальные стимулы ускорения технического прогресса в промышленности. Изд. «Мысль», 1964, стр. 41.

деленными средствами для быстрого совершенствования. Однако эту проблему необходимо решать, обеспечивая концентрацию средств, в особенности капиталовложений, на тех участках народного хозяйства, которые могут дать всему обществу наибольший эффект. В условиях социализма развитие экономической самостоятельности предприятий и материальное поощрение их работников должны обеспечивать достижение максимальной эффективности обществу в целом. Этот коренной принцип следует положить и в основу разрабатываемого закона о социалистическом предприятии.

Реализация указанного принципа связана с изменениями системы поощрения. В период строительства коммунизма индивидуальная оплата должна сохраниться как основная форма. Вместе с тем назрела необходимость установить новую, значительно большую зависимость оплаты труда от общих результатов производства. Эта необходимость диктуется главным образом следующими обстоятельствами. Современная техника требует коллективного обслуживания, совмещения профессий и взаимозаменяемости рабочих. Кроме того, успех любого работника все больше зависит от успеха всего коллектива. Поскольку «продукт перестает быть продуктом единичного непосредственного труда и, наоборот, в роли производителя выступает **сочетание** общественной деятельности»[1], постольку и формы оплаты труда должны охватывать весь процесс. При этом надо иметь в виду, что трудящиеся принимают участие в установлении общей программы действий и средств ее осуществления. Они имеют право и некоторые возможности контролировать ход выполнения программы общей деятельности и вносить в нее коррективы.

Установление новой зависимости оплаты труда от общего результата производства должно являться средством воспитания коллективизма, пробуждать творческие силы трудящихся в деле наиболее рациональной организации производства в целом. Имеющаяся практика коллективной оплаты труда уже показывает, как повышается ответственность каждого работника за общие результаты, увеличивается забота коллектива о деятель-

[1] Из неопубликованных рукописей К. Маркса. «Большевик» № 11—12, 1939, стр. 64.

ности каждого его члена. Коллективные формы оплаты активно учат достигать личного благополучия через соблюдение общественных интересов, путем наиболее рациональной организации совместного труда.

Коллективная оплата не должна вести к уравнительности и превышать ту часть, которая полагается за индивидуальный труд на том или ином рабочем месте, определяющий в конечном счете общий результат.

Разработка принципов организации материального поощрения в более тесной связи с общими результатами производства требует серьезных коллективных усилий. Организация поощрения в соответствии с максимумом народнохозяйственного результата и с учетом меры личного труда на том или ином участке поднимает новую волну творчества масс в наиболее полном использовании всех резервов производства на основе отношений товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи в общественной кооперации труда. Эта волна творчества обусловит новый рост производительности труда.

В. С. Дунаева

ПРИМЕНЕНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МЕТОДА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Объективная основа применения математического метода в экономических исследованиях

Методом марксистско-ленинской экономической науки является диалектический и исторический материализм. Марксистская философия служит орудием познания для всех наук, так как ее принципы выработаны на основе изучения наиболее общих законов природы и общества. Наряду с этим каждая наука имеет свои особые приемы исследования, обусловленные спецификой исследуемого предмета. Свои конкретные средства исследования имеет и экономическая наука. К их числу относится математический метод, применяемый к анализу количественной определенности экономических явлений.

Математика как метод экономического исследования применялась всегда, с момента появления политической экономии как науки. Эта роль математики подчеркнута еще родоначальником трудовой теории стоимости В. Петти. В предисловии к «Политической арифметике», которую К. Маркс назвал первой формой политической экономии, В. Петти пишет, что его способ «не обычный, ибо, вместо того чтобы употреблять слова только в сравнительной и превосходной степени и прибегать к умозрительным аргументам, я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер (я уже давно стремился пойти по этому пути, чтобы показать пример политической арифметики...)»[1].

Большое значение придавали математическому исследованию экономических процессов классики мар-

[1] *В. Петти.* Экономические и статистические работы. Соцэкгиз, 1940, стр. 156.

ксизма-ленинизма. В работах К. Маркса, и прежде всего в «Капитале», даны прекрасные образцы применения математического метода в политической экономии. Широкое применение находит математика и в работах советских экономистов, которые используют ее не только как метод познания экономической действительности, но и как средство решения народнохозяйственных задач.

Буржуазные экономисты считают, что применение математики возможно лишь на базе «теории предельной полезности», и на все лады твердят о том, что будто марксистская политическая экономия не создает почвы для использования математического метода. Применение математики советскими экономистами они расценивают как отход от трудовой теории стоимости и считают, что советские экономисты смогут успешно применить математический метод лишь при условии, если они откажутся от основ марксистской экономической теории.

В действительности марксистская политэкономия не только не противоречит применению математического метода, но и создает исключительно благоприятные условия для этого, так как стоит на почве объективного понимания экономических явлений.

В связи с этим возникает ряд вопросов: что служит объективной основой применения математического метода в политэкономии, какова роль математики в экономическом учении К. Маркса, каковы возможности и границы применения математики в исследовании социалистических производственных отношений?

Математика — наука о количественных отношениях объективного мира. Ее основные понятия — число, фигура — взяты из действительного мира. Ф. Энгельс, критикуя Дюринга, который считал, что «в чистой математике разум имеет дело с «продуктами своего собственного свободного творчества и воображения»...», писал, что математика имеет своим объектом реальный материал, как и все другие науки, «математика возникла из *практических* потребностей людей...»[1].

Математика как наука о количественных взаимосвязях объективного мира может применяться для описания и изучения количественных отношений в любой области

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 36, 37.

действительности, так как каждое явление обладает качественной и количественной определенностью. Однако степень применения математического метода зависит от предмета исследования, от характера изучаемых явлений. В. И. Ленин неоднократно указывал на возрастание трудностей, создаваемых для математики сложными формами движения материи при переходе от механики к физике, от физики к химии, от химии к биологии и далее к общественным наукам. Чем выше форма движения материи, тем она сложнее, а следовательно, и сложнее практика использования математического метода.

Объективная возможность и необходимость применения математического метода в политэкономии обусловливается самим ее предметом, которым являются производственные отношения в их взаимодействии с производительными силами.

Будучи одной из форм движения материи, производственные отношения характеризуются как качественно, так и количественно. Единство качественной и количественной определенности экономических отношений служит объективной основой применения математического метода в политической экономии. Использование математики в экономических исследованиях не только возможно, так как она имеет здесь объект для своего изучения — количество, но и необходимо, ибо без математики нельзя исследовать количественную сторону экономических отношений, а следовательно, нельзя до конца познать их сущность. Исследование количественной определенности производственных отношений имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно позволяет глубже проникнуть в сущность экономических процессов, правильно решить экономические задачи.

К. Маркс, начиная анализ буржуазного общества с его клеточки, с товара, уже здесь исследует качественную и количественную определенность. Товар имеет двойственную природу: потребительную стоимость и стоимость. Свойство товара удовлетворять какую-либо потребность человека обусловлено его качественными особенностями. Это свойство товара «не зависит от того, много или мало труда стоит человеку присвоение потребительских свойств». Потребительная стоимость харак-

теризует товар качественно. Количественную сторону товара характеризует стоимость. Как стоимости товары качественно однородны, они могут отличаться лишь количественно. Эти две противоположности, заключенные в товаре, — качество и количество — результат двойственного характера труда товаропроизводителя — конкретного и абстрактного. Конкретные виды труда отличаются качественно, абстрактный труд характеризуется количеством. В силу этого «как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия...» [1].

Анализ товара со стороны качества и количества показывает недопустимость смешения потребительной стоимости со стоимостью. Попытки буржуазных экономистов из потребительной стоимости вывести стоимость есть не что иное, как смешение качества и количества, подмена одного другим. И в нашей экономической литературе, как ни странно, отдельные авторы отождествляют потребительную стоимость товара с его стоимостью. Так, например, А. Л. Вайнштейн считает, что если «сконструировать *общественную потребительную стоимость,* общественную полезность, то частные производные *от нее,* или, иными словами, *от народнохозяйственной стоимости, выраженной в труде,* будут величинами, которые пропорциональны тем же самым объективно обусловленным оценкам, а поэтому должны быть пропорциональны ценам при надлежащем построении последних» [2]. Отождествляя потребительную стоимость товара с его стоимостью, А. Вайнштейн цены товаров представляет как величины, пропорциональные частным производным от общественной полезности.

Субстанцией стоимости служит труд, а не потребительная стоимость. На это неоднократно указывал К. Маркс. «...И вообще, — писал он, — потребительная стоимость — носитель меновой стоимости, а не ее причина» [3]. «Стоимость, как таковая, не имеет иного «вещества», кроме самого труда» [4]. Цена же, являясь денеж-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 46.

[2] «Вопросы экономики» № 9, 1964, стр. 75 (курсив мой. — *В. Д.*).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 197.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 29, стр. 257.

ным выражением стоимости, испытывает определенное влияние потребительной стоимости товара. В одном из писем Ф. Энгельсу К. Маркс жестоко высмеял Книса, представителя реакционной вульгарной политэкономии, который считал, будто К. Маркс в уравнении обмена сводит потребительные стоимости к стоимости [1].

Являясь качественной определенностью товара, потребительная стоимость в свою очередь характеризуется качеством и количеством. Качество потребительной стоимости выступает как полезные свойства вещи в их отношении к общественным потребностям. В то же время потребительные стоимости всегда предполагают количественную определенность — тонна железа, метр шелка, кубометр древесины и т. п.

В процессе обмена учитывается как качество, так и количество потребительных стоимостей. В замечаниях К. Маркса на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» указывается: «Так как товар покупается покупателем не потому, что он имеет стоимость, а потому, что он есть «потребительная стоимость» и употребляется для определенных целей, то само собой разумеется: 1) что потребительные стоимости «оцениваются», т. е. исследуется их *качество* (точно так же, как *количество* их измеряется, взвешивается и т. п.)...» [2]

Проблема качества и количества потребительной стоимости приобретает особое значение в условиях социализма. Рост благосостояния советского народа повышает требования к качеству товаров. Поэтому партия и правительство выдвигают в настоящее время как одну из коренных народнохозяйственных задач проблему резкого повышения качества, надежности и долговечности изготовляемой продукции.

Количественная определенность потребительной стоимости имеет решающее значение при регулировании спроса и предложения. Она выступает как объем произведенных товаров, который не может устанавливаться произвольно. Он должен находиться в соответствии с общественной потребностью. Перед нами «не просто потребительные стоимости, удовлетворяющие человеческие потребности, — пишет К. Маркс, — но потребительные

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 51.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 387.

стоимости, находящиеся на рынке в определенном количестве»[1]. Определяя размеры общественной потребности, К. Маркс отвлекается от качественной определенности потребительной стоимости и рассматривает лишь общественную функцию ее количественной определенности.

Стоимость товара также выступает как единство качественной и количественной определенности. Внутренней определенностью стоимости, ее субстанцией является абстрактный труд, отражающий специфические отношения производителей. Следовательно, качество стоимости выражается в том, что она есть специфическая форма производственных отношений, характерная для товарного производства. Если качество потребительной стоимости осязаемо, бросается в глаза, то качество стоимости внешне не ощутимо. Стоимость — это отношение между товаропроизводителями, которое прикрыто вещной оболочкой. Качество стоимости характеризует товар как общественную категорию. Этот общественный характер стоимости проявляется и при выяснении ее количественной определенности, выступающей в форме величины стоимости, которая характеризуется количеством труда, общественно необходимого для производства данного товара.

Выяснение качественной и количественной определенности стоимости имеет большое практическое значение, особенно для ценообразования. В связи с этим вызывает возражение упрощенное толкование количественной определенности стоимости товара, которое можно встретить в экономической литературе.

Наиболее отчетливо единство качественной и количественной определенности проявляется в экономических законах, а количественные взаимосвязи здесь получают математическое выражение в виде формул. Так, качественная характеристика основного экономического закона капитализма состоит в том, что это закон развития основного производственного отношения капиталистического общества, отношения эксплуатации наемного труда, отношения между классом капиталистов и пролетариатом. Этот закон определяет цель капиталистического производства — производство прибавочной стоимости. Вместе с тем отношения капиталистической эксплуата-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 204.

ции имеют и количественную форму выражения. Существует определенная степень капиталистической эксплуатации, а прибавочная стоимость имеет такую количественную характеристику, как масса.

В «Капитале» К. Маркса даются математические формулировки и других экономических законов: закона стоимости, закона денежного обращения, всеобщего закона капиталистического накопления и т. д. Все это свидетельствует о том, что марксистско-ленинская политическая экономия создает благоприятную почву для применения математического метода, так как она исследует реальные экономические процессы, имеющие не только качественную, но и количественную определенность. В связи с этим возникают вопросы: какова роль математики в экономическом анализе, служит ли она лишь средством иллюстрации, математической интерпретации экономической теории или является методом познания? Часто можно встретить утверждения, что математика в экономической науке выполняет лишь иллюстративную роль и что в трудах К. Маркса математический метод служит методом изложения, а не исследования. «Легальный марксист» С. Булгаков, например, выступая с нападками на учение К. Маркса, писал, что таблицы и формулы в «Капитале» являются «результатом чрезмерного иногда пристрастия Маркса к облачению своих (нередко очень простых) мыслей в сложную математическую одежду», что они играют лишь роль иллюстраций [1]. В действительности математическая сторона в учении Маркса — это не внешняя форма, «одежда», а внутренне присущая, неотъемлемая сторона его экономического исследования.

Математика в экономических исследованиях выступает не только как средство интерпретации, математической формулировки количественных закономерностей, но и как важнейшее орудие познания, как метод разработки теории, формирования новых понятий и законов. К. Маркс признавал эту эвристическую роль математики. В одном из писем к Ф. Энгельсу он высказывал мысль о возможности математическим путем вывести главные законы кризисов при наличии достаточно про-

---

[1] См. *С. Булгаков.* Капитализм и земледелие, т. I. Изд. 1900, стр. 87.

веренного материала [1]. К. Маркс, исследуя капиталистический способ производства, постоянно обращался к математике, в том числе к высшей математике. Чтобы проследить диалектику развития, динамику реальных процессов, К. Маркс применял высшую математику. «В высшей математике, — вспоминает П. Лафарг, — он (Маркс. — *В. Д.*) находил диалектическое движение в его наиболее логичной и в то же время простейшей форме» [2]. С помощью математического метода К. Маркс конкретизировал отдельные положения экономической теории, выводил из более общих законов законы частных сфер. Так, например, в пятнадцатой главе I тома «Капитала» дается математическое исследование и формулировка частных законов, устанавливающих соотношения между прибавочной стоимостью, ценой рабочей силы, производительностью труда, интенсивностью труда и длиной рабочего дня. Конкретизацией основного экономического закона капитализма — закона прибавочной стоимости — явились три закона массы прибавочной стоимости, выведенные К. Марксом математическим путем. К. Маркс дает формулу массы прибавочной стоимости $M = m \cdot n$. Но так как m при данной стоимости рабочей силы определяется нормой прибавочной стоимости, то $M = m' \cdot v \cdot n = \frac{m}{v} \cdot V$. Это есть формула первого закона массы прибавочной стоимости, на котором базируются два других.

О том, что К. Маркс применял математику для получения ранее неизвестных закономерностей и соотношений, свидетельствуют и его черновые записи. В архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится неопубликованная тетрадь К. Маркса, в которой представлен ряд математических уравнений, зависимостей [3]. В ней, например, дается математический анализ разности между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли, отношение этой разности к норме прибыли и норме прибавочной стоимости.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 72.

[2] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». Госполитиздат, 1956, стр. 66.

[3] Часть этих рукописей опубликована в работе Н. К. Лопырева «Некоторые вопросы теории производительности труда». Ленинград, 1964.

$$\delta = m^1 - p^1$$

$$m^1 - p^1 = \frac{m}{v} - \frac{m}{v+c} = \frac{mv+mc-mv}{v(v+c)} = \frac{mc}{v(v+c)}$$

$$m^1 - p^1 = \frac{mc}{v(v+c)} = \frac{m}{v} \cdot \frac{c}{v+c} = m^1 \cdot \frac{c}{v+c} \qquad (1)$$

$$m^1 - p^1 = \frac{mc}{v(v+c)} = \frac{m}{v+c} \cdot \frac{c}{v} = p^1 \frac{c}{v} \qquad (2)$$

$$\frac{\delta}{p^1} = \frac{p^1 \frac{c}{v}}{p^1} = \frac{c}{v} \qquad (3)$$

$$\frac{\delta}{m^1} = \frac{m^1 \frac{c}{v+c}}{m^1} = \frac{c}{v+c} \qquad (4)$$

Далее дается анализ формулы:

1) если m^1 неизменна, то δ тем больше, чем меньше p^1, и наоборот;

2) если $\frac{v}{c}$ неизменно, то δ растет в той пропорции, в какой одновременно изменяются m^1 и p^1

$$n \cdot m^1 - np^1 = n(m^1 - p^1) = n\,\delta$$

В приведенных формулах устанавливается зависимость между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости. Это математическое выражение частных законов. Они позволяют отыскать δ, когда известны либо p' и $\frac{c}{v}$, либо известны m' и $\frac{c}{v+c}$.

В тетради приводится ряд других интересных математических зависимостей [1], полное воспроизведение которых здесь не представляется возможным.

---

[1] Архив ИМЭЛ, д. 3611

К вопросу об использовании математического метода в экономических исследованиях при социализме

Применение математики в экономических исследованиях советских экономистов стало настоятельной необходимостью. Оно обусловлено быстрым развитием производительных сил, характерным для периода развернутого строительства коммунизма. Рост масштабов производства сопровождается повышением уровня его обобществления. Происходит усложнение взаимосвязей, существующих в экономике, растет специализация, кооперирование и комбинирование, изменяется структура общественного производства, формируются новые отрасли. Современному периоду развития экономики свойственна высокая динамичность, порождаемая бурным техническим прогрессом. В этих условиях руководство народным хозяйством невозможно без использования математики и электронной вычислительной техники, позволяющей точно рассчитать пропорции в народном хозяйстве, установить количественные взаимосвязи между действующими силами, определить тенденцию развития того или иного экономического процесса. Сложность и глубина хозяйственных связей требуют «уменья правильно учесть и правильно распределить...» [1].

Теоретическим фундаментом научного руководства экономикой служит марксистско-ленинская политическая экономия, развивающаяся в неразрывной связи с практикой. Современная практика требует, чтобы научные рекомендации были разработаны наиболее детально и конкретно, чтобы были сформулированы точные приемы и методы использования объективных экономических законов в интересах общества.

Научный подход к решению экономических проблем заключается не только в повышении научного уровня качественного анализа экономических процессов, но и в том, чтобы по-настоящему заняться количественным анализом. Экономическая наука не может ограничиваться лишь качественным исследованием явлений, она должна использовать количественный анализ, математический метод.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 294.

Партия требует, чтобы политическая экономия социализма стала в полном смысле слова научным руководством к действию, она должна доводить свои теоретические положения до такой степени конкретизации, при которой они могли бы служить исходной основой для практического решения народнохозяйственных задач. Это невозможно без применения математического метода исследования.

Использование математики в экономической науке при социализме имеет ряд преимуществ по сравнению с капитализмом, что признают даже буржуазные экономисты. Эти преимущества состоят в том, что, во-первых, при социализме есть объективные возможности для глубокого познания и использования количественной определенности экономических законов. Как существенное отношение закон количественно выступает в форме определенной функциональной зависимости, в виде взаимодействия существенных связей, познание которых возможно лишь на высокой ступени исследования. Планомерное развитие экономики в интересах всего общества подготавливает условия для такого познания. Создается возможность выражения экономических законов в виде различных функциональных отношений с применением математического аппарата. Эти функциональные связи могут быть представлены либо в виде системы линейных уравнений, как это имеет место при выражении пропорциональности развития экономики, либо в форме обратного отношения между количеством выпускаемой продукции и количеством затраченного времени — в законе неуклонного роста производительности труда, либо в форме прямой зависимости между количеством и качеством затраченного труда, с одной стороны, и долей общественного продукта, поступающей в личное потребление работника, — с другой, в законе распределения по труду и т. п.

Во-вторых, в силу целостности и единства социалистической экономики математические методы имеют несравненно более широкую область применения при социализме, чем при капитализме. Математика используется как в микро-, так и в макроанализе, как при исследовании экономики отдельных предприятий или их объединений, так и для анализа экономики всего народного хозяйства в целом. При капитализме частная собствен-

ность на средства производства, противоречие между организацией производства на отдельном предприятии и анархией в масштабе всего общества сужают рамки применения математики и современной вычислительной техники. Математические методы применимы там лишь к отдельным частям народного хозяйства, к анализу экономики отдельных фирм, а не всего народного хозяйства. Так, в США довольно широко применяется линейное программирование для решения задач оптимального раскроя промышленных материалов, оптимального использования производственных мощностей и рабочей силы внутри отдельных предприятий, оптимальной структуры производственной программы и т. п. Попытки же экономистов построить программирующую модель всего народного хозяйства терпят провал. В экономическом институте в Осло уже многие годы разрабатывается экономическая решающая модель перспективного народнохозяйственного программирования. Но эта модель не может охватить все разобщенные частнокапиталистические фирмы, учесть поведение каждой из них. Использование математических методов в народнохозяйственном масштабе требует внутреннего единства всей экономической системы, подчинения ее единой цели. Этого как раз нет в капиталистической экономике. Поэтому математика используется там в основном в эмпирических экономических исследованиях. Применение математики в теоретических исследованиях сводится к математическому выражению различных вульгарных экономических теорий.

Социалистическая экономика в силу господства общественной собственности на средства производства выступает как целостная система, как единый хозяйственный организм. Здесь налицо исключительно благоприятные возможности использования математики не только при исследовании экономики отдельных частей целого, но и всей системы. При социализме математика может быть применена при исследовании таких народнохозяйственных проблем, как социалистическое расширенное воспроизводство, оптимальное планирование народного хозяйства, ценообразование и др. Использование математики для анализа социалистической экономики как целостной системы повышает уровень исследования, позволяет вывести общие закономерности развития социалистической экономики.

В-третьих, при социализме обеспечивается высокая эффективность применения математических методов в экономических исследованиях. Математика в экономических исследованиях социализма выступает не только как орудие познания, но и как средство решения конкретных народнохозяйственных задач. В условиях капитализма использование математических средств фирмами преследует частнохозяйственные интересы. Эффект от этого получают частные лица. Этот частнохозяйственный эффект — получение наивысшей прибыли — противоречит общественным интересам, идет вразрез с ними. При социализме интересы отдельных коллективов предприятий и общества в целом едины, поэтому обществу выгодно применять математику для анализа экономики как отдельных предприятий, так и всего народного хозяйства в целом. Разобщенность капиталистических предприятий приводит к распылению математических средств. Каждая фирма стремится иметь собственную вычислительную технику, лишь бы сохранить тайну предприятия. Фирмы идут на то, чтобы загружать свою собственную вычислительную технику на 5—10 проц., только не было бы утечки информации. В нашей стране в настоящее время решается задача создания единой государственной сети вычислительных центров, что приведет к наиболее рациональному использованию всех математических средств. Эффективное использование математики при социализме проявляется и в том, что в силу плановости и целенаправленности социалистической экономики математика здесь выступает как средство прогнозирования, определения тенденций развития экономических процессов на длительный период. Так, в настоящее время с помощью математики ведется разработка пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы. Таким образом, математические методы при социализме выступают важнейшим фактором повышения производительности общественного труда.

Однако, несмотря на большие возможности, использование математики в социалистической экономике, применение ее в экономических исследованиях до последнего времени сдерживалось. Это объясняется рядом причин: предубеждением многих экономистов против математического инструментария, отсутствием своевременной, всесторонней и точной систематической информации. Глав-

ной же причиной является неразработанность методологических основ применения математических методов. Центральной областью, в которой математические методы получают наиболее широкое применение, является народнохозяйственное планирование. Над разработкой этой проблемы трудятся целые коллективы научных работников. Однако до сих пор методологические основы оптимального планирования разработаны недостаточно.

Наиболее сложным и спорным вопросом является вопрос о критерии оптимальности народнохозяйственного плана. Некоторые экономисты (М. В. Колганов и др.) считают задачу нахождения оптимального плана неразрешимой, поскольку невозможно найти единый количественный показатель, который характеризовал бы план как оптимальный.

Многие экономисты-математики (Л. В. Канторович, В. В. Новожилов и др.) полагают, что задача нахождения народнохозяйственного оптимума разрешима методами линейного программирования. Они предлагают осуществить путем использования системы объективно обусловленных оценок минимизацию затрат труда при создании изобилия материальных благ. Но при этом возникает препятствие в виде несоизмеримости потребительных стоимостей различных материальных благ, в невозможности количественного сопоставления их. В Главном вычислительном центре Госплана СССР проблема нахождения оптимального плана решается путем оптимизации межотраслевого баланса. Делаются расчеты по различным критериям оптимальности. Например, максимизируется либо национальный доход, либо фонд потребления при накоплении, обеспечивающем высокие темпы расширенного воспроизводства. Однако производимые расчеты находятся еще в стадии эксперимента.

Все это свидетельствует о том, что решение проблемы нахождения народнохозяйственного оптимума требует больших совместных усилий экономистов и математиков. При этом работа должна вестись в двух направлениях. С одной стороны, дальнейшее развитие должны получить теоретические исследования как в области экономической науки, так и в области прикладной математики, которые позволили бы определить критерий оптимальности,

расширить круг решаемых задач. С другой стороны, в тех областях, где способы применения экономико-математических методов уже разработаны, теоретические работы должны тесно смыкаться с практикой, из области эксперимента должны быть перенесены в жизнь. Для многих частных задач (как транспортная задача, проблемы рационального размещения производительных сил, определение производственных мощностей, топливный баланс и др.) способы решения определены, но получили еще недостаточное практическое применение. Задача состоит в том, чтобы шире внедрять в практику экономико-математические методы для решения тех проблем, где для этого уже имеются возможности.

Экономическая наука должна разработать исходные посылки, сформулировать общие закономерности применения математических методов и, в частности, исследовать такие проблемы, как соотношение качественного и количественного анализа, методология построения экономико-математических моделей, экономические измерители и т. п., что способствовало бы успешному применению математики в экономике.

Некоторые особенности математического метода

Важнейшей особенностью математического метода является то, что его применение связано с моделированием экономических процессов. Модель — это образец, подобие какого-либо процесса или предмета, абстрактное изображение основных взаимосвязей, существующих в реальной действительности. Модели и моделирование широко применяются в естественно-технических науках: в физике — электронная модель атома, в химии — модель строения вещества, в астрономии — модель солнечной системы и т. д. Различают физическое и математическое моделирование. Физическая модель воспроизводит изучаемое явление с сохранением его физической природы и геометрического подобия. Математическая модель фиксирует явления в форме математических уравнений, неравенств или системы уравнений и неравенства.

Математическое моделирование получает большое распространение в экономических исследованиях. Соз-

даются экономико-математические модели. В. С. Немчинов дает следующее определение экономико-математической модели: «Специальная конструкция показателей и параметров, объединяемая (в явном или неявном виде) системой уравнений в единое целое, может быть названа моделью экономического процесса или явления» [1].

Модель отражает наиболее существенные и характерные черты экономической действительности. По своей сложности модели различны, так как различны процессы, лежащие в основе их. Основной путь моделирования состоит в оформлении экономических процессов, законов, закономерностей в виде математических символов уравнений, неравенств. Иначе говоря, в модели осуществляется математическая интерпретация экономической теории.

Этот путь использовал К. Маркс при моделировании экономических процессов. Примером может служить модель простого товарного обмена, данная К. Марксом, x товара $A = y$ товара B. Здесь отношения обмена выражены элементарно, простым равенством. Сложнее модель, используемая К. Марксом при анализе воспроизводства общественного капитала, когда все общественное производство представлено в виде двухсекторной схемы:

$$\text{I } c_1 + v_1 + m_1 = P_1.$$

$$\text{II } c_2 + v_2 + m_2 = P_2.$$

Производя по этой модели математические расчеты, К. Маркс показал, как совершается реализация совокупного общественного продукта, то есть решил вопрос, «откуда возьмут предметы своего потребления рабочие и капиталисты? откуда возьмут последние средства производства? каким образом произведенный продукт покроет все эти запросы и даст возможность расширить производство?» [2].

В. И. Ленин в своих работах продолжил разработку модели расширенного воспроизводства. Он придал своей

---

[1] *В. С. Немчинов.* Экономико-математические методы и модели. Соцэкгиз, 1962, стр. 216.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 39.

схеме ярко выраженный динамический характер, введя в нее органическое строение капитала как переменную величину.

Значение математического моделирования экономических процессов состоит в том, что, во-первых, оно позволяет получать новые научные выводы путем количественного анализа. Модель при помощи математического аппарата дает возможность вывести новые соотношения зависимости между экономическими параметрами, а последующий качественный анализ их позволяет сформулировать новые теоретические обобщения. Во-вторых, математическое моделирование является необходимым условием, предшествующей ступенью внедрения современной вычислительной техники. Электронные вычислительные машины могут применяться лишь к исследованию тех экономических процессов, которые получили математическую формализацию. Это можно подтвердить на примере модели межотраслевого баланса, разработанной советскими экономистами на основе марксовой схемы расширенного воспроизводства.

Сущность балансовой модели состоит в том, что в ней продукция рассматривается, с одной стороны, как результат производства, а с другой — как ресурс для дальнейшего производства. Каждая отдельная отрасль, давая продукцию многим отраслям-потребителям, сама является потребителем продукции многих отраслей-производителей и своей собственной. Получается своего рода шахматная таблица, по строкам которой располагаются отрасли как производители, по столбцам — как потребители с выделением конечного продукта. Математическое описание зависимостей и связей межотраслевого баланса выступает как система линейных алгебраических уравнений:

$$
\begin{aligned}
x_1 &= a_{11}x_1 + a_{12}x_2 + \ldots + a_{1n}x_n + y_1 \\
x_2 &= a_{21}x_1 + a_{22}x_2 + \ldots + a_{2n}x_n + y_2 \\
&\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots \\
x_n &= a_{n1}x_1 + a_{n2}x_2 + \ldots + a_{nn}x_n + y_n
\end{aligned}
$$

или в общем виде:

$$
x_i = \sum_{j=1}^{n} a_{ij} \cdot x_j + y_i,
$$

где x_i — уровень производства i отрасли;
a_{ij} — коэффициенты прямых затрат i отрасли на выпуск единицы валового продукта j отрасли;
y_i — конечный продукт i отрасли.

Данная модель является дальнейшим развитием марксовой схемы расширенного воспроизводства, в которой скалярные (числовые) величины заменены векторами (наборами величин), двухотраслевое деление совокупного общественного продукта — многоотраслевым.

Расчеты межотраслевого баланса требуют большого объема вычислительных работ и могут быть выполнены лишь на электронных вычислительных машинах. Так, например, чтобы рассчитать баланс на 400 отраслей, требуется около ста миллионов операций. С помощью электронных вычислительных машин модель межотраслевого баланса позволяет сделать важнейшие экономические расчеты. Модель устанавливает определенную зависимость между конечным и валовым продуктом. В матричной форме эта зависимость имеет следующий вид:

$$\begin{gathered} X = AX + У \\ X - AX = У \\ X(E-A) = У \\ X = (E-A)^{-1} \cdot У \quad (E-A)^{-1} = B \\ X = B \cdot У, \end{gathered}$$

где A — матрица коэффициентов прямых затрат;
X — вектор объемов производства;
$У$ — вектор конечного продукта.

Коэффициенты матрицы $(E-A)^{-1}$ по своему экономическому содержанию являются коэффициентами полных материальных затрат. Модель $X = B \cdot У$ определяет зависимость, существующую между объемом производства, конечным продуктом и коэффициентами полных затрат на единицу конечного продукта. Это позволяет принципиально по-новому осуществлять разработку народнохозяйственных планов, вести планирование «от конечного продукта». Планирование «от конечного продукта», являясь новым подходом к разработке народнохозяйственных планов, имеет большое методологическое значение, так как исходным пунктом планирования становится объем растущих потребностей трудящихся. Важней-

шим элементом конечного продукта служит фонд потребления, складывающийся из личного потребления трудящихся и материальных затрат непроизводственной сферы (культуры, просвещения, здравоохранения). При расчете конечного продукта необходимо учитывать такие факторы, как рост доходов на душу населения, изменение в составе населения, изменение структуры потребления (повышение удельного веса предметов длительного пользования и культурно-бытового назначения, повышение удельного веса потребления более качественных пищевых продуктов) и т. д.

Модель межотраслевого баланса может быть широко использована для различных расчетов, для глубокого исследования важнейших народнохозяйственных пропорций, соотношений между фондами накопления и потребления и т. д.

В настоящее время разрабатываются такие математические приемы обработки модели межотраслевого баланса, которые позволяют использовать его в оптимальном планировании. По мнению академика В. С. Немчинова, «межотраслевая балансовая модель открывает широкие возможности для решения большого круга экстремальных задач» [1]. При решении задач оптимального планирования модель баланса необходимо дополнить целевой (оптимизируемой) функцией. Оптимизации может подлежать, например, конечный продукт. Обеспечение максимального физического объема конечного продукта заданного ассортимента соответствует экономическим законам социализма, служит их количественным выражением.

Особенностью математического метода является то, что он позволяет исследовать причинные связи в форме функциональной зависимости между экономическими переменными. Количественные связи, существующие в системе производственных отношений, на поверхности выступают как функциональные зависимости. Для определения их формы необходимо применить математические методы.

Понятие функциональной зависимости — одно из основных понятий математики, выражающее зависимость

---

[1] *В. С. Немчинов.* Экономико-математические методы и модели, стр. 282.

одних переменных величин от других. Функция — зависимая переменная. Независимая переменная называется аргументом. Функциональная зависимость между переменными величинами может быть выражена аналитически, графически и таблично. Наиболее удобно аналитическое выражение: $y = f(x)$. Аналитически заданная функция может выражать самые сложные зависимости от нескольких аргументов. Задание функции графиком устанавливает зависимость между двумя или тремя переменными величинами и не более. В экономических явлениях существуют функциональные зависимости между экономическими переменными, причем здесь приходится иметь дело с большим числом переменных. Математика позволяет выразить эту зависимость одним из указанных способов, а затем исследовать тенденцию изменения функции и поведение ее при различных условиях. В. И. Ленин писал, что «понятия порядок, закономерность и т. п. могут быть выражены при известных условиях математически определенным функциональным соотношением» [1].

К. Маркс неоднократно подчеркивал, что существует функциональная зависимость между экономическими переменными. Так, исследуя процесс обращения товаров, К. Маркс устанавливает, что количество денег, необходимое для обращения, является функцией нескольких переменных. При неизменной стоимости денежного товара масса денег в обращении зависит от суммы товарных цен и от скорости оборота денежных единиц. В свою очередь сумма товарных цен является функцией двух независимых переменных. Она зависит от количества товаров, находящихся в обращении, и от величины цен на эти товары. Таким образом, общее количество денег, находящееся в обращении, зависит от трех факторов: движения цен, массы обращающихся товаров и быстроты обращения денег.

Еще отчетливее функциональная зависимость между экономическими переменными видна на примере нормы прибыли. К. Маркс указывал: «Норма прибыли является функцией многих переменных, и, если мы желаем узнать, как влияют эти переменные на норму прибыли, мы должны по порядку исследовать обособленное влияние каждой из них...» [2] Маркс далее математически иссле-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 164.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 67.

дует функциональную зависимость между нормой прибыли и факторами, определяющими ее величину, и делает вывод, что норма прибыли имеет тенденцию к понижению вследствие прогрессирующего повышения органического строения капитала.

При исследовании функциональной зависимости между экономическими переменными встает важная методологическая проблема: каково соотношение функциональной зависимости и причинной связи. Функциональная зависимость не тождественна причинно-следственной связи, так как она выражает поверхностные, часто малосущественные отношения. Определяющей и основной связью является причинная. Она лежит в основе функциональных соотношений и в конечном счете определяет их.

Тот факт, что функциональные связи являются внешними, часто искажающими сущность явления, подтверждают различные примеры из экономической жизни. Так, на поверхности буржуазного общества создается видимость, что стоимость рабочей силы является функцией величины прибавочной стоимости. В действительности же «возрастание или уменьшение прибавочной стоимости всегда является следствием, но никогда не бывает причиной соответственного уменьшения или возрастания стоимости рабочей силы» [1].

Функциональные отношения складываются между переменными в процессе их взаимодействия, поэтому здесь имеет место лишь относительное выражение, изменение одной переменной по отношению к другой. В этой связи функции и аргумент могут меняться местами. Например, в соотношении между валовым продуктом и конечным $X = AX + Y$ в качестве аргумента можно рассматривать конечный продукт, тогда валовой продукт будет его функцией. А можно и наоборот — за аргумент принять валовой продукт, тогда конечный продукт будет его функцией.

Кроме того, функциональная зависимость выражает непосредственную связь, которая часто не является действительной причиной того или иного явления. Так, известно, что цена земли является функцией земельной ренты и растет по мере увеличения ренты. Однако данная

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 531.

функциональная зависимость не вскрывает истинной причины роста цены земли. Действительную причину можно вскрыть лишь в результате глубокого исследования всего существа аграрных отношений.

Все это говорит о том, что математический метод, исследующий функциональную зависимость между экономическими переменными, может дать положительный результат лишь на основе глубокого анализа причинных связей. Задача экономической теории — показать эти причинные отношения, определить, какой из взаимодействующих компонентов экономического процесса является определяющим — причиной, а какой определяемым — следствием.

Своеобразие математического метода состоит также в том, что его применение всегда связано с измерением исследуемого предмета. В. И. Ленин подчеркивал, что математическое понятие функции может выразить точнее зависимость между изучаемыми объектами лишь тогда, «когда достигнута возможность выразить результаты исследования в *измеримых* величинах...»[1]. Без измерения объекта невозможно использование математического метода. Все науки, в которых широкое применение получила математика (механика, физика, химия, астрономия и т. д.), имеют дело с измеримыми объектами. Так, вес тела, давление, температура, энергия, расстояние подвергаются измерению и имеют свои единицы и способы измерения.

Чтобы предметы могли быть измерены и к их исследованию применено математическое исчисление, они должны быть однородны. К. Маркс неоднократно подчеркивал, что количественное исследование объектов возможно лишь при наличии их однородности. «...Различные вещи, — писал К. Маркс, — становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к одному и тому же единству. Только как выражения одного и того же единства они являются одноименными, а следовательно, соизмеримыми величинами»[2]. В. И. Ленин писал, что математическая обработка законов движения материи возможна лишь тогда, когда осуществлен переход к «однородным и простым элементам материи...»[3].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 164.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 58—59.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 326.

Имеется ли такая однородность объектов в экономическом исследовании и возможно ли их измерение?

Буржуазные экономисты считают основой однородности экономических объектов их полезность. Делаются попытки соизмерить полезности различных продуктов труда. Однако полезности — понятия субъективные, и установить прочные количественные соотношения между различными полезностями (полезность товара A в n раз больше полезности товара B), выработать универсальную единицу их измерения невозможно. Поэтому формулы буржуазных экономистов, построенные на соизмерении различных полезностей, лишены реального смысла. Это вынуждены признать и многие буржуазные экономисты. В несоизмеримости субъективных категорий они видят препятствие для применения математики.

Марксистская политическая экономия стоит на позициях объективного понимания экономических явлений, рассматривает труд как основу общественного развития и источник жизни человека. Все произведенные материальные блага выступают как застывший труд, как сгустки труда. Это делает их однородными и соизмеримыми. Вместе с тем марксистская экономическая наука не отрицает возможность и необходимость изучения и измерения полезных эффектов конкретных видов товара. Например, полезный эффект различных видов топлива выступает как их теплотворность, различных продуктов питания — как их калорийность, полезный эффект моторов, турбин сравнивается по их мощности и другим показателям и т. д. Однако такое соизмерение полезных эффектов возможно лишь у однородных взаимозаменяемых продуктов труда, удовлетворяющих одну и ту же потребность.

К. Маркс, рассматривая количественные соотношения между различными объектами, отмечал, что овеществленный в них человеческий труд позволяет выразить их «как одноименные величины, качественно одинаковые и количественно сравнимые» [1].

Этот кристаллизованный труд в различных общественных условиях имеет различную форму проявления. В товарном хозяйстве, в том числе и в социалистическом, все

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 104.

виды труда приводятся к абстрактному труду, а все товары рассматриваются как материализованное выражение общей субстанции — стоимости. Следовательно, однородность результатов труда в товарном хозяйстве состоит в том, что все они имеют стоимость.

В коммунистическом обществе воплощенный в продуктах труд будет выступать и учитываться в своей непосредственной форме, в рабочем времени. Общество сможет просто подсчитать, сколько часов труда заключено в автомашине, тракторе, в тонне пшеницы и т. д. Возникает вопрос о единице измерения экономических величин. Труд, как указывает К. Маркс, имеет имманентную ему единицу измерения. Количественное бытие труда есть рабочее время. Как рабочее время, труд получает свой масштаб в естественных мерах времени, часах, днях, неделях и т. д. Эта внутренняя мера труда в товарном хозяйстве имеет внешнюю форму проявления. В развитом товарном хозяйстве стоимость имеет денежную форму, цену. Для ее измерения устанавливается единица, так называемый масштаб цен.

Однородность товаров, делающая их соизмеримыми, не является их природным свойством, как, например, вес тела, его объем и т. п. Однородность экономических величин отражает общественные отношения производителей. Стоимость, по выражению К. Маркса, является «формой проявления скрытых за ней человеческих отношений».

Этой особенности соизмерения экономических величин не могли понять представители буржуазной политэкономии, воспринимавшие общественные свойства продуктов труда как природные. К. Маркс писал: «...равенство стоимости одной тонны железа и двух унций золота воспринимается совершенно так же, как тот факт, что фунт золота и фунт железа имеют одинаковый вес, несмотря на различие физических и химических свойств этих тел»[1].

Все дело в том, что экономические отношения всегда связаны с вещами. В условиях господства частной собственности на средства производства отношения между людьми скрыты за движением вещей, проявляются как вещи, а общественные свойства вещей представ-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 84—85.

ляются как природные. Здесь господствует товарный фетишизм.

В социалистическом хозяйстве отношения между людьми также опосредованы движением вещей. Но с ликвидацией частной собственности на средства производства общество сбросило с себя «мистическое, туманное покрывало», взяв под свой сознательный планомерный контроль общественное производство. Хотя и при социализме содержание производственных отношений проявляется через определенную форму, но эта форма не служит маскировкой производственных отношений, не извращает их сущность.

Таким образом, при соизмерении экономических величин и применении к ним математики нужно за движением вещей видеть отношение между людьми. Все математические формулы и модели, применяемые в экономических исследованиях, нужно рассматривать как способ выражения производственных отношений.

Кроме того, количественное сравнение экономических величин и установление математической зависимости между ними возможно только на основе трудового измерения, так как их однородность обусловлена трудом. В связи с этим встает важнейшая задача совершенствования системы экономических измерителей, и прежде всего единицы измерения. Как уже указывалось, в товарном хозяйстве единицей измерения овеществленного труда служит денежная единица. Успешное применение математических методов и электронно-вычислительной техники в руководстве народным хозяйством возможно лишь при наличии единого измерителя экономических величин.

Это требует коренного улучшения системы ценообразования. Существующий в настоящее время разнобой в ценах на различные товары приводит к тому, что рубль в виде средств производства выражает одно количество общественного труда, а рубль в предметах потребления — другое. Рубль в виде средств производства по реальному трудовому содержанию больше рубля в виде предметов потребления, поскольку в первом случае цены в среднем ниже стоимости, во втором — выше. Данное несоответствие будет ликвидировано лишь тогда, когда цены будут установлены по единому принципу. В основу цен должны быть положены общественно необходимые

затраты труда. Задача приближения цен к общественно необходимым затратам труда поставлена Программой КПСС как одна из важнейших задач периода развернутого строительства коммунизма.

Границы применения математического метода в экономических исследованиях

Широкое использование математического метода в экономических исследованиях выдвигает в качестве одной из важнейших методологических проблем задачу определения реальных границ тех областей, в пределах которых математические формулы правильно отражают действительные экономические процессы. Дело в том, что экономическая реальность значительно шире, богаче, сложнее математического аппарата. Многие экономические процессы невозможно выразить математически. Математические формулы не могут отразить все многообразие экономической жизни. С другой стороны, математика располагает таким развитым и сложным аппаратом, что многие ее понятия и операции не могут найти применения в экономических исследованиях. Создается возможность отрыва математических формул от реальной действительности, возможность абсолютизации математических моделей и забвения экономической теории.

В связи с этим важнейшим условием применения математического метода должно стать требование предварительного глубокого качественного анализа экономических процессов, в ходе которого выявляется, какие экономические факторы и связи могут быть выражены математическими формулами, какие причинные зависимости могут быть представлены в форме функциональных отношений. Качественный анализ должен показать также, какие математические величины не имеют реального экономического содержания, а потому не могут иметь практической ценности, где границы, за которыми математические уравнения теряют экономический смысл. Качественный анализ, являясь первой ступенью познания действительности, служит фундаментом применения математического метода.

Глубокий качественный анализ необходим во всех науках, применяющих математику как метод познания, так как математика рассматривает количественные взаимосвязи, взятые отвлеченно от их содержания. Содержание же рассматриваемых процессов при этом не имеет существенного значения, оно скрыто количественными отношениями, формулами. Одни и те же уравнения могут описывать совершенно различные явления. Например, такие различные физические явления, как качка корабля и движение небесных тел, описываются одинаковыми формулами. Глубокий качественный анализ тем более необходим в экономической науке в связи с своеобразным характером материала, с которым она имеет дело. Величины, которыми она оперирует, — это величины особого рода, имеющие социальный смысл, за количественными взаимосвязями и отношениями скрываются отношения между людьми, между классами. Политическая экономия — партийная наука. Здесь научные исследования встречаются, по выражению К. Маркса, с такими врагами, как фурии частного интереса. Умаление качественного анализа таит в себе опасность проникновения чуждой идеологии.

Необходимость предварительного глубокого качественного анализа диктуется и тем, что в экономической области взаимосвязи и зависимости значительно сложнее и подвижнее, чем в природе. Изменение экономических явлений происходит как при переходе от одной общественно-экономической формации к другой, так и в рамках данной формации. Кроме того, экономические процессы находятся под сильным воздействием внеэкономических факторов.

Недооценка качественного анализа в экономических исследованиях ведет либо к трансформации качества, подмене одного качества другим, либо к оперированию бессодержательными формулами, в результате чего материя исчезает, остаются одни уравнения.

Недооценка качественного анализа — характерная черта всей буржуазной политэкономии. Даже классики буржуазной политэкономии А. Смит, Д. Рикардо интересовались преимущественно количественной стороной капиталистического производства. Преувеличение роли количественного анализа особенно ярко проявилось у представителей математической школы, возникшей в

буржуазной политической экономии в конце XIX века. Главной особенностью методологии этой школы явилось преувеличение роли математического метода, который рассматривался ею как основной метод исследования, способный совершить переворот в экономической науке, вывести ее из донаучного состояния в научное.

Представители математической школы извращали сущность политэкономии, выхолащивали из нее все, что связано с социальными отношениями. Они старались изобразить экономическую действительность в виде однообразных процессов, различающихся лишь количественными показателями, а политическую экономию пытались превратить в один из разделов математики. Они целиком отказались от выяснения внутреннего существа экономических процессов и категорий. Так, цену они определяли не как денежное выражение стоимости, а как дробь, в числителе и знаменателе которой физические предметы. Это отношение двух благ. Предложение товаров они рассматривали как произведение спроса на цену. Математическая обработка таких понятий приводила их к абсурдным выводам. Как указывал И. Г. Блюмин, основной порок математической школы заключается в установлении неправильного соотношения между качественным и количественным анализом. Примат количественного анализа является одним из источников их методологических ошибок [1].

В настоящее время математика занимает большое место в работах по эконометрике. Буржуазные экономисты восхваляют эконометрику за то, что она якобы освобождает наконец экономическую науку от пагубного влияния политических страстей и превращает ее в такую же объективную науку, как, например, физика. Эконометрики преувеличивают роль и значение математики, пытаясь за математическими формулами скрыть убожество внутреннего содержания, придать «научный» вид старым вульгарным теориям. Преувеличение роли количественного анализа и умаление качественного выражаются в том, что, во-первых, они либо отождествляют функциональную зависимость с причинно-следственной связью, либо совсем отрицают последнюю. Экономет-

[1] См. *И. Г. Блюмин.* Критика буржуазной политической экономии, т. I. Изд. АН СССР, 1962, стр. 468.

рики предлагают отказаться от понятия причинности, считая его пустым и бессодержательным, заняться лишь изучением функциональных отношений. Но, как уже указывалось, функциональные отношения — это внешние, видимые связи. Их анализ не дает полного представления о природе того или иного экономического явления. Во-вторых, преувеличение роли математического метода проявляется в абсолютизации математической модели, в утверждении, будто математическая модель способна изменить социальную природу экономических процессов. В настоящее время среди эконометриков широкое распространение получила идея, что с помощью математического программирования возможно перспективное планирование капиталистической экономики. Они пытаются доказать, что планирование народного хозяйства возможно и в условиях господства капиталистической собственности на средства производства, достаточно лишь разработать «программирующую модель». Математическая модель народного хозяйства должна «подсказать», как будет развиваться капиталистическое производство, какие условия необходимы для обеспечения высоких темпов роста. В действительности применение математических методов само по себе не может превратить стихийное, анархическое капиталистическое хозяйство в плановое. Для этого нужна социальная революция.

Элементы переоценки количественного анализа и математического метода можно встретить и в советской литературе. В последнее время появились призывы заменять качественный анализ количественным. Это означало бы односторонее исследование действительности. Как уже указывалось, экономические процессы выступают как единство качественной и количественной определенности, поэтому качественный и количественный анализы должны быть неразрывны, едины. Примером преувеличения роли математических методов может служить концепция Л. В. Канторовича, согласно которой объективно обусловленные оценки рассматриваются как категории, тождественные общественно необходимым затратам труда. На несостоятельность этого утверждения неоднократно указывалось в нашей экономической литературе. Объективно обусловленные оценки, представляющие собой предельные величины, ориентируют на худшие усло-

вия производства и подвержены резким колебаниям при изменении спроса и предложения на изготовляемую продукцию. Причина ошибочного вывода Л. В. Канторовича кроется в преувеличении им силы математического метода линейного программирования. Это проявлялось в том, что, во-первых, автор не исследует внутренней природы экономических категорий, а в основу анализа кладет математическую модель. Исследование ведется от готовой математической модели к экономической действительности, а вспомогательным показателям, полученным при решении задачи линейного программирования, придается несвойственный им социально-экономический смысл. Экономические категории общественно необходимых затрат труда, цены рассматриваются им не с точки зрения внутреннего содержания, а с точки зрения решения экстремальной задачи. Во-вторых, автор неправомерно расширяет область математической модели с микроанализа на макроанализ. Тем самым снимается разница между использованием математических моделей для анализа экономики отдельных предприятий и всего народного хозяйства в целом.

Как известно, Л. В. Канторовичу принадлежит открытие линейного программирования, которое в настоящее время широко применяется как в нашей стране, так и за рубежом при решении многих экономических задач. Впервые этот метод был разработан автором в 30-е годы применительно к оптимальному раскрою листового материала. Затем Л. В. Канторович применил модель разрешающих множителей к оптимальному распределению различного вида работ между отдельными станками. В дальнейшем в работе «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов» эта модель была использована в расчетах относительно всего народного хозяйства. Однако тождество математических моделей не делает тождественными реальные экономические процессы. С распространением математической модели на все народное хозяйство в целом вспомогательным параметрам, объективно обусловленным оценкам придается социальный смысл, экономическое содержание, которого они в действительности не имеют. Кроме того, концепция Л.В. Канторовича противоречива. В первой части работы утверждается, что объективно обусловленные оценки не совпадают с общественно необходимыми затратами тру-

да и что труд является единственным источником стоимости. Автор считает, что объективно обусловленные оценки совпадают с общественно необходимыми затратами труда лишь в исключительном случае, «когда единственным существенно переменным фактором является труд». Следовательно, во всех других случаях оценки отличаются от общественно необходимых затрат труда. Оценки других факторов «надо рассматривать лишь как средство оптимального распределения труда... для сопоставления затрат труда, производимых в различных условиях. Таким образом, эти факторы ни в какой мере не могут быть самостоятельными источниками стоимости».

Далее предполагается, что объективные оценки тождественны общественно необходимым затратам, и утверждается, что цены «должны приближаться к о. о. оценкам»[1]. В качестве базы цен берется сумма оценок факторов. Оценки факторов (природных источников, оборудования, материалов, различного рода услуг и т. д.) рассматриваются как самостоятельный источник стоимости.

Данные выводы Л. В. Канторовича явились результатом недооценки качественного анализа, непонимания исходных категорий марксистско-ленинской политической экономии. Л. В. Канторович постоянно подчеркивает, что система объективно обусловленных оценок находится в полном соответствии с марксистской трудовой теорией стоимости, но при этом основные категории ее трактуются упрощенно. Так, общественно необходимые затраты труда в марксистской теории стоимости автор трактует как средние арифметические, а формирование их — как переливание стоимости внутри отрасли из менее благоприятных условий в более благоприятные[2]. В действительности общественно необходимые затраты труда — категория более сложная, и определить их путем простого суммирования индивидуальных затрат и деления на общую массу изготовляемой продукции невозможно. Кроме того, никакого переливания стоимости из худших условий в лучшие внутри отрасли не происходит, а более

---

[1] *Л. В. Канторович.* Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. Изд. АН СССР, 1960, стр. 88, 129, 155.

[2] См. там же, стр. 124, 125.

производительный труд при лучших условиях создаёт бо́льшую общественную стоимость, хотя индивидуальные затраты здесь значительно ниже.

Все это свидетельствует о том, что умаление роли качественного анализа чревато отрицательными последствиями. Глубокая и всесторонняя разработка экономической теории служит залогом успешного использования математики и электронных вычислительных машин. Задача экономической науки состоит в дальнейшей всесторонней разработке актуальных вопросов экономической теории, так как математические методы могут быть применены лишь на прочной научной основе глубоких теоретических исследований, всестороннего качественного анализа.

В. А. Сластененко

К ВОПРОСУ ОБ ИСХОДНОМ ОТНОШЕНИИ В СИСТЕМЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА

О методе политической экономии

Используя диалектико-материалистический метод восхождения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному, К. Маркс создал стройную систему взаимосвязанных категорий политической экономии капитализма.

Но есть ли такая же система категорий применительно к социализму? Ответ на этот вопрос может быть только один: разработанной во всех деталях логики социалистического способа производства наши экономисты еще не дали, системы субординированных категорий политической экономии социализма, выведенных из самой жизни, пока нет.

Среди советских экономистов нет двух мнений насчет того, что необходимо разработать логику социалистического способа производства. Мнения расходятся тогда, когда говорят о методологических принципах, которые должны быть взяты за основу при раскрытии логики социалистического способа производства, об исходном отношении в системе категорий политической экономии социализма. Это показала развернувшаяся в последнее время дискуссия по вопросам научной логики политической экономии социализма.

Одни экономисты считают логику «Капитала» К. Маркса неприменимой к изучению социалистического способа производства на том основании, что социализм возникает путем революционной смены капиталистической собственности общественной социалистической, что он имеет такие специфические особенности, которые требуют другого метода исследования. Л. М. Га-

товский, например, полагает, что в отличие от капитализма социализм возникает сразу как сложное целое и поэтому к нему нельзя применить метод исследования от простого к сложному. Он пишет: «Социализм рождается путем революционной замены частной собственности общественной собственностью, которая объединяет народное хозяйство. Вот почему теоретический анализ социалистического способа производства необходимо начинать с общей характеристики его как целого...» [1]

Такого же мнения придерживается и М. П. Саков, который пишет, что «исторический процесс замены капитализма социализмом представляет собой революционный переход от общественно развитого производства в его частнособственнической, капиталистической форме к непосредственно общественному производству в его исходной социалистической форме. Здесь нет того движения от простого к сложному, которое было характерно для становления капитализма. А это означает, что логическая система категорий социализма не может быть развита из какого-либо элементарного экономического отношения (экономической клеточки) по принципу движения от простого, единичного к сложному, всеобщему» [2].

Выступая против применения метода К. Маркса к анализу социализма, академик К. В. Островитянов пишет: «Не от клеточки к организму в целом, а от общей характеристики организма в целом к анализу его отдельных существенных сторон — таков путь анализа закономерностей социализма в противоположность капитализму». Те экономисты, которые предлагают использовать логику «Капитала» при создании системы категорий политической экономии социализма, по мнению академика К. В. Островитянова, «тянут экономическую науку назад, к периоду ее зарождения» [3].

С такой постановкой вопроса мы не можем согласиться. Утверждения авторов о том, будто бы при социализме нет движения от простого к сложному, будто социалистический способ производства в отличие от капитализма

---

[1] «Вопросы экономики» № 6, 1962, стр. 138.
[2] «Политическое самообразование» № 9, 1962, стр. 30—31.
[3] «Вопросы экономики» № 1, 1963, стр. 111.

возникает сразу как сложное целое, на наш взгляд, слабо аргументированы. Хорошо известно, что социализм в готовом виде не может возникнуть в недрах капитализма, но он и не появляется сразу же в готовом виде после свершения социалистической революции, которая является лишь началом и решающим условием строительства социализма. После захвата государственной власти перед рабочим классом встает задача социалистического обобществления основных средств производства в соответствии с программным требованием марксистско-ленинских партий, сформулированным К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в «Манифесте Коммунистической партии».

Наряду с основными средствами производства социалистическое государство овладевает командными высотами экономики в сфере обращения: банками, внешней торговлей, крупной оптовой торговлей. Наконец, хозяйства мелких товаропроизводителей постепенно преобразуются в социалистические посредством кооперирования.

Процесс социалистического обобществления основных средств производства включает в себя не только передачу их в руки народа, но и организацию обобществленных предприятий на социалистических началах, уничтожение старых, зарождение и развитие новых производственных отношений. Эта задача требует времени и большой творческой созидательной работы. В. И. Ленин в тот период писал: «Долой старые общественные связи, старые экономические отношения, старую «свободу» *(подчиненного капиталу)* труда ...»[1] Вместе с тем В. И. Ленин указывал, что «столь же неизбежно выдвигается — и чем дальше, тем больше — более существенная задача положительного коммунистического строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества»[2]. Говоря о социалистических преобразованиях и отмечая имевшийся разрыв во времени между принятыми декретами и осуществлением их на деле, В. И. Ленин подчеркивал: «Сначала реально провести в жизнь простейшее, организовать хорошенько наличное, — а затем уже подготовлять более сложное»[3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 108.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 13.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 182—183.

Эти положения В. И. Ленина имеют очень важное методологическое значение. Они убедительно показывают, что производственные отношения социализма не возникают сразу в их высшей форме, что действительный процесс их складывания идет как постепенное движение от менее сложных к более сложным отношениям. Возникновение и развитие социализма, как и других способов производства, носит глубоко закономерный характер и идет от простого к сложному в соответствии со всеобщим законом развития природы и общества. Об этом свидетельствует история развития советской страны, где постоянно развивающиеся производительные силы с необходимостью диктуют дальнейшее совершенствование производственных отношений, которые становятся все более сложными. В этом легко убедиться, если сравнить нынешний уровень развития производственных отношений с тем, который был в первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Следовательно, социалистические производственные отношения необходимо изучать в их развитии.

Таким образом, исследование социализма должно вестись в соответствии с принципом движения от простого к сложному, который был разработан и подтвержден на практике К. Марксом. Обосновывая свой метод, К. Маркс писал: «Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население — это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д... Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, нако-

нец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями»[1]. Сторонники разбираемой нами позиции предлагают именно тот путь, который был отвергнут К. Марксом как неприемлемый.

По мнению других экономистов, при рассмотрении производственных отношений социализма не только возможно, но и необходимо взять за основу логику «Капитала» К. Маркса, творчески применив его диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному.

Н. А. Цаголов и другие экономисты резонно указывают на то, что логика «Капитала» К. Маркса является образцом изложения политической экономии способа производства в целом, что в «Капитале» дана общая, свойственная любой формации методологическая основа политической экономии. Они предлагают положить в основу исследования социалистических производственных отношений принципы методологии К. Маркса, выделив в качестве исходного наиболее общее, простейшее отношение.

Такой подход к решению проблемы исследования социализма в принципе представляется правомерным. В самом деле, марксистско-ленинская методология требует рассмотрения явлений в их возникновении, развитии и изменении, исходит из того, что та или иная научная абстракция получает свое наиболее полное обоснование только в том случае, если она опирается на конкретный исторический материал, обобщает его, выражает сущность исторического развития. Приведем высказывание Ф. Энгельса о недопустимости противопоставления исторического и логического: «С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме...»[2] Это марксистское положение имеет всеобщее значение и должно применяться к исследованию любого способа производства, в том числе и социализма.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 726.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 497.

Неразрывная связь логического и исторического в исследовании, движение от простого к сложному позволяют создать логически выдержанную систему категорий политической экономии социализма, установить соподчиненность между ними, построить систему категорий таким образом, чтобы каждая последующая категория включала в себя предыдущие и являлась в то же время ее развитием. При этом каждая категория представляла бы собой логическое обобщение исторического процесса. В статье «К вопросу о диалектике» В. И. Ленин писал: «У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное... *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *все* противоречия... современного общества»[1]. Дальше В. И. Ленин делает важный методологический вывод: «Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)»[2].

О существующих точках зрения по вопросу об исходном отношении

Применение метода К. Маркса к анализу социализма закономерно ставит вопрос о необходимости выделения исходного отношения в системе категорий политической экономии социализма.

Для того чтобы подойти к анализу социалистических производственных отношений, необходимо прежде всего определить исходный пункт в системе категорий политической экономии социализма. При этом надо исходить, по словам Ф. Энгельса, «из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим»[3]. Известно, что у Маркса при анализе капитализма таким исходным отношением выступает товар, ибо здесь товар-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.
[2] Там же.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 497.

ные отношения становятся всеобщей формой отношений, когда и рабочая сила становится товаром. В этих условиях товарные отношения выражают отношения разобщенности производителей, отношения эксплуатации труда капиталом.

Можно ли в условиях социализма выделить такое исходное производственное отношение? Многие экономисты считают это возможным, но на вопрос о том, какое именно отношение следует взять за исходное, дают разные ответы. Одна группа экономистов в качестве исходного отношения выдвигает отношение планомерности. Например, Н. А. Цаголов пишет: «Познание любой общественно-экономической формации требует выделения наиболее общей категории, которая вместе с тем является формой движения всех производственных отношений, и при изложении курса политической экономии данной формации она должна быть на первом месте. При социализме такой формой движения служит планомерность» [1]. По мнению Н. А. Цаголова, отношение планомерности в социалистическом обществе «выступает как простейшая, наиболее абстрактная категория, на которой покоится вся система соподчиненных категорий политической экономии социализма» [2]. Эту же позицию разделяют и некоторые другие авторы [3].

Вторая группа экономистов предлагает начинать анализ производственных отношений социализма с характеристики социалистической собственности как исходного отношения. Так, академик К. В. Островитянов, вступая в некоторое противоречие с изложенной выше позицией, когда он отрицал наличие исходной категории, пишет: «Анализ социалистического способа производства должен, естественно, начинаться с исходной и определяющей категории — общественной собственности на средства производства...» [4] Такого же мнения придерживаются М. Атлас, И. Злобин, Л. Кадышев, В. Щербаков, которые пишут: «Анализ производствен-

---

[1] «Вопросы экономики» № 6, 1962, стр. 85.

[2] *Н. А. Цаголов.* Актуальные вопросы методологии политической экономии (тезисы доклада), стр. 10.

[3] См. «Вопросы экономики» № 6, 1962, стр. 68—69; «Вопросы экономики» № 3, 1964, стр. 95—96; «Вопросы экономики» № 7, 1964, стр. 125.

[4] «Вопросы экономики» № 9, 1964, стр. 114.

ных отношений социализма в их взаимодействии с производительными силами надо начинать с основного производственного отношения — социалистической собственности на средства производства»[1].

Как первая, так и вторая позиция вызывает серьезные возражения. Прежде всего нельзя признать правильным выдвижение планомерности в качестве исходного пункта при изложении системы производственных отношений социализма хотя бы потому, что отношение планомерности возникает только в результате ликвидации раздробленного товарного производства, объединения отдельных предприятий и отраслей хозяйства в единое целое, позволяющих осуществлять планомерное руководство народным хозяйством. Значит, прежде чем появилось и начало действовать отношение планомерности, уже существовали другие отношения, которые создали реальные предпосылки для осуществления планомерного руководства экономикой. Таким образом, планомерность является не исходным, а производным отношением. Она, как известно, представляет собой общую форму реализации всей совокупности социалистических производственных отношений и общую форму действия всех экономических законов социализма. И только благодаря этому планомерность получает реальное содержание.

Нельзя согласиться и с утверждением сторонников первой позиции о том, что планомерность — это «экономическая клеточка», наиболее простая, всеобщая экономическая категория социализма. Из всего сказанного о планомерности не вызывает сомнений только то, что она является всеобщей категорией. Признание планомерности наиболее простой категорией является неправильным, так как это совсем не простая, а весьма сложная категория, требующая серьезной научной разработки. Признать планомерность элементарной экономической категорией — это означало бы искусственно обеднить ее по сравнению с тем разносторонним и богатым содержанием, которое она имеет в практической жизни.

Было бы также неправильным начинать изложение политической экономии социализма с характеристики общественной собственности, а тем более объявлять ее

[1] «Вопросы экономики» № 7, 1964, стр. 114.

независимым, самостоятельным производственным отношением. У К. Маркса в «Капитале», как известно, нет специальной главы о капиталистической собственности. К. Маркс решительно выступал против тех экономистов, которые рассматривали собственность как самостоятельное производственное отношение. Критикуя Прудона, К. Маркс писал: «Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории ... значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию». И здесь же он делает очень важное замечание: «...определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства» [1].

Поэтому классики марксизма-ленинизма, выявляя содержание капиталистического способа производства, исследуют отношение между наемным трудом и капиталом, отношение прибавочной стоимости, а не отношение собственности. В «Капитале» К. Маркс дает блестящий образец описания капиталистической формы собственности. Он вскрывает истинную сущность этой собственности во всех ее проявлениях не в какой-то отдельной главе, а в ходе рассмотрения всей системы производственных отношений капитализма. Этим К. Маркс показал, что отношения собственности не могут иметь иного выражения, кроме разнообразных отношений людей в процессе производства, что произвольно разрывать эти отношения нельзя. «В действительном мире... разделение труда и все прочие категории г-на Прудона, — пишет К. Маркс, — суть общественные отношения, которые в совокупности образуют то, что в настоящее время называют *собственностью;* вне этих отношений буржуазная собственность есть не что иное, как... иллюзия» [2].

Возвращаясь к критике взглядов Прудона на отношения собственности, К. Маркс в письме к И. Б. Швейцеру ясно, четко и недвусмысленно указывает, что ответить на вопрос о том, что такое отношения собственности, можно «только критическим анализом *«политической экономии»,* охватывающей совокупность

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 168.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 406.

этих *отношений собственности* не в их *юридическом* выражении как *волевых отношений,* а в их реальной форме, то есть как *производственных отношений»* [1]. Это принципиальное указание К. Маркса относится к анализу всех известных форм собственности.

Следовательно, отношения собственности представляют собой всю совокупность производственных отношений. И это верно как для капиталистического, так и для социалистического способа производства. Поэтому определять собственность как особое и, более того, как исходное производственное отношение социализма неправомерно.

Как же подойти к решению проблемы об исходном отношении в системе категорий политической экономии социализма? Необходимо придерживаться метода, которым пользовался К. Маркс. Прежде чем выдвинуть товар в качестве исходной категории системы капиталистических производственных отношений, К. Маркс вскрыл основное производственное отношение капитализма, исследовал процесс его развития от низшей стадии к высшей. Только после этого он выделил категорию товара как исходное отношение капитализма, как элементарное отношение, из которого исторически развилось отношение эксплуатации. Тот же метод надо применить и при исследовании политической экономии социализма, ибо и здесь решающее значение для выявления исходного отношения имеет разработка вопроса об основном производственном отношении социализма.

Некоторые экономисты при решении этой проблемы поступают просто: берут общенародную собственность на средства производства и объявляют ее основным производственным отношением. Так поступает, например, Я. Кронрод [2]. Но такой подход не дает положительного решения вопроса, поскольку исходный пункт исследования провозглашается и конечным пунктом. Бесплодие этой позиции состоит в том, что в данном случае основным отношением, которое еще надо выделить из совокупности отношений, провозглашается как раз вся эта совокупность производственных отношений. Эта

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 26.

[2] См. «Вопросы экономики» № 4, 1962, стр. 105.

позиция не дает возможности вскрыть систему категорий политической экономии социализма, все элементы которой находились бы во внутренней взаимосвязи и взаимозависимости.

Во всей совокупности социалистических производственных отношений, по нашему мнению, основным является отношение между равноправными коллективными собственниками, объединенными в производстве общей собственностью и единой целью, успешное осуществление которой возможно только при условии дружной, сплоченной работы, иными словами, на пути товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. Следовательно, общественная собственность на средства производства реализуется в отношении товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи объединенных производителей как в основном производственном отношении социализма.

Это определение принадлежит классикам марксизма-ленинизма, которые неоднократно подчеркивали товарищеский характер связей между людьми, взаимопомощь и сотрудничество между ними как главное, что характеризует взаимоотношения людей в процессе социалистического производства. Они называли социализм обществом ассоциированных производителей, организованным на началах товарищества. Это определение нашло отражение в важнейших документах партии.

Отношение товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи как основное отношение в решающей сфере человеческой деятельности — сфере производства материальных благ определяет весь характер отношений между членами общества и поэтому становится также нормой морали. Но было бы неправильно сводить отношение товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи только к нормам морали, как это делают некоторые авторы. Так, Я. А. Кронрод считает, что «сотрудничество», «взаимопомощь» не являются экономическими категориями, а носят скорее морально-этические черты, свойственные различным формам общественных отношений[1]. Отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи — это не субъективные определения,

[1] См. «Вопросы экономики» № 4, 1962, стр. 103.

не «используемая для целей пропаганды метафора, обращенная к чувствам людей»[1], как утверждает Я. А. Кронрод, а объективно существующие производственные отношения людей.

Вопрос об основном производственном отношении является коренным вопросом политической экономии. Его правильное решение имеет важнейшее значение для развития политической экономии социализма.

Место отношения коллективности в системе производственных отношений социализма

Поскольку идея основного производственного отношения социализма как отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи приобретает права гражданства и постепенно получает признание среди экономистов, то следующим шагом на этом пути должно быть выделение того исходного отношения, на базе которого исторически возникло и развилось основное производственное отношение. Проблема заключается в том, чтобы выделить такое экономическое отношение, которое было бы связано со всеми остальными отношениями, отражало бы тип социалистического способа производства и содержало бы в зародыше его основные черты. Таким экономическим отношением, по нашему мнению, могло бы явиться отношение коллективности как элементарная и исходная ступень развития основного производственного отношения социализма. Данное положение выдвигается в качестве одного из возможных подходов к решению этой проблемы.

Экономические категории, как известно, являются теоретическим выражением реальных экономических, общественно-производственных отношений. Каждому способу производства присущи свои особые категории. Характер категорий, которые свойственны различным способам производства, не остается неизменным. Он изменяется в зависимости от способа производства, для выражения отношений которого служат эти категории. Взаимосвязь экономических категорий отражает вза-

[1] *Я. А. Кронрод.* О противоречиях в развитии социалистической экономики и путях их разрешения («Вопросы строительства коммунизма в СССР». Изд. АН СССР, 1959, стр. 253).

имосвязь производственных отношений каждого данного способа производства. В разряд категорий политической экономии социализма до сих пор не попала такая важная категория, как категория социалистического коллектива. Это тем более удивительно, что классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что социалистическое производство — это коллективное производство. К. Маркс, характеризуя социалистическую экономику, называет ее «коллективным производством» и рассматривает коллективность как основу социалистического производства [1].

Классики марксизма-ленинизма дали ряд гениальных указаний о характере коллективного производства на различных стадиях развития человеческого общества. Так, говоря о первобытнообщинном способе производства, К. Маркс писал: «Первой предпосылкой первой формы... земельной собственности является прежде всего естественно сложившийся коллектив» [2]. Когда же возникает частная собственность, то присваивается не только земля, но и сам человек как ее органическая принадлежность и одно из условий производства. Таким путем возникает рабство и крепостная зависимость. На смену коллективистским отношениям приходят отношения господства и подчинения. В условиях капитализма К. Маркс не допускает и мысли о существовании коллектива. Он пишет: «Истории по крайней мере неизвестно ничего похожего на глупейшие побасенки насчет того, что капиталист и рабочий образуют ассоциацию...» [3]

Поэтому неправильно утверждать, что производственные коллективы зародились в недрах антагонистических обществ, как об этом пишут некоторые авторы [4]. Однако следует указать, что по мере развития капитализма и обострения классовых противоречий у рабочих начинают вырабатываться и все более крепнуть навыки коллективных действий в борьбе против эксплуатации, которые выливаются затем в решительные революционные выступления.

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 117.

[2] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 5.

[3] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 42.

[4] См. «Вопросы философии» № 10, 1963, стр. 41.

Коммунистическая партия начинает свою работу по собиранию революционных сил на капиталистических предприятиях, в среде рабочего класса. В повседневной борьбе против капиталистов она вооружает рабочий класс научными знаниями о революции, выработанными великими творцами теории научного коммунизма, воспитывает у него чувство солидарности, коллективизма и взаимопомощи в революционной борьбе, ибо социализм в отличие от всех предшествующих формаций складывается не стихийно, а в результате сознательной деятельности народных масс. Это позволяет рабочему классу не только успешно осуществить захват политической власти, но и, по образному выражению В. И. Ленина, «научиться управлять Россией».

Первым шагом в этом направлении было установление в ходе социалистической революции рабочего контроля над производством. Насколько это было важно, говорит тот факт, что буквально на другой день после взятия власти пролетариатом В. И. Ленин пишет «Проект положения о рабочем контроле», который тут же обсуждается на совещании в Центральном совете фабзавкомов Петрограда и принимается. Вскоре рабочий контроль вводится декретом Советской власти на всех промышленных, торговых, банковских и прочих предприятиях. Его осуществляли рабочие коллективы, создавая для этой цели заводские и фабричные комитеты, советы старост, советы рабочего контроля и т. п. Решения органов рабочего контроля были обязательны для владельцев предприятий. Рабочие коллективы, участвуя в проведении контроля, сыграли большую роль в поддержании производства в самый трудный, начальный период социалистической революции, проходили школу управления предприятиями, готовились к национализации промышленности, овладению экономическими командными высотами. В. И. Ленин на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов говорил: «Мы считаем самым важным и ценным то, что за это управление (промышленностью. — *В. С.*) взялись сами рабочие, что от рабочего контроля... мы подошли к рабочему управлению промышленностью в общенациональном масштабе» [1].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 140.

Это имело решающее значение для появления и развития в рабочих коллективах зачатков новых общественных отношений, позволивших в дальнейшем перейти к очередным этапам экономических преобразований. Уже в этот период, даже при наличии на предприятиях капиталистов, действия которых были ограничены рабочим контролем, начинается процесс складывания социалистического производственного коллектива, а внутри него возникают отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи. Разумеется, они не возникают сразу в развитом виде. «Вводя рабочий контроль... — писал В. И. Ленин, — мы хотели показать, что признаем только один путь — преобразований снизу, чтобы рабочие сами выработали снизу новые основы экономических условий. На эту выработку потребуется не мало времени»[1]. В. И. Ленин показывает, как в действительности шел процесс становления социалистических производственных отношений, какую роль в этом сыграли рабочие коллективы, рабочий класс в целом.

В. И. Ленин придавал огромное значение налаживанию новых отношений между людьми, особенно развитию и укреплению отношений товарищеского сотрудничества не только между рабочими, но также между специалистами и рабочими в условиях производства на основе общественной собственности. IX съезд партии по предложению В. И. Ленина записал в резолюции: «...съезд... вменяет партийным работникам в обязанность стремиться к установлению атмосферы товарищеского сотрудничества рабочих и техников-специалистов...»[2]

В. И. Ленин вновь возвращается к этому вопросу при написании проекта постановления Центрального Комитета партии о профсоюзах, где, указывая на необходимость привлечения специалистов к делу строительства социализма, подчеркивает важность создания условий, чтобы им «как особой социальной прослойке, которая останется особой прослойкой впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества, жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении и материальном и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестья-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 274.

[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. Госполитиздат, 1954, стр. 485.

нами...»[1]. Написанный В. И. Лениным проект был утвержден вначале Политбюро ЦК, а затем XI съездом партии.

Все эти важные вопросы возникновения и развития новых производственных отношений постепенно решались в ходе проведения национализации и обобществления производства на деле. Нельзя представлять себе дело таким образом, что национализация была проведена сразу, одним ударом. Для того чтобы осуществить национализацию средств производства, нужно было предварительно провести огромную работу и главным образом подготовить к этому широкие массы трудящихся, развить у них воспитанные общей борьбой против капитала навыки коллективизма, использовать эти навыки для установления нового отношения — отношения коллективности и товарищества в процессе производства. Поэтому национализация проводилась постепенно, по мере создания необходимых предпосылок к этому. «Мы не декретировали сразу социализма во всей нашей промышленности, — говорил В. И. Ленин, — потому что социализм может сложиться и упрочиться только тогда, когда рабочий класс научится управлять, когда упрочится авторитет рабочих масс. Без этого социализм есть только пожелание»[2].

Вот один из примеров того, как это делалось практически. В мае 1918 года в Москве собралась конференция представителей металлообрабатывающих предприятий для обсуждения вопросов, связанных с национализацией крупнейших заводов (Сормовского, Коломенского, Брянского, Златоустовского и др.). Она приняла резолюцию о национализации металлообрабатывающих заводов и обратилась к В. И. Ленину с просьбой издать соответствующий декрет. В письме на имя конференции В. И. Ленин писал: «Выслушав сообщение товарищей, избранных рабочей делегацией на конференции крупнейших металлообрабатывающих заводов, и имея в виду резолюцию конференции, я могу сказать, что в Совете Народных Комиссаров, наверное, по моему мнению, будет единодушие в *пользу* немедленной национализации, если конференция со всей

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 351.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 139.

энергией возьмется за обеспечение планомерной, стройной организованности работ и повышение их производительности»[1].

Следовательно, проблема заключалась не в том, чтобы издать декрет о национализации завода или фабрики, а в том, чтобы обеспечить планомерную работу отобранных у буржуазии предприятий, осуществить строжайший учет и контроль над производством и распределением продуктов, повысить производительность труда, то есть овладеть предприятиями фактически. Эту сторону дела В. И. Ленин отметил в «Докладе об очередных задачах Советской власти» 29 апреля 1918 года на заседании ВЦИК: «...всякой рабочей делегации, с которой мне приходилось иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что́ вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком? И тут оказывается, что этому они еще не научились...»[2]

Это показывает, что В. И. Ленин, Советское правительство шли на национализацию тех или иных предприятий в том случае, когда была уверенность, что там для этого созрели условия, что на заводах имеются достаточно сплоченные рабочие коллективы, которые могут взять на себя руководство национализированными предприятиями и обеспечить на основе товарищеского сотрудничества и взаимопомощи их успешную деятельность. Только тогда национализация становилась фактом.

В этой связи следует заметить, что декреты о национализации средств производства как юридические акты устанавливали только форму собственности, создавали предпосылки для возникновения новых производственных отношений. Но сами по себе они не могли их создать. В. И. Ленин поэтому различал юридическое провозглашение социалистической собственности и возникновение

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 348 (разрядка моя.— *В. С.*).

[2] Там же, стр. 258.

реальных производственных отношений. «То, что́ мы уже декретировали, — писал В. И. Ленин, — мы далеко недостаточно еще провели в жизнь, и главная задача момента состоит именно в сосредоточении всех усилий на деловом, практическом *осуществлении* основ тех преобразований, которые уже стали законом (но не стали еще реальностью)»[1]. Для того чтобы форма собственности наполнилась экономическим содержанием, чтобы социалистические производственные отношения возникли на деле, нужны носители этих отношений, нужны такие экономические ячейки, в которых могли бы зародиться новые отношения. Такой ячейкой выступает при социализме производственный коллектив.

Следовательно, первоначальной и основной ячейкой, в рамках которой возникло и стало развиваться основное производственное отношение, были коллективы отдельных промышленных предприятий. Именно здесь решались такие важнейшие вопросы, как рабочий контроль над производством и распределением, охрана социалистической собственности, налаживание новой дисциплины, организация труда, повышение его производительности, развитие соревнования, установление новых общественных отношений между людьми. Этим определялись успехи и темпы развития социалистического производства.

При капитализме труд и условия труда, непосредственный производитель и собственность на средства производства разделены и противопоставлены друг другу. Поэтому отношение капиталиста и наемного рабочего образует основное производственное отношение капитализма, имеющее характер отношения эксплуатации. В этом состоит сущность частнокапиталистической собственности.

Сущность социалистической собственности заключается прежде всего в новом соединении работника со средствами производства, в отсутствии эксплуатации, в том, что отношения участников производства носят характер дружбы, товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи, образующих основное производственное отношение социализма. Исходным пунктом, в котором зарождается основное производст-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 182.

венное отношение социализма, выступает социалистический производственный коллектив.

Социалистический производственный коллектив есть основа экономики социализма. Об этом убедительно говорит то, что рабочие коллективы сыграли решающую роль в превращении частной собственности в общественную при переходе от капитализма к социализму, когда они сами постепенно становились социалистическими производственными коллективами. Следующим важным этапом в развитии производственных коллективов было строительство социализма, умножение социалистической собственности, совершенствование производственных отношений, и прежде всего отношений товарищеского сотрудничества и взаимопомощи. Вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунизма выдвигает перед производственными коллективами новые задачи, в ходе решения которых две формы социалистической собственности сольются в единую коммунистическую собственность, а сами производственные коллективы постепенно преобразуются в самоуправляющиеся ассоциации. Таково логическое развитие социалистического производственного коллектива, соответствующее историческому процессу.

Таким образом, социалистический производственный коллектив — важнейшая ячейка нашего общества — выражает целый комплекс явлений советской действительности. Это понятие должно стать одной из важных категорий политической экономии социализма, ибо по мере продвижения нашей страны к коммунизму социалистический производственный коллектив, постоянно развиваясь и обогащаясь, будет приобретать все более важное значение.

И. Ф. Суслов

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОЛХОЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Два типа производственных коллективов в сельском хозяйстве

Развитие коммунистических производственных отношений в деревне отличается большим своеобразием, заключающимся в наличии двух типов производственных коллективов и в специфике сельского хозяйства как отрасли материального производства.

К моменту осуществления социалистической революции во всех странах социализма сельское хозяйство было представлено, с одной стороны, многочисленными массами единоличных крестьянских хозяйств и, с другой стороны, крупными капиталистическими фермами и остатками помещичьих имений. На основе национализации и конфискации капиталистических ферм и помещичьих имений в первые же годы социалистического преобразования экономики созданы крупные государственные хозяйства: совхозы, госхозы, гособъединения. Бывшие сельскохозяйственные рабочие, батраки, которые ранее эксплуатировались мелкими и крупными капиталистами деревни и помещиками, создав производственные коллективы последовательно социалистического типа, превратились в рабочих государственных предприятий.

К 1929 году в СССР было создано 1407 совхозов. К началу войны их число утроилось. Впоследствии количество совхозов росло за счет освоения новых земель и за счет реорганизации части колхозов. В 1953 году число совхозов увеличилось до 4,8 тыс., в 1959 году — до 6,5 тыс., а на начало 1963 года достигло 8,5 тыс. Одновременно с ростом количества совхозов увеличивались их размеры, возрастала их доля в производстве сельско-

хозяйственной продукции, совершенствовались экономические отношения.

Миллионные массы крестьян как собственники не могли быть экспроприированы, так как их средства производства являлись накопленными собственным трудом и использовались ими для удовлетворения насущных потребностей. Органы государственной власти на первых порах практически не в состоянии были организовать крупное национализированное сельскохозяйственное производство в масштабе всей страны. Для этого они не располагали ни кадрами, ни материальными средствами, ни опытом соответствующей организации и ведения крупного социалистического производства. Огосударствление мелкокрестьянского производства неприемлемо ни с точки зрения интересов крестьянства, ни с точки зрения общих государственных интересов. Создание самоуправляющихся крестьянских ассоциаций на основе добровольного кооперирования крестьян, по мнению Ф. Энгельса, должно быть главным путем приобщения крестьян к социализму.

В. И. Ленин, исходя из общих положений К. Маркса и Ф. Энгельса о строительстве коммунизма в деревне, теоретически обосновал и наметил практические пути претворения этих положений в жизнь в условиях победившей пролетарской революции. Ленинский кооперативный план был положен в основу коллективизации деревни, в основу создания социалистических хозяйств кооперативного типа. На 1 июля 1932 года на территории СССР было кооперировано 61,5 проц. крестьянских дворов и 77,7 проц. посевной площади, а в 1937 году — 93 проц. дворов и 99 проц. посевной площади. 18 700 тыс. индивидуальных крестьянских хозяйств объединились к концу 1940 года в 235 470 производственных коллективов.

Вступая в производственный коллектив, члены кооператива обобществляли основные и оборотные средства производства (наделы земельных участков, рабочий и часть продуктивного скота, хозяйственный инвентарь, семена, небольшие суммы денежных средств), а также трудовые ресурсы для коллективного развития производства в целях всестороннего удовлетворения своих материальных и духовных потребностей и увеличения вклада в общенародное дело строительства коммунизма.

Принимая участие в процессе производства и распределении материальных благ, каждый член сельскохозяйственной артели вступает в отношения с другими членами артели, работает вместе с ними. Он выполняет определенные функции, порученные ему коллективом, отвечая при этом перед ним за вверенный ему участок производства, за высококачественное и своевременное выполнение порученной работы, за обеспечение необходимого уровня производительности труда. Рабочее время, затраченное им в общественном производстве, фиксируется в трудоднях, в продукции, рабочих часах или объеме выполненной работы (гектарах, тонна-километрах, тоннах, центнерах и т. д.), в соответствии с которыми он получает свою долю дохода, предназначенного для окончательного распределения по труду.

Члены кооператива равноправны по отношению к созданным их трудом средствам производства, а также обладают равным правом участия в распределении валового продукта. Они имеют единую цель в процессе развития и совершенствования производства и все заинтересованы в росте производительности труда на каждом производственном участке.

В условиях социализма исключена возможность эксплуатации внутри коллектива, обогащения одних за счет других. Это создало основу для всестороннего развития отношений товарищеского сотрудничества и взаимопомощи в процессе производства, которые явились главными, определяющими не только внутри коллектива, но и между коллективами. Они охватили все социалистическое общество и определили собой характер всех других сторон социалистических производственных отношений.

Кооперативный производственный коллектив является самоуправляющейся производственной ассоциацией, основанной на коллективном владении средствами производства. Экономические отношения внутри коллектива юридически закреплены колхозным Уставом, являющимся основным документом, регламентирующим и определяющим трудовое участие членов колхоза в общественном производстве и порядок распределения производимого продукта.

Таким образом, в сельском хозяйстве сложились два типа производственных коллективов, каждый из кото-

рых развивается на основе экономических отношений, свойственных социалистическим формам хозяйства. Как предприятия социалистические они имеют между собой много общего. Но как предприятия, представляющие собой различные формы социалистической собственности, они не могут не иметь и существенных различий. Эти различия преодолеваются в процессе развития по пути к единому производственному коллективу коммунистического типа. Методология анализа и вскрытия общих черт и изучение существенных различий форм социалистической собственности имеют большое значение для практики коммунистического строительства, для экономического обоснования хозяйственной политики в отношении колхозного сектора производства.

Особенности экономических отношений в колхозном производственном секторе

Групповой характер колхозной формы собственности предопределяет сущность производственных отношений в колхозном секторе. Члены коллектива вступают в отношения по поводу производства и распределения материальных благ прежде всего между собой, а через коллектив — со всем социалистическим обществом, с другими членами, объединенными в производственные коллективы, независимо от того, государственное ли это предприятие или колхозно-кооперативное. Характер экономических отношений между коллективами и внутри коллектива, между отдельными людьми определяется основным производственным отношением социализма как отношением товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи объединенных производителей, осуществляющих процесс производства ради общей цели.

Трудящиеся социалистического общества вступают в процесс производства как члены коллектива. Они выполняют свои обязанности и реализуют свое право собственника на общественные средства производства наряду с другими членами общества, в основном будучи членами коллектива, через коллектив. Это положение характерно как для колхозного, так и для общенародного сектора производства. И в том и в другом случае

интересы тружеников социалистического общества опосредованы интересами производственного коллектива.

Правда, до недавнего времени роль коллектива в государственном секторе недооценивалась, а анализу экономических отношений внутри него уделялось мало внимания. Некоторые экономисты утверждали, что колхозная форма производства и кооперативная собственность отличаются от общенародной формы производства и государственной собственности наличием коллектива, группы, которая является связующим звеном в отношениях между обществом в целом и его отдельными членами. В государственной же собственности, по их мнению, отношения между обществом и его членами осуществляются непосредственно и не опосредованы интересами группы, коллектива [1]. В данном случае роль и значение производственного коллектива в общенародном секторе производства по существу сводится на нет, игнорируются экономические отношения внутри производственного коллектива, а экономические отношения сводятся лишь к отношениям между обществом и его отдельными членами. С такой трактовкой сущности производственных отношений как в колхозно-кооперативном, так и в общенародном секторе согласиться нельзя.

Для рассмотрения этого вопроса следует хотя бы в общих чертах остановиться на некоторых основных моментах производственных отношений в совхозах и колхозах. Труд работников совхозов обобществлен в рамках общенародного сектора. Работник государственного предприятия имеет гарантию на труд и практически не знает простоя, дней без работы. Если же при исключительных условиях имеет место вынужденный простой, то он оплачивается из фонда заработной платы данного предприятия, данного коллектива. Право на труд работник практически реализует лишь тогда, когда он является членом коллектива, а не вообще членом общества. Конечно, социалистическая форма хозяйства создает условия для получения работы каждым тружеником на различных предприятиях в соответствии с его специальностью. Но вне коллектива не может быть осу-

[1] См. «Развитие колхозной собственности в период развернутого строительства коммунизма». Экономиздат, 1961, стр. 25.

ществлено право на труд в бесспорном гарантированном порядке. В случае вынужденной незанятости в период перехода с одного предприятия на другое по собственному желанию работника общество материально его не обеспечивает.

Труд колхозников обобществлен в рамках хозяйства, в рамках данного коллектива. Колхозники, являясь членами артели, не гарантированы от дней без работы, и коллектив в данном случае не оплачивает их простоя. Колхозник в основном сам должен позаботиться о том, чем занять себя в это время. В противном же случае он вообще будет находиться в этот период без определенных занятий, хотя и является членом данного коллектива. В ряде областей и республик колхозники не заняты общественным трудом продолжительное время (по 100—120 дней в году). Даже в передовых хозяйствах значительная часть колхозников в силу сезонности сельскохозяйственного производства и наличия колхозно-групповой формы собственности не обеспечена работой в зимнее время. Так, в лучшем хозяйстве Узбекской ССР — колхозе «Политотдел» в период с ноября по февраль работает лишь третья часть колхозников, а в среднем на трудоспособного колхозника за четыре месяца падает всего лишь по 20 рабочих дней, или по 5 рабочих дней в месяц. Личное подсобное хозяйство поглощает часть рабочего времени, но отнюдь далеко не полностью, тем более, что в этот период и в подсобном хозяйстве работы крайне мало.

Отсюда ясно, что различие в социально-экономическом положении, обусловленном различием форм собственности, уровнем развития производства, степенью механизации процессов и рамками обобществления труда, весьма существенно. И это еще в значительной степени влияет на уровень производительности труда и заработок колхозников в расчете на среднегодового работника.

Работникам государственных предприятий гарантирован минимальный уровень оплаты труда. Такая гарантия обеспечивается в форме ежемесячного оклада, определенной расценки за норму выполненной работы, единицу продукции или же за час проработанного времени. Причем эта гарантия обеспечивается опять-таки в коллективе как членам коллектива, а не вообще как членам общества.

Колхозники большинства хозяйств до последнего времени не имеют гарантированного уровня оплаты труда. Они получают по труду часть дохода коллектива. Этот доход формируется в каждом отдельном хозяйстве в зависимости от полученной продукции, от уровня цен на продукцию, от размеров подоходного налога, от наличия долгов хозяйства и, наконец, в зависимости от пропорций распределения оставшейся части дохода на фонд оплаты труда и фонд накопления. Фонд оплаты складывается в каждом хозяйстве по-своему, и уровень его, приходящийся на одного трудоспособного, весьма различен, а потому и различна оплата равного труда в разных хозяйствах. Доля колхозника определяется в зависимости от величины фонда распределения по труду и от того, каков удельный вес труда данного колхозника в общем количестве вложенного труда.

Как видим, зависимостей здесь очень много. В нормальных условиях и уровень оплаты нормальный. На практике же мы имеем весьма существенные отклонения от нормального уровня, когда за труд одного и того же количества и качества колхозники разных хозяйств получают далеко не одинаковую оплату. В настоящее время уровень оплаты труда колхозников в большинстве хозяйств значительно ниже уровня оплаты труда соответствующих категорий рабочих совхозов. И дело здесь не только в уровне производительности труда, как пытаются утверждать отдельные экономисты [1]. Дело в том, что государство гарантирует определенный уровень оплаты труда. И если выручка совхоза не обеспечивает необходимый уровень оплаты труда, то средства поступают из бюджета в форме покрытия убытков и пополнения оборотных средств. Известно, что во многих совхозах в течение 1961—1963 годов сумма денежной выручки была меньше общего фонда заработной платы, а на покрытие убытков были ассигнованы большие суммы средств из бюджета. Причем основную массу убытков дали совхозы, специализирующиеся на продукции, сдаточные цены на которую установлены на уровне закупочных цен на продукцию колхозов.

---

[1] См., например, *Т. Л. Басюк.* Организация социалистического сельскохозяйственного производства. Экономиздат, 1962, стр. 368.

И здесь, как видим, весьма существенное социально-экономическое различие в отношениях между обществом и работниками общенародных предприятий, между обществом и колхозниками. Причем это различие проявляется не непосредственно, а через коллективы. Оно влияет весьма существенно на уровень производительности труда данного коллектива. В то же время слабая связь уровня оплаты труда основной массы рабочих совхозов с конечными результатами работы коллектива отрицательно влияет на эффективность использования средств производства и живого труда, что и вызывает необходимость в совершенствовании системы оплаты труда не только в колхозах, но и в совхозах.

В нашей экономической литературе, да и не только в экономической, весьма широкое распространение получило мнение о том, что уровень оплаты труда в колхозах не должен превышать уровня оплаты труда в совхозах (государственных предприятиях). Такое мнение противоречит природе колхозно-групповой формы собственности и вытекает из недооценки роли и значения колхозов как школы коммунизма для миллионных масс колхозников. Если колхоз ведет хозяйство образцово, обеспечивает высокую дисциплину труда и хорошие экономические показатели, он имеет все возможности и для более высокой оплаты труда своих колхозников. Это вытекает из основных экономических принципов социализма: за более производительный труд — более высокая оплата. А потому совершенно правильно поступают те колхозы, которые, добиваясь высоких показателей в работе, оплачивают труд своих колхозников значительно выше уровня оплаты труда в совхозах. Они являются подлинной школой коммунистического хозяйничанья на земле, а потому могут и должны быть примером и по уровню оплаты труда. Таких хозяйств в нашей стране уже немало. Они есть в каждой области, да и почти в каждом районе.

Существенные различия имеют место в отношениях между обществом и членами коллективов государственных предприятий и между обществом и членами колхозов по линии удовлетворения жилищно-бытовых потребностей. Нужно подчеркнуть, что доля расходов на удовлетворение жилищно-бытовых потребностей по мере развития общества возрастает более высокими темпами,

чем общий уровень жизни. Рабочие совхозов, как и рабочие других государственных предприятий, обеспечиваются жилищем, а значительная доля расходов по содержанию жилищно-коммунального хозяйства покрывается непосредственно из бюджета. Колхозники же все расходы по строительству жилья, его эксплуатации, созданию предприятий коммунально-бытового назначения осуществляют за счет собственных доходов. Среди колхозников существует такая категория сборов, как самообложение, средства которого идут на строительство и ремонт колодцев, противопожарные и другие мероприятия. При сооружении радиолиний, электролиний низкого напряжения также мобилизуется часть средств колхозников путем единовременного определенного взноса. Колхозники во многих хозяйствах оплачивают содержание пожарника, электромонтера. Если же эти расходы покрывает колхоз, то и это не вносит коренной, принципиальной разницы, потому что это все те же средства членов колхоза, только не поделенные по труду, а выплаченные за счет общих доходов членов сельскохозяйственной артели.

О том, какое реальное содержание кроется за этим различием, можно судить хотя бы по данным совхозов Министерства производства и заготовок РСФСР за 1961 год. Эксплуатируемая среднегодовая жилая площадь составила по этим совхозам почти 15 млн. квадратных метров. В расчете на одного среднесписочного рабочего это составляет почти 4 квадратных метра. Не менее 25 проц. семей рабочих совхозов живет в общественных квартирах. Есть совхозы, где около 80 проц. рабочих обеспечено общественным жильем. Амортизация жилищного фонда и его текущий ремонт составили за год 77 млн. рублей. Квартирная же плата равнялась лишь 16,6 млн. рублей. Коммунальные расходы совхозов по водоснабжению, ассенизации, отоплению, освещению составили 28 млн. рублей, а сборы за коммунальные услуги населению — всего лишь 13 млн. рублей. Разница в 15 млн. рублей также покрывалась за счет бюджета государства. Кроме того, заработная плата работников жилищно-коммунального хозяйства составила около 8 млн. рублей. Общая сумма, покрытая из бюджета, достигла 83 млн. рублей, что в расчете на одного среднесписочного рабочего составило сумму, равную двухне-

дельному среднему заработку колхозника в общественном хозяйстве. Единовременные затраты колхозника на строительство дома или его покупку составляют сумму, равную трехлетнему заработку колхозника. Это различие столь существенно, что его нельзя не замечать. Дополнительные услуги по линии жилищно-коммунальных расходов оказываются рабочим со стороны общества опять-таки через коллектив, через совхоз, а не прямо непосредственно от общества.

Рабочим государственных предприятий гарантировано получение материальных пособий в случае временной нетрудоспособности или постоянной инвалидности, а также оплачиваемого отпуска. В большинстве колхозов оплачиваемые отпуска и пособия по временной нетрудоспособности начали внедряться лишь в последние годы. Эти различия все еще существенны, и их предстоит преодолеть в процессе развития и совершенствования социалистической экономики. Такие отношения осуществляются не по линии «общество — отдельный работник», а по линии «коллектив — отдельный работник». Вне коллектива данный вид социальной помощи не может быть осуществлен. Работник, оказавшийся вне коллектива, не может быть обеспечен материально в случае временной нетрудоспособности.

Существенное различие между рабочим классом и колхозным крестьянством имеется и по линии социального обеспечения по старости. Рабочие совхозов получают гарантированную пенсию от государства. Колхозники были лишены этого права. За последние годы пенсионное дело в колхозах быстро развивается, но основная масса престарелых членов сельскохозяйственных артелей до 1965 года не была обеспечена пенсиями, а размер выдаваемых пенсий являлся незначительным. На февральском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС принято решение о создании в ближайшее время пенсионного фонда для социального обеспечения по старости колхозников из средств и колхоза, и государства. Сессия Верховного Совета СССР в июле 1964 года приняла Закон о пенсионном обеспечении колхозников начиная с 1965 года. В связи с этим различие между рабочими и колхозниками в данном случае значительно сгладится, но еще не устранится окончательно. Существенные различия сохраняются в размере минимального уровня пенсий, пенси-

онном возрасте и характере формирования пенсионного фонда.

Рабочие получают пенсии непосредственно от общества, из бюджета государства. Однако средства фонда социального обеспечения формируются за счет взносов предприятий в определенном процентном отношении к фонду заработной платы данного предприятия. Таким образом, этот фонд создается рабочими в процессе их трудовой деятельности в коллективе и резервируется в общегосударственном фонде. Только участие в трудовой деятельности определенного коллектива (а это участие подтверждается документом с указанием суммы заработной платы) обеспечивает рабочему право на пенсионное обеспечение по старости. То, что пенсии рабочие получают от общества непосредственно, а не от коллектива, не меняет существа дела.

Таким образом, и в колхозе и в государственном предприятии социальное обеспечение по старости осуществляется через коллектив, но принципы его осуществления еще несколько различны.

В области здравоохранения, образования, пособий по многодетности и т. д. формальных различий между рабочим классом и колхозным крестьянством нет, хотя реальные различия все еще весьма существенны: на душу колхозного населения доходов из общественных фондов потребления приходится значительно меньше.

Положение о том, что в общенародном, государственном секторе производственные отношения людей осуществляются непосредственно между обществом и отдельным членом этого общества, нельзя признать правомерным. Различия между общенародной и колхозно-групповой формами собственности лежат в другой плоскости: в характере отношений самих коллективов со всем обществом, а в связи с этим и в характере отношений внутри коллективов.

Нельзя также согласиться и с утверждением отдельных экономистов о том, что «отношение колхозников к государственным средствам производства является таким же непосредственным, как и отношение рабочих государственных предприятий».[1] Очевидно, что общена-

[1] «Развитие колхозной собственности в период развернутого строительства коммунизма», стр. 39.

родные средства производства созданы трудом как рабочего класса, так и колхозного крестьянства. Многолетний прибавочный труд, накопленный поколениями трудящихся, воплотился в средствах производства, и в этой застывшей, материализованной форме стал объектом общенародной собственности. Мы не касаемся в данном случае формы, с помощью которой проходила аккумуляция прибавочного продукта, и доли, внесенной в общие средства рабочим классом и крестьянством. В данном случае это не имеет принципиального значения. Мы подчеркиваем лишь то, что и колхозное крестьянство наряду с рабочим классом принимало участие в создании общенародных средств производства. Тяжелая индустрия создавалась как за счет собственных накоплений, так и накоплений легкой промышленности, торговли и сельского хозяйства. На различных этапах доли этих отраслей (сельское хозяйство в основном представлялось колхозами, а перед кооперированием — индивидуальными крестьянскими хозяйствами) были различны.

Общенародные средства производства созданы и создаются трудом и рабочего класса, и колхозного крестьянства. Однако и здесь обнаруживаются некоторые различия. Труд рабочих обобществлен в масштабе государства, труд колхозников — в масштабах артели. Поэтому участие колхозников в создании общенародных средств производства опосредствуется перераспределением созданной в колхозном секторе части национального дохода. Более заметные различия обнаруживаются в использовании общенародных средств производства, в характере соединения рабочей силы со средствами производства.

В процессе производства колхозник не соединяется с общенародными средствами производства (за исключением земли), а использует средства производства, принадлежащие коллективу кооперированных крестьян. Характер соединения рабочей силы со средствами производства является определяющим моментом в системе производственных отношений. В данном случае он и определяет различия в положении рабочего класса и колхозного крестьянства.

Как только колхозник теряет связь с кооперативными средствами производства, переходит в общенародный сектор и в процессе труда использует общенарод-

ные средства производства, он в то же время утрачивает связь с колхозно-групповой формой собственности и вступает в производственные отношения, характерные для общенародной формы собственности. И наоборот, когда рабочий теряет связь с общенародными средствами производства и переходит в колхоз, специфику производственных отношений, в которые он вступает при этом, определяет уже колхозно-групповая форма собственности. Трудовое и правовое положение его юридически закрепляется определенными пунктами соответствующих законов Советской власти и Уставом той сельскохозяйственной артели, членом которой он состоял или состоит.

Бывают случаи, когда рабочий или колхозник утрачивает связь и с общенародной и с колхозно-кооперативной формами собственности и не принимает участия в общественно полезной деятельности. Общенародный характер собственности для данного индивидуума не может быть реализован, а общество лишено возможности воздействия на его материальное благополучие и моральное состояние по линии трудовой деятельности.

Вне коллектива, помимо коллектива не может быть реализован общенародный характер средств производства в государственной форме собственности и групповой характер собственности на средства производства в колхозно-кооперативном секторе. Рабочие имеют к ним отношение не непосредственно, а через коллектив, посредством коллектива, как члены коллектива, будь то коллектив завода, фабрики, совхоза. В процессе производства они вступают в производственные отношения как между собой внутри коллектива, так и обмениваются деятельностью с членами других коллективов, но уже не как отдельные члены, а как коллектив с коллективом, каждый из которых занимает определенное место в системе общественного разделения труда.

Отношения между членами внутри коллектива и между социалистическими коллективами сцементированы единством цели, единством интересов, заключающихся в развитии общественного производства как основы всестороннего удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей тружеников социалистического общества. Фактором, стимулирующим раз-

витие производства и ускорение темпов воспроизводства, выступает принцип оплаты по труду. Этот принцип применим как ко всему коллективу, так и к его отдельному члену. Уровень оплаты труда каждого зависит от его личного вклада, а средний уровень оплаты — от результатов деятельности всего коллектива, организованности и слаженности всего коллектива, экономного ведения хозяйства и более высокой производительности коллективного труда.

Материальным воплощением дополнительного материального стимулирования коллектива государственного предприятия является размер премий, регулярность их получения, отчисления от плановых и сверхплановых прибылей на улучшение условий труда, на повышение квалификации кадров и т. д. Однако дополнительные материальные стимулы всего коллектива на государственных предприятиях еще не получили должного развития, а доля премий за количественные и качественные показатели в общем фонде оплаты труда имеет ничтожно малый удельный вес. Так, по совхозам Министерства производства и заготовок РСФСР за 1961 год общий премиальный фонд не превышал и одного процента общего фонда заработной платы.

За последние три-четыре года предпринимаются серьезные меры, направленные на дальнейшее улучшение системы материального стимулирования производственных коллективов в совхозах. Отдельные механизированные звенья, бригады и даже хозяйства в целом получают по конечным результатам труда крупные суммы дополнительной оплаты и премий. Так, в целом по совхозу «Яхромский» за 1964 год выплачено премиальных свыше 200 тыс. рублей, что превысило двухмесячный фонд заработной платы. Отдельные механизаторы совхоза получили по трех- и четырехмесячному дополнительному окладу. Большие средства выделены на совместные культурно-бытовые нужды. Такие примеры становятся все более частыми.

Выше отмечалось, что колхозное крестьянство принимает участие в создании общенародных фондов, но в использовании государственных средств производства колхозники не участвуют. В процессе производства они пользуются колхозными, кооперативными средствами производства, основу которых составляют неделимые

фонды. Как экономическая категория неделимые фонды присущи лишь кооперативной форме собственности. Они выражают экономические отношения колхозников по поводу обобществленных и накопленных ими основных средств производства. Неделимые фонды — это достояние колхозников данного коллектива, а отнюдь не всего общества, как пытаются утверждать отдельные экономисты. Например, в сборнике «Формирование коммунистических общественных отношений» утверждается, что «они (неделимые фонды. — *И. С.*) являются не только достоянием того или иного колхоза, но и государства, так как созданы также трудом рабочих, инженеров и используются в производстве в соответствии с народнохозяйственным планом. Денежные ресурсы неделимых фондов обобществляются через банк и перераспределяются между колхозами. В перераспределении и расходовании этих фондов участвует и государство»[1].

Неделимые фонды колхозов через банк не обобществляются и не перераспределяются, потому что такой порядок противоречит основам колхозного строя. Если бы так было на практике, то это означало бы, что колхозной формы собственности уже не существует, что она практически обобществлена в масштабах государства, а колхозы оказались на положении совхозов.

Неверно утверждение также о том, что неделимые фонды создаются трудом рабочих, инженеров промышленности. Такое утверждение правильно по отношению к тракторам, комбайнам и другим видам техники, а отнюдь не к неделимым фондам. Техника создается трудом промышленного рабочего класса, но ведь она оплачивается собственными средствами колхозов, приобретается в процессе купли-продажи и превращается в собственность данного коллектива. А то, что она используется в соответствии с народнохозяйственным планом, так это следствие того, что колхоз — предприятие социалистическое, что он — составная часть единого социалистического хозяйства.

Неделимые фонды отличаются от уставного фонда государственного предприятия тем, что они являются

---

[1] «Формирование коммунистических общественных отношений». Казгосиздат, 1964, стр. 38—39.

собственностью данного коллектива, а уставный фонд — собственность всего народа, собственность государства. Стоимость его не оплачена данным коллективом, а потому часть уставного фонда через амортизацию или даже в натуре может свободно изыматься и передаваться другому предприятию. Велик или мал уставный фонд предприятия — это на материальном интересе коллектива существенно не отражается. А от величины неделимого фонда колхоза, как правило, зависят результаты хозяйственной деятельности колхозников, уровень производительности и оплаты их труда, степень удовлетворения их культурно-бытовых потребностей. Здесь, в уровне оплаты труда и степени удовлетворения культурно-бытовых потребностей, и находят свою практическую реализацию неделимые фонды как экономическая категория, присущая лишь кооперативной форме собственности. Неделимые фонды станут общенародным достоянием лишь тогда, когда отомрет колхозная собственность, а колхозы превратятся в новый, более высокий общенародный тип предприятия.

О действии экономических законов в колхозном секторе производства

Из сказанного выше вытекает, что в колхозном секторе производства имеет место существенное своеобразие экономических отношений, которое должно учитываться как в теоретической работе, так и в практике хозяйственного руководства. Между тем в нашей экономической литературе специфическая система экономических отношений кооперативного производственного коллектива должным образом не изучалась, особенности действия экономических законов в колхозном секторе производства выявлялись недостаточно.

Специфика действия экономических законов социализма в колхозном секторе производства определяется, во-первых, особенностями сельского хозяйства как отрасли материального производства и, во-вторых, особенностями отношений в колхозном секторе производства. Эти две специфические особенности воздействуют на характер экономических взаимосвязей не обособленно, а в тесном взаимодействии и переплетении, что по своим экономи-

ческим результатам дает бесконечное множество комбинаций, а стало быть, и большое количество вариантных решений в хозяйственной практике.

Основным средством производства в земледелии выступает земля. Здесь процесс производства совершается под открытым небом, на огромных пространствах и зависит от влияния почвенно-климатических условий. А они весьма изменчивы и различны в различных зонах страны. В связи с этим активная роль непосредственных тружеников (колхоза в целом, бригад, звеньев, отдельных механизаторов и специалистов) в определении и применении конкретных хозяйственных приемов и мероприятий при составлении и выполнении плана имеет громадное значение. В. И. Ленин писал, что «земледелие в Калужской губернии не то, что в Казанской... Не учитывать во всех этих вопросах местных отличий значило бы впадать в бюрократический централизм и т. п., значило бы мешать местным работникам в том учете местных различий, который является основой разумной работы» [1].

В силу сезонности функционирования земли как средства производства в земледелии ярко выражена сезонность функционирования всех производственных фондов, рабочей силы. Процесс производства подчиняется ритму природы со всеми ее отклонениями и колебаниями по временам года, что обязывает каждое хозяйство приспосабливаться к этому ритму и выделять определенные резервы кормов, семян, денежных средств и других материальных ресурсов. Роль резервов в условиях планомерного развития возрастает по мере роста масштабов производства и ускорения производственной деятельности, по мере усиления самостоятельности производственных коллективов в хозяйственной деятельности. Особенно велика роль резервов в колхозном производстве, потому что колхоз целиком и полностью материально отвечает за все прорывы и неувязки, вызванные колебаниями погоды и диспропорциями в хозяйстве. Ему труднее, чем совхозу, получить кредит, достать корма, семена, запасные части, строительные материалы в случае возникновения диспропорции в хозяйстве. Между тем колхозным резервам, натуральным и денежным, до

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 198.

последнего времени не уделялось должного внимания, а потому абсолютное большинство хозяйств в условиях не упорядоченных до конца взаимоотношений колхозов с государством не обеспечивали достаточной устойчивости роста и неуклонного развития.

Ввиду специфики производимого сельскохозяйственного продукта, готового в большинстве случаев к потреблению без предварительной промышленной переработки, в сельском хозяйстве более длительный период сохраняются натуральные и медленнее внедряются товарно-денежные отношения. Более медленно также осуществляются здесь общественное разделение труда, концентрация и централизация производства. В условиях социалистического кооперативного хозяйства это обстоятельство обусловливает необходимость и возможность практиковать наряду с денежной формой оплаты труда натуральные выдачи, а также необходимость сохранения личного подсобного хозяйства колхозников.

В условиях недостаточного развития производительных сил и низкой производительности труда в животноводстве, овощеводстве, картофелеводстве, садоводстве наличие личного подсобного хозяйства становится жизненно необходимым фактором для всего народного хозяйства. Это положение усугубляется слабостью торговой системы, баз хранения, бездорожьем и т. п. В результате трудно обеспечить бесперебойное централизованное снабжение сел и деревень, а также мелких и нередко средних городов многими видами скоропортящихся продуктов, и население вынуждено производить их в своем личном подсобном хозяйстве или приобретать на местном колхозном рынке.

Нет необходимости доказывать, что личное подсобное хозяйство и натуральные выдачи в оплате труда повышают уровень доходности крестьянской семьи, смягчают сезонность в занятости и поступлении доходов, способствуют более полному удовлетворению потребностей не только сельского, но и городского населения, гарантируют определенный уровень доходов в случае легкой инвалидности или престарелости отдельных членов семьи.

В советской экономической литературе широко распространено мнение о том, что в «социалистическом обществе экономические законы, как законы познанные и

сознательно используемые обществом, проявляют свое действие через экономическую политику социалистического государства»[1]. В этом положении все действие экономических законов сведено к экономической политике государства и не оставлено никакого места социалистическим коллективам и деятельности трудящихся масс. Это, в особенности по отношению к колхозной экономике, вряд ли правильно.

Кроме этого в нашей литературе нередко можно встретить утверждения о том, что «экономические законы, выражающие существенные черты производственных отношений коммунистического способа производства, по своему характеру таковы, что не могут действовать стихийно, как слепая, необузданная сила. Они осуществляются как *осознанная необходимость*. Это имманентная, внутренне присущая форма их действия»[2].

Нет никаких сомнений в том, что в условиях социализма открываются широкие возможности познания и использования экономических законов на благо всего общества и что экономические законы могут проявлять себя через экономическую политику как осознанная обществом необходимость. Но верно ли, что исключена иная форма их действия и проявления? Авторы указанных выше утверждений часто ссылаются на Ф. Энгельса. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей»[3].

Некоторые товарищи склонны относить это высказывание Ф. Энгельса только к законам капитализма. Но, как видно, оно имеет общий характер и полностью применимо к социализму, поскольку речь идет именно о познании и использовании экономических законов.

При социализме также не исключается возможность действия общественных сил в насильственной форме в

---

[1] «Проблемы мира и социализма» № 7, 1960, стр. 64.

[2] «Курс политической экономии» под редакцией Н. А. Цаголова, т. II. Экономиздат, 1963, стр. 119.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 290.

том случае, если люди не считаются с ними. Пока люди не познали тех или иных законов, они действуют, видимо, несколько иначе, чем только что осознанная необходимость и в форме государственной политики. Здесь, видимо, присутствуют и элементы насильственного действия объективных закономерностей, которые постепенно уменьшаются по мере познания обществом характера действия законов и приспособления практической деятельности людей к их требованиям. Но так как процесс экономического развития бесконечен и непрерывен, то степень познания и оптимальность приспособления к требованиям экономических законов будут приближаться к абсолютной истине и никогда не достигнут ее. Именно эту сторону отмечает Ф. Энгельс, заканчивая свои мысли о познании экономических законов и их применении в практической деятельности людей. «...Только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают»[1].

Развитие экономики, в том числе экономики сельского хозяйства, подчеркивает объективный характер действия экономических законов социализма и многообразие форм их проявления. Попытки втиснуть их в рамки какой-либо одной формы проявления означают не что иное, как искусственное обеднение, выхолащивание объективного процесса экономической жизни в условиях социализма. Общеизвестно, что экономические законы любой общественно-экономической формации действуют независимо от того, познаны они или нет, познаны полностью или частично.

Социалистические производственные отношения создают все необходимые условия для более глубокого познания сущности и характера действия экономических законов социализма. Это обусловлено тем, что как рабочий класс, так и колхозное крестьянство и интеллигенция кровно заинтересованы в познании экономических законов и выработке правильной научно обоснованной экономической политики. Но в практике хозяйственного руководства, особенно в сельском хозяйстве, встречаются еще частые случаи нарушения экономических законов, игнорирования их требований. Это положение мож-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 295.

но проиллюстрировать на примере закона планомерного, пропорционального развития, закона стоимости и др.

Специфика действия закона планомерного, пропорционального развития в колхозном секторе, обусловленная господством групповой формы собственности и особенностями сельского хозяйства как отрасли материального производства, заключается в том, что при планировании необходимо строго учитывать местные условия и инициативу производственных коллективов. Нужно так планировать развитие сельскохозяйственных культур, чтобы это соответствовало экономическим и почвенно-климатическим условиям колхозов, накопленному опыту. В. И. Ленин требовал не допускать шаблона в руководстве сельским хозяйством. Нельзя думать, подчеркивал он, что опыт того или иного района можно целиком перенести на все районы страны.

Однако, как указывалось на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС, эти требования до последнего времени нарушались. Из центра давалось много различного рода шаблонных указаний по обработке почвы, структуре посевных площадей, замене одной системы земледелия другой, содержанию и кормлению скота без учета природно-экономических, производственных условий и местного опыта. Планы закупок продукции колхозам устанавливались на один год, к тому же с большим запозданием, в ходе заготовок они неоднократно изменялись. Все это мешало планомерному ведению хозяйства, принижало роль земельных органов, не способствовало производительному использованию земли.

Игнорирование экономических законов социализма, и в частности закона планомерного, пропорционального развития в руководстве сельским хозяйством, явилось одной из основных причин замедления его развития в последние годы.

Это целиком относится и к закону стоимости. Как известно, по отношению к колхозному производству применимость закона стоимости и его категорий как в теории, так и на практике длительное время отрицалась. В отношениях государства с колхозами нередко нарушался принцип эквивалентности в возмещении материально-производственных издержек, не говоря уже о том, что не создавались возможности накоплений для обеспечения расширенного воспроизводства.

Значит ли это, что закон стоимости в колхозной экономике в данный период не действовал или находился в спячке, ожидая, когда общество начнет его использовать? Разумеется, нет. Объективные требования этого закона привели к тому, что часть колхозов оказалась не в состоянии сводить концы с концами. Доля собственных накоплений в производственных фондах не возрастала, все в большей мере уступая место долгосрочному и краткосрочному кредиту. Значительное количество хозяйств оказалось закредитованным до такой степени, что сумма их долгов почти достигала стоимости их производственных фондов.

В нашей литературе можно встретить иногда следующие утверждения: «На первых порах социалистическое государство при недостаточной производительности общественного труда, унаследованной от прошлого, не могло установить такой уровень цен на колхозную продукцию, который бы обеспечил высокие темпы расширенного воспроизводства в колхозах, и такой уровень оплаты труда, который в полной мере обеспечил бы воспроизводство рабочей силы в сельскохозяйственных артелях полностью за счет общественного хозяйства, ибо ввиду сравнительно низкого уровня производительности труда в колхозах и высокой стоимости колхозной продукции установление цен на основе издержек колхозного производства привело бы к перекачке средств из промышленности в сельское хозяйство... Общество же не располагало достаточным количеством ресурсов, чтобы обеспечить развитие колхозного производства столь же высокими темпами, какими развивалась промышленность. Поэтому плановые государственные цены на колхозную продукцию определялись исходя из уровня производительности труда в обществе в целом и зачастую не обеспечивали условий расширенного воспроизводства в колхозах. При таком положении возникла необходимость в реализации части колхозной продукции по ценам, складывающимся на колхозном рынке» [1].

С подобными утверждениями трудно согласиться. Но если цена не покрывает издержек производства, то это

---

[1] *А. К. Покрытан, В. И. Касаткина, В. Н. Мазур.* Социалистическая собственность при переходе к коммунизму. Изд. «Мысль», 1964, стр. 120—121.

означает, что не реализуется не только чистый доход, но и не возмещается часть издержек. Стало быть, у колхоза при этом изымается не только чистый доход, но и часть его материальных затрат. Установление цен на уровне издержек вовсе не означало бы и не означает в настоящее время перекачку средств из промышленности в сельское хозяйство.

Несостоятельна попытка оправдать такие закупочные цены и с точки зрения производительности труда в целом, потому что низкие цены не создавали возможности для ускорения темпов роста производительности труда в сельском хозяйстве и еще больше закрепляли разрыв в уровнях производительности труда в промышленности и в сельском хозяйстве.

Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС осудил неправильную политику в области ценообразования, когда закупочные цены на ряд продуктов сельского хозяйства не покрывали затрат на их производство, в результате чего колхозы терпели большие убытки. Пленум ЦК КПСС решил отменить так называемые скользящие цены и установить новые, значительно повышенные закупочные цены на пшеницу, рожь и другие зерновые культуры. К действующим закупочным ценам на животноводческую продукцию предложено установить надбавки с учетом зональных особенностей. Повышение закупочных цен подводит прочную экономическую базу под колхозное производство и является одним из важнейших рычагов поднятия производительности труда в сельском хозяйстве.

Пленум ЦК КПСС решительно осудил практику игнорирования требований экономических законов социализма, имевшую место в руководстве сельским хозяйством, вскрыл отрицательные последствия пренебрежительного отношения к экономическим законам и наметил пути исправления субъективистских ошибок, допущенных в руководстве сельским хозяйством.

П. А. Хромов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСЧИСЛЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Исчисление производительности труда в капиталистических странах

Проблема производительности труда составляет важнейшую часть экономической науки. По существу она имеет отношение к любой экономической проблеме. В условиях капиталистической экономики производительность труда оказывает влияние на издержки производства, норму прибыли, занятость и т. д. Рост производительности труда означает увеличение безработицы, рост нормы прибавочной стоимости. Движение производительности труда связано с капиталистическим циклом и т. д.

Повышение производительности труда при капитализме ведет к обострению противоречий, особенно усиливающихся в условиях интенсивной автоматизации. Кризисы, циклический характер производства, недогрузка производственного аппарата и т. д. тормозят рост производительности труда.

В последнее время под влиянием глубоких противоречий в экономике капиталистических стран, обострения конкуренции, необходимости снижения издержек производства уделяется все большее внимание вопросам производительности труда, в частности ее динамики. Во многих странах монополии создали различные советы или комитеты по производительности труда. Например, англо-американский совет по производительности труда поставил перед собой задачу «способствовать экономическому благосостоянию посредством свободного обмена информацией в области организации работы промышленности, методов производства, в области техники и таким образом помочь промышленности Великобрита-

нии поднять уровень производительности труда». В Англии вопросами производительности и интенсификации труда стали усиленно заниматься особенно в связи с так называемой теорией благосостояния. После создания англо-американского совета по производительности труда работы в этом отношении расширились. В начале 50-х годов большое число английских бригад по изучению производительности труда посетило США. С сентября 1962 года по ноябрь 1963 года был проведен в Англии так называемый национальный год производительности труда, ставивший целью «взаимный обмен достижениями между предприятиями в стране в области способов повышения производительности труда». В 1953 году было организовано европейское агентство по производительности — орган так называемого Европейского экономического сообщества. Это агентство издает специальный журнал по вопросам исчисления производительности труда.

В марте 1954 года на основе привлечения американской технической «помощи» был создан совместный японо-американский комитет по повышению производительности труда. В дальнейшем он был реорганизован в японский центр по изучению производительности труда. Кроме того, было создано семь местных комитетов. В 1959 году по инициативе японского центра возникла азиатская организация по производительности труда, в которую вошли восемь азиатских стран. В Вене в 1956 году была проведена международная конференция «стран семерки» по вопросам территориальных сопоставлений производительности труда. Во Франции существуют так называемый комиссариат по производительности труда обрабатывающих процессов и транспорта и французская ассоциация за увеличение производительности труда, которые располагают многими филиалами в промышленных городах страны. Кроме этих организаций во Франции имеются многочисленные частные организации, изучающие факторы роста производительности труда в отдельных отраслях и районах страны. Лишь за последнее время было проведено несколько международных конференций по вопросам производительности труда и ее уровня. На этих конференциях рассматривались вопросы, представляющие интерес и для наших ученых.

Отождествляя роль труда и капитала в процессе производства, зарубежные экономисты выдвигают тезис о «производительности капитала». Опираясь на свои теоретические положения о методологии исчисления национального дохода и продукта, они распространяют понятие производительного труда на непроизводственную сферу и т. д. Позиции зарубежных экономистов по вопросу о производительности труда весьма противоречивы. Одни из них считают, что одна четвертая — одна пятая прироста производительности труда происходит за счет роста капитала, а остальной прирост — за счет лучшей подготовки кадров (квалификации), эффективности научных работ, улучшения образования и т. д. Другие, рассматривая динамику производительности труда в Западной Европе и Японии, делают вывод, что более высокие темпы производительности труда в этих странах явились результатом в основном повышенного спроса и проистекающих отсюда высоких капиталовложений [1].

Профессор В. Геленсон (автор переведенной на русский язык работы «Производительность труда в промышленности США и СССР») в докладе «Производительность труда в промышленности западных стран (41 страна)» совершенно неосновательно полагает, что «производительность труда не является важным мерилом для быстрорастущих стран». Конечно, страны, бедные капиталом и богатые рабочей силой, имеют свою специфику в области повышения производительности труда. Но для них увеличение производительности труда играет не меньшую, а большую роль, чем для более развитых капиталистических стран.

Профессор Данлоп приходит к выводу, что на производительность труда в макроэкономическом аспекте оказывают влияние научные исследования и наука, система образования, управления хозяйством, капитал, квалификация рабочей силы, энергия участников производства. По его мнению, первые три фактора играют решающую роль в динамике производительности труда, последние три имеют наибольшее значение для развивающихся стран. В то время как профессор Данлоп отводит капиталу скромное место в повышении производительно-

[1] «Productivity Measurement Review» N 32, 1963.

сти труда, профессор Мэдиссон считает «капиталовложения основным фактором роста производительности».

Исходя из теории издержек производства и производительности капитала, зарубежные экономисты пытаются построить «глобальный индекс производительности», рассматриваемый «как взвешенное гармоническое среднее из производительности труда и производительности капитала» [1].

Профессор Кендрик, например, предложил для сравнения уровня производительности комбинированный показатель — показатель выработки, приходящейся на затраты труда и капитала. Он пытается исчислить общественную производительность труда, то есть выход реального продукта на все затраты. Методология исчисления при этом такова: если человеко-час стоит 2 доллара в базовом периоде, а оборудование в 100 долларов приносит 6 долларов годового дохода (в ренте, прибыли и т. д.), то оно эквивалентно 3 человеко-часам. По его исчислениям, при ежегодном росте выработки продукта в США за один человеко-час на 2,4 проц. за 1889—1957 годы продукт на единицу капитала в частном секторе экономики увеличивался на 1 проц., на единицу трудовых затрат — на 2 проц. и на единицу всех факторов — на 1,7 процента [2]. Если включить и государственный сектор, то темп роста выработки на единицу всех затрат сократится до 1,55 проц. в год.

Таким образом, в качестве показателя производительности Кендрик использует выпуск продукции на единицу комбинированных затрат труда и капитала, взвешивая оба фактора по их относительным рыночным ценам в базовом периоде. Подобная методология вызвала возражение даже со стороны буржуазных ученых, которые указывают, что Кендрик игнорирует многие другие факторы производства — образование, технологию, организацию и др. [3] Не признавая особой роли живого труда в образовании стоимости, объединяя труд и капитал путем ценностного метода, Кендрик и другие

---

[1] См. *Г. Реусс.* Анализ производительности. Экономические основы и статистическая методика (перевод с немецкого). Изд. 1963, стр. 189.

[2] *Kendrick.* Productivity Trends in the United States. Princeton, 1961.

[3] «Productivity Measurement Review» N 34, 1963, p. 61—65.

буржуазные экономисты по существу подменяют проблему производительности труда проблемой прибыльности. В работе буржуазных экономистов не дается четкого ответа, как измеряется «продукция» в сфере услуг и какова методологическая сторона измерения затрат капитала.

В некоторых капиталистических странах (Италия, Англия, ФРГ, Франция) исчисляется производительность труда в национальной экономике в целом. Однако методология исчисления этого показателя различна. Это относится как к исчислению стоимости продукта, так и к численности работающих или количеству отработанного времени. Так, в одних странах в общую численность работающих включают домашнюю прислугу, военнослужащих и т. д., в других не включают. В одних случаях берется отработанное время, в других — лишь оплачиваемое и т. д.

В Англии министерством труда исчисляется индекс выработки валового национального продукта на одного работающего. Валовой национальный продукт оценивается исходя из издержек на так называемые производственные факторы. Национальный институт экономических и социальных исследований определяет валовой национальный продукт путем сложения продукции различных отраслей экономики. Для промышленности, строительства, снабжения электроэнергией, газом и водой он исчисляет индекс выпуска продукции и на одного работающего, и на один час работы (обрабатывающая промышленность).

В Италии применяется показатель чистой национальной производительности труда, представляющей собой результат деления национального дохода в постоянных ценах (сумма валового национального продукта за вычетом издержек на производственные факторы и стоимости потребленного основного капитала) на общее количество отработанного времени.

Во Франции с 1949 года исчисляется индекс производительности труда на основе чистой продукции. Кроме того, национальный институт статистики и экономических исследований исчисляет индексы совокупной производительности всех факторов производства. Этот же институт применяет индекс выработки валового национального продукта на лицо, имеющее занятие, и на один

отработанный час. При этом в валовой национальный продукт включается оценка труда (на основе издержек этих видов труда) государственных служащих, военнослужащих и домашней прислуги.

В Федеративной Республике Германии имеется несколько индексов производительности: выработка продукции на одного работающего, на одного работника, получающего заработную плату, и на человеко-час в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. Кроме того, Федеральное статистическое управление исчисляет индекс выработки валового национального продукта на одного работающего, а также индекс национального дохода на душу населения и на одного работающего.

Статистика капиталистических стран включает в валовой национальный продукт не только продукцию материального производства, но и услуги, определяет темп их роста. Буржуазная экономическая наука в соответствии со своей методологией исчисляет валовой национальный продукт на одного работника и в производстве услуг.

Если судить условно о производительности труда по национальному доходу, приходящемуся на душу населения, то ее уровень в 1963 году в капиталистических странах был таким (см. табл. на стр. 174).

Валовой национальный продукт и национальный доход на одного человека в крупных европейских государствах (ФРГ, Франция, Великобритания) составлял в 1960 году от уровня США около 50 проц., в Италии и Японии этот процент еще меньше. Таким образом, производительность труда в народном хозяйстве главных европейских стран почти в 2 раза ниже, чем в США, при этом разрыв меньше в сельском хозяйстве и несколько больше в промышленности.

Если исчислить национальный доход на одного работника, занятого в производственной сфере, то разница в уровне производительности труда экономически развитых и слаборазвитых стран будет больше, поскольку удельный вес лиц, сосредоточенных в материальном производстве, значительно ниже в первой группе стран.

С учетом скрытой безработицы темп изменения валового национального продукта значительно меньше. Так,

Национальный доход на душу населения
(в долл., по официальному курсу валют) [1]

Страны	По методологии, принятой в капиталистических странах, т. е. включая повторный счет доходов, полученных в непроизводственной сфере	По методологии, принятой в статистике СССР, т. е. без повторного счета доходов, полученных в непроизводственной сфере
США	2 528	1 825
ФРГ	1 307	1 020
Англия	1 247	910
Швеция	1 798	1 259
Франция	1 270	957
Япония	507	401
Турция *	199	149
Швейцария *	1 583	1 187
Канада	1 593	1 084

* 1962 год.

в США он снижался в среднем в год (1955—1960 гг.) до 1,8 проц., в Канаде — до 1 проц., в Великобритании — до 1,9 проц., в ФРГ — до 4,5 проц., во Франции — до 3,6 проц., в Италии — до 3,8 процента.

Интересно подчеркнуть, что в сельском хозяйстве, перешедшем в стадию машинного производства, темп роста производительности труда во всех этих капиталистических странах (за исключением Италии) был более высокий, чем в промышленности, причем в США он был в 2 раза выше, а в Канаде — почти в 3 раза. Так, в США часовая выработка увеличивалась ежегодно в 1948—1953 годах в сельском хозяйстве на 6,2 проц., а в обрабатывающей промышленности — только на 3 процента. В Англии в 1959 году она составила 139 проц. по сравнению с 1950—1952 годами, а в промышленности — только 119 проц., в Дании — 151 и 124 проц. и в Бельгии — 146 и 126 процентов. В ФРГ также рост производительности труда в промышленности отставал за эти годы от роста ее в сельском хозяйстве.

[1] Пересчет национального дохода капиталистических государств в доллары США произведен по официальному курсу валют (см. «Народное хозяйство СССР в 1963 году». Статистический ежегодник. Госстатиздат, 1964, стр. 71—72).

Проблема сравнения производительности труда отдельных стран довольно сложна. Трудности эти определяются неодинаковой структурой хозяйства, различиями в покупательной способности национальных валют, в методах учета продукции и рабочей силы, степенью специализации и кооперирования производства и т. п.

Особенно сложно сравнение уровня производительности труда стран, различных по своей социально-экономической природе. При этом экономисты пользуются различными методами: сравнивают размер валового продукта, валовой или чистой продукции, приходящейся на одного работника, уровень издержек производства в отдельных странах и т. д. Проще всего сопоставлять количества выработанной продукции на одного рабочего за год, за месяц в ценностном выражении или затрат труда на единицу продукции в натуральном выражении. Но такие сопоставления возможны далеко не во всех производствах. Кроме того, при сравнении продукции в натуре игнорируется качество продукции, а повышение производительности труда нельзя сводить лишь к росту количества продукции в единицу времени без учета ее качества.

В некоторых случаях для характеристики динамики и уровня производительности труда используются размеры затрат сырья, топлива, энергии на единицу продукции и т. д. За последнее время в капиталистических странах часто применяется сравнение межрайонной производительности труда по методу чистой продукции. Продукция при этом выражается в какой-либо валюте по курсу покупательной способности.

Большое значение для сравнения имеет и выбор года, поскольку капиталистическая экономика развивается циклически. Кроме общих данных по странам при изучении производительности труда применяется выборочный метод: берется несколько типичных предприятий разных стран и сопоставляются их показатели. Особенно часто выборочный метод применяется в ФРГ, Австрии, Нидерландах и других странах. Но и при этом встречаются специфические для капиталистической экономики трудности — не все капиталисты дают согласие на обследование своих предприятий. Статистика зарубежных стран часто использует не отчетные, а нормативные данные о динамике производительности

труда. В тех случаях, когда профсоюзы рассматривают рост производительности труда как одно из условий необходимого повышения заработной платы, статистика монополий занижает темпы роста выработки рабочих. Статистика капиталистических стран в области производительности труда далека от совершенства.

Показатели производительности труда при социализме

На всех этапах хозяйственного строительства в нашей стране придавалось большое значение проблеме производительности труда. Именно советской экономической науке принадлежит приоритет в постановке и разработке этой проблемы во всех ее аспектах.

Рост производительности труда — общий закон всех общественно-экономических формаций. Но каждый способ производства определяет специфические, свойственные ему формы осуществления этого закона.

Производительность труда оказывает решающее влияние на темпы накопления национального дохода, на темпы развития народного хозяйства СССР. Рост производительности труда — важнейшая предпосылка роста выпуска продукции на душу населения и улучшения материального благосостояния трудящихся. В условиях социалистической экономики результатами роста производительности труда являются как повышение уровня потребления, так и сокращение рабочего дня и увеличение свободного времени.

Производительность труда мы понимаем в узком и широком смысле: в первом случае речь идет о снижении затрат только живого труда, заключенного в единице продукта, во втором — об уменьшении живого и овеществленного труда. Наша плановая и хозяйственная практика имеет дело преимущественно с показателем производительности живого труда (в виде выработки продукции на одного работника в год, в месяц, за день и т. д.). Это очень важный экономический показатель. Понятие общественной производительности труда шире.

Повышение производительности труда означает, что в единицу общественно необходимого рабочего времени производится все больше продукции, или, другими сло-

вами, на производство единицы продукта затрачивается меньше рабочего времени.

Повышение общественной производительности труда, или экономия общественного труда, определяя ряд важных явлений в экономике, проявляется в различных формах: в повышении производительности живого труда, экономии овеществленного труда в основных и оборотных фондах, повышении эффективности капиталовложений, снижении затрат труда, связанных с доставкой, распределением и т. д. Как правило, рост выработки работника ведет к снижению себестоимости продукции, поскольку экономия живого труда сочетается с экономией овеществленного или перекрывает увеличение овеществленного труда в единице продукции.

Повышение производительности труда во всех сферах материального производства, происходящее на основе новой техники и технологии, дальнейшего развития общественного характера труда, улучшения организации труда и производства, является главной формой проявления закона экономии общественного труда.

Показатель производительности живого труда (выработка на одного рабочего в единицу времени) очень важен, ибо живой труд играет активную роль в производстве и создании стоимости. Например, в производственных издержках промышленности доля заработной платы составляет около 20 проц., а если учесть всю вновь присоединенную стоимость, то она будет составлять в стоимости валовой продукции около 50 процентов. Роль живого труда в процессе производства значительно выше того, что отражает показатель заработной платы в себестоимости. При этом мы не должны забывать, что односторонняя экономия только живого труда может привести к внедрению лишь такой техники в производство, которая, повышая индивидуальную выработку, не будет снижать общие затраты труда. Поэтому нельзя ограничивать понятие производительности только одним показателем.

Методологические проблемы, связанные с исчислением динамики затрат живого труда, приобрели в настоящее время особое значение. Какой метод (ценностный, натуральный, трудовой или метод условных единиц) наиболее точно отражает изменения в затратах труда? Известно, что выработка валовой продукции на

работника без учета структурных сдвигов в производстве, повышения в структуре промышленности более трудоемких или материалоемких изделий может дать не совсем верную картину.

Производительность труда, исчисленная на базе валовой продукции, дает возможность предприятиям в некоторых случаях искусственно повышать выработку рабочих без действительного снижения затрат живого труда на единицу продукции и даже при росте последних (использование полуфабрикатов со стороны, увеличение выпуска дорогостоящей продукции, завышение цен на новую продукцию и т. д.). Таким образом, этот показатель не всегда стимулирует повышение производительности труда и может дать не вполне объективную картину использования труда. Поэтому в современных условиях выработку валовой продукции на рабочего как показатель производительности труда, особенно в обрабатывающих отраслях и предприятиях с высоким удельным весом материальных затрат и кооперации, необходимо контролировать другими показателями.

На показатель выработки валовой продукции на рабочего сильное влияние оказывают изменения отраслевой структуры промышленности. Если не учитывать этого обстоятельства, то при исчислении средней выработки рабочего в промышленности мы по существу будем соизмерять уровень производительности в разных, несопоставимых отраслях. В этом отношении индексный метод измерения производительности труда по отдельным отраслям имеет несомненные преимущества.

Совершенствование системы цен в первую очередь по линии соответствия их общественно необходимым затратам позволит лучше выражать динамику производительности труда. Следовательно, упорядочение ценообразования создаст условия для более реалистического выражения физического объема производства и производительности труда.

Теоретически наиболее эффективным методом определения производительности труда, особенно для предприятий и цехов, является учет труда непосредственно в рабочем времени, трудоемкости. В настоящее время проводится экспериментальная работа по определению полных трудовых затрат, для чего используется межотраслевой баланс и математические методы, с помощью

которых определяются коэффициенты полных затрат в человеко-часах на рубль продукции отрасли.

В промышленности происходят большие сдвиги в области техники и технологии, влияющие на объем производства и производительность труда в разных направлениях. Так, увеличение роли синтетического сырья в балансе сырья текстильной промышленности, означающее экономию труда, в то же время снижает во многих случаях выработку продукции на одного рабочего.

Ценностными и структурными изменениями в значительной степени объясняется разница в темпах роста выработки рабочих отдельных совнархозов по годам.

В ряде отраслей, например в машиностроении, полиграфии, строительстве, деревообрабатывающей, пищевой промышленности, текстильной и других, наблюдается переход к более сложным, высококачественным и трудоемким изделиям, причем из более дешевых материалов (применение пластмасс и других синтетических материалов, замена кирпича железобетонными и крупнопанельными конструкциями и т. д.).

Несмотря на теоретические и практические трудности исчисления производительности труда на основе учета трудоемкости продукции, этот метод, особенно в связи с применением вычислительной техники, должен широко применяться. В ряде отраслей промышленности (черная и цветная металлургия, нефтедобыча, текстильная и некоторые другие) трудоемкость продукции вообще не определяется, а там, где исчисляется, отсутствует какое-либо методологическое единство. При исчислении трудоемкости продукции берутся разные категории работников от 15 до 100 проц. численности промышленно-производственного персонала: в этих условиях отсутствует сопоставимость трудоемкости изделий по отдельным предприятиям. Показатель производительности труда, исчисленный на базе нормированного времени, охватывая только сдельщиков, не учитывает уровня квалификации труда, затраченного по нормо-часам.

Поскольку показатель производительности труда, исчисленный на основе валовой продукции, особенно в отраслях с частым изменением ассортимента продукции и использованием различных видов сырья и материалов, имеет недостатки, в настоящее время на ряде предприя-

тий применяется показатель нормативной стоимости обработки (основная и дополнительная заработная плата с отчислениями, цеховые и общезаводские расходы). Он не зависит от стоимости, созданной не на данном предприятии, поскольку исключает материальные затраты (сырье, покупные полуфабрикаты и т. д.). По своему содержанию нормативная стоимость обработки не соответствует ни себестоимости, ни стоимости, ни чистой продукции. В теоретическом отношении нормативная стоимость обработки обладает той неясностью, что не может выразить производительность труда как количество потребительных стоимостей, произведенных за определенное время. На этот показатель также оказывают влияние материальные затраты, входящие в цеховые и общезаводские расходы, амортизация; предприятия и цехи могут проявлять заинтересованность в наиболее «выгодной» продукции и т. д.

Поскольку фактическая стоимость обработки на предприятии может не совпадать с общеотраслевой, предприятия и при этом методе могут иметь «выгодную» и «невыгодную» продукцию. Как уже отмечалось, основную часть в нормативной стоимости обработки составляет заработная плата, размер которой складывается не только под влиянием динамики производительности труда, но и ряда других обстоятельств. Кроме того, утвержденные нормативы охватывают только основную продукцию (например, в швейной промышленности только швейные изделия), хотя фабрики производят и другую продукцию. Эта другая продукция оценивается по отпускным ценам 1955 года и входит в общий итог стоимости продукции фабрик, что, естественно, искажает объем производства и производительности труда. Применение нормативной стоимости обработки до сих пор вызывает большие споры.

Производительность труда и объем производства, исчисленные на базе нормативной стоимости обработки, как правило, дают более высокий процент роста, чем те же показатели, исчисленные на базе валовой продукции. Например, на предприятиях бывшего Татарского совнархоза объем производства в первом полугодии 1963 года по первому показателю увеличился на 13,7 проц., по второму — только на 9,1 проц., а за первые четыре месяца 1964 года соответственно на 11

и 4 процента. На заводе имени Петровского (Донецкая область) производительность труда по нормативной стоимости обработки в первом полугодии 1963 года составила по сравнению с соответствующим периодом прошлого года 106,4 проц., а производительность труда по валовой продукции — только 90,6 процента.

В швейной промышленности, в которой раньше, чем в других отраслях, стал применяться показатель нормативной стоимости обработки, темп роста производительности труда был следующий.

Выработка на одного работающего на швейных предприятиях Мосгорсовнархоза

(в проц. к 1958 г.)

	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.
По валовой продукции . . .	106,9	114,0	120,3	120,6
По нормативной стоимости обработки	107,7	115,1	122,4	124,7

Показатель нормативной стоимости обработки вовсе не исключает ряда недостатков планирования производительности труда в народном хозяйстве. Это условный показатель, теоретически мало определенный, лишь косвенно выражающий физический объем производства и производительности труда. Нормативы, составляющие основу этого показателя, быстро изменяются. В настоящее время имеется смешение индивидуальных и отраслевых нормативов. До упорядочения ценообразования применение нормативной стоимости обработки возможно лишь на ограниченном числе предприятий с высокой материалоемкостью и большими колебаниями рентабельности выпускаемой продукции.

При исчислении производительности труда в социалистической экономике можно было бы использовать показатель чистой продукции. Но этот показатель при наличии крупных недостатков ценообразования может быть применен лишь на предприятиях, не отличающихся большими колебаниями рентабельности. Если бы проблема приближения цен к общественно необходимым затратам была решена, показатель чистой продукции

мог бы иметь для многих отраслей большее значение при исчислении объема производства и производительности труда.

В современных экономических условиях трудно найти единый универсальный показатель производительности труда, подходящий для всех производств. На предприятиях с однородной продукцией (добывающие отрасли, электростанции и др.) следует шире применять натуральные индексы производительности, на других — условные. Следует добиться того, чтобы натуральные показатели производительности труда стимулировали выпуск более экономичных видов продукции и не находились в противоречии с требованиями развития и внедрения новой техники. Несомненно, важное значение имеет и будет иметь индекс производительности труда, построенный на основе трудоемкости продукции, в особенности если трудоемкость определена на базе общественно необходимых затрат.

Повышение качества продукции предприятий — обязательное условие развития промышленности. Качество продукции должно найти отражение как в показателях объема продукции, так и производительности труда, с тем чтобы предприятия, повышающие качество своей продукции, не ухудшали, а улучшали экономические результаты своей деятельности.

Как мы уже отмечали, выработка продукции на работника в той или иной отрасли не всегда тождественна общественной производительности труда как на предприятии, так и в народном хозяйстве, поскольку она (выработка) может быть повышена, например, за счет чрезмерного увеличения фондоемкости.

Рост общественной производительности труда происходит в разных формах. В одних отраслях снижение затрат живого труда происходит одновременно с уменьшением затрат овеществленного труда, в частности уменьшения фондоемкости; в других рост производительности живого труда перекрывает увеличение затрат овеществленного труда.

Уменьшение общего количества труда, живого и овеществленного, входящего в единицу продукта, является основным показателем повышения производительности общественного труда. Повышение производительности труда в широком смысле слова всегда означает сниже-

ние стоимости товара, поскольку производительность труда стоит в обратном отношении к стоимости.

Для определения стоимости товара как величины обратной производительности труда одни рекомендуют включать в себестоимость продукции (в определенном проценте) пропорционально заработной плате данного предприятия начисления на заработную плату, другие — величину прибавочного продукта определять пропорционально сумме основных и оборотных фондов предприятия, третьи — пропорционально себестоимости продукции и т. д.

Стоимость производства и транспортировки продукта к месту потребления — важнейший показатель производительности общественного труда. В связи с ростом технического состава фондов анализ овеществленного труда, входящего в состав продукта, приобретает все большее значение. В некоторой степени выполняет эту задачу учет овеществленного труда в показателе себестоимости продукции. Динамика себестоимости и роста выработки рабочих, конечно, неодинакова, снижение затрат живого труда на единицу продукции происходит быстрее, чем уменьшение общих затрат; динамика заработной платы и производительности труда в значительной степени определяет уровень себестоимости продукции. Но стоимость и себестоимость различаются не только в количественном, но и в качественном отношении: показатель себестоимости не охватывает всех затрат живого и овеществленного труда, а представляет лишь ту часть стоимости, которая включает затраты на израсходованные средства производства и на оплату труда, или, другими словами, дает возможность судить не о размерах затраченного прошлого и части живого труда, а о затратах на их оплату. Поскольку цены на средства производства не соответствуют их стоимости, себестоимость как часть стоимости не точно отражает эти затраты.

Таким образом, изменение стоимости продукта, конечно, в большей степени, чем себестоимость, характеризует динамику общественной производительности труда. При этом надо учитывать, что снижение стоимости продукции в данном производстве или отрасли может быть достигнуто за счет чрезмерного количества капиталовложений, образования чрезмерных запасов ма-

териалов, оборудования и т. д., поскольку размер потребляемых и применяемых ресурсов не совпадает. Чрезмерные капиталовложения в это производство задержат развитие других отраслей. Следовательно, снижение стоимости единицы продукции не всегда находится в соответствии с уровнем использования ресурсов страны и темпами увеличения объема производства. Таким образом, индивидуальная стоимость продукции при всей ее важности в некоторых случаях не характеризует полностью наивысший уровень общественной производительности труда.

В свое время было сделано предложение выражать уровень общественной производительности труда математической величиной $\frac{M}{a+b}$, где M—продукция, выраженная в каких-либо единицах полезности, например энергетических, a и b — единицы общественного труда: a — единица овеществленного, b — живого труда. Ленин по этому поводу сделал следующее замечание: «Математика хуже чем подозрительная. Никуда не годна»[1]. Проблема производительности общественного труда так сложна, что ее невозможно выразить каким-либо одним показателем, тем более таким неопределенным, как этот.

Наиболее общим показателем общественной производительности труда является не индивидуальная стоимость, а физический объем национального дохода, приходящийся на одного занятого в производственной сфере.

В экономической литературе было высказано мнение, что обобщающее выражение повышения производительности общественного труда нужно искать в уровне рентабельности. Рентабельность — важный показатель, но лишь при условии, когда цены основаны на общественно необходимых затратах. Однако и здесь он не тождествен показателю общественной производительности труда. Достаточно сказать, что, если государство повышает заработную плату, уровень рентабельности понижается, хотя уровень производительности труда остается без изменения.

---

[1] XI Ленинский сборник, стр. 372.

Проблему общественной производительности труда с учетом овеществленного труда надо мыслить прежде всего применительно ко всему народному хозяйству. Исчисление производительности общественного труда в целом по народному хозяйству и по крупным экономическим районам страны имеет значение для планирования и обоснования объемов и темпов роста национального дохода и общественного продукта, распределения трудовых ресурсов по районам и отраслям производства и т. д.

Динамика производительности общественного труда в народном хозяйстве складывается не только под влиянием повышения уровня техники и организации производства, но и в результате структурных сдвигов в экономике страны, соотношения отраслей народного хозяйства, рационального размещения производства и трудовых ресурсов по отраслям и районам, экономии сырья, топлива, основных фондов и т. п. Уже одно сопоставление населения страны и размера национального дохода дает многое для суждения об уровне производительности труда. Что касается отрасли народного хозяйства или предприятия, то ни один изолированно взятый показатель по труду не может охарактеризовать всю полноту использования трудовых ресурсов. Каждый показатель (годовая выработка продукции в стоимостной форме или натуре на занятого работника, выработка в час, день, затраты труда на единицу продукции, урожайность, продуктивность скота, количество продукции на единицу земельной площади, себестоимость продукции и т. д.) характеризует определенную сторону экономики, и в совокупности они могут дать полную картину динамики и уровня производительности труда как в целом, так и в ее отдельных отраслях и районах производства.

Такие показатели, как урожайность и продуктивность скота, выражают в известной степени уровень производительности труда, но их нельзя отождествлять с ней. Более того, когда сравниваются разные страны, то эти показатели далеко не совпадают с показателями производительности труда. Например, США, имея более низкую урожайность и продуктивность скота, чем многие европейские страны, характеризуются в то же время более высокой производительностью труда в сельском

хозяйстве. Так, урожайность зерновых, а также производство мяса на 100 *га* сельскохозяйственных угодий, надой молока в среднем на одну корову и на 100 *га* угодий в США значительно меньше, чем в Западной Германии, Франции, не говоря уже о Голландии, Бельгии и т. д. Несмотря на это, производительность живого труда в сельском хозяйстве США значительно выше, чем во Франции или в Западной Германии. Большую роль в этом играет уровень механизации производства, размер посевной площади, количество скота, приходящееся на одного работника в сельском хозяйстве той или иной страны.

В нашей экономике показатель производительности труда должен быть самым тесным образом увязан с оплатой труда, с улучшением материального положения трудящихся. Это относится ко всем отраслям народного хозяйства, и особенно к сельскому хозяйству, в котором часто игнорируется взаимосвязь между оплатой и производительностью труда. Достаточно сказать, что в некоторых районах и республиках при более низкой производительности труда оплата труда в колхозах выше, чем в районах с бо́льшим размером валовой продукции, приходящейся на человеко-год и человеко-день.

Необходимо через систему цен на сельскохозяйственную продукцию, налогов, экономическую оценку земли добиваться оптимального соотношения между уровнем производительности труда, доходом и оплатой труда в колхозах с тем, чтобы стимулировать рост сельскохозяйственного производства. Интересы развития народного хозяйства требуют улучшения планирования производительности труда.

В этом отношении, как уже отмечалось, имеет большое значение решение проблемы ценообразования на основе общественно необходимых затрат. Разрыв между многими ценами и общественно необходимыми затратами затрудняет учет труда в производстве, ослабляет стимулы повышения эффективности производства, технического прогресса, затрудняет анализ экономики отдельных отраслей промышленности и т. д. Экономически обоснованные цены на продукцию — важнейшее условие улучшения планирования производительности труда. Цена призвана реально измерять общественный труд.

Решение проблемы цен в первую очередь по линии большего соответствия их общественно необходимым затратам, применение натуральных и условных показателей производительности труда на предприятиях и в отдельных отраслях, а также показателя трудоемкости позволяют лучше планировать производительность труда.

Надо поставить задачу изучения производительности живого труда в масштабе народного хозяйства, что до сих пор не делается, а между тем это очень важно.

Задача состоит в том, чтобы добиться измерения реального повышения и уровня производительности труда на предприятии, в колхозе, отрасли и во всем народном хозяйстве, помня, что производительность труда — это в последнем счете самое важное, самое главное в нашей экономике.

О. Е. Губарева

К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО УРОВНЯ ТРУДЯЩИХСЯ

Жизненный уровень как экономическая категория

Жизненный уровень населения определяется способом производства.

В капиталистическом обществе, где целью производства является получение наибольшей прибыли капиталистами путем усиления эксплуатации рабочего класса, жизненный уровень рабочих определяется прежде всего законом прибавочной стоимости и абсолютным всеобщим законом капиталистического накопления. Жизненный уровень трудящихся обусловлен действием и других экономических законов капитализма: законом средней прибыли и цены производства, законом монопольной прибыли и др.

При социализме жизненный уровень населения определяется действием основного экономического закона социализма, законом неуклонного роста производительности труда, законом неуклонного повышения благосостояния трудящихся, законом распределения по труду и др.

Зависимость повышения жизненного уровня от развития социалистического производства осуществляется прежде всего через закон неуклонного роста производительности общественного труда, потому что темпы роста социалистического производства главным образом зависят от уровня и темпов роста производительности общественного труда.

При капитализме закон повышающейся производительности труда обусловлен действием закона прибавочной стоимости. Повышение производительности тру-

да означает понижение стоимости рабочей силы, рост органического состава капитала и увеличение безработицы, обострение противоречий между производством и потреблением.

Что же конкретно понимается под жизненным уровнем?

Некоторые экономисты определяют жизненный уровень степенью удовлетворения сложившихся потребностей людей. Нам представляется, что это положение не является точным, так как сам уровень и структура сложившихся потребностей находится под действием развития общественного производства. Точнее было бы сказать, что жизненный уровень населения определяется степенью обеспеченности людей материальными и духовными благами. Но, как всякое краткое определение, оно отражает лишь наиболее общие, присущие данной экономической категории черты. Жизненный уровень определяется многими факторами. Для того чтобы сравнить жизненный уровень населения различных стран, а также отдельных групп населения и классов внутри страны, необходимо использовать целую систему показателей.

Какие же показатели следует учитывать при определении жизненного уровня населения?

Наиболее общим показателем и основным источником роста жизненного уровня является увеличение размера производства национального дохода на душу населения, и прежде всего той его части, которая поступает в фонд потребления. Однако этот показатель следует использовать с учетом особенностей социально-экономических отношений, господствующих в данной стране.

Обобщающим показателем жизненного уровня, который используется в социалистических странах, являются реальные доходы населения. В нашей стране учитываются реальные доходы рабочих, служащих и колхозников в расчете на одного работающего. Показателями реальных доходов являются: денежная заработная плата рабочих и служащих; денежные и натуральные доходы от общественного и личного подсобного хозяйства колхозников; бесплатные услуги, льготы и денежные выплаты населению за счет общественных фондов потребления. При определении реальных доходов насе-

ления учитывается индекс цен на предметы потребления и тарифы на услуги (квартирная плата, плата за проезд и др.), размер налогов, а также отсутствие безработицы и сокращение продолжительности рабочего дня.

Важными показателями жизненного уровня населения являются размеры производства и потребления продуктов и услуг на душу населения. Они дают больше возможностей сравнить жизненный уровень населения различных стран. При пользовании этими показателями следует учитывать социально-экономический строй и классовый состав населения страны. В капиталистических странах значительная доля наиболее ценных и высокого качества продуктов потребления поступает в распоряжение господствующих классов и их челяди. Поэтому расчет потребления продуктов на душу населения не дает еще правильной оценки жизненного уровня трудящихся. Фактический уровень потребления продуктов высокого качества на душу трудового населения ниже среднего душевого потребления.

Вопрос о показателях имеет огромное значение для выработки научно обоснованной методологии планирования повышения жизненного уровня.

В настоящее время при составлении народнохозяйственных планов в СССР используется система показателей, которая позволяет более правильно оценить достигнутый уровень жизни различных групп трудящихся и разработать научно обоснованный план его дальнейшего роста. Дальнейшее развитие получил основной синтетический показатель уровня жизни — *реальные доходы населения.* Реальные доходы рассчитываются теперь не только на одного работающего, но и на душу населения, что имеет большое значение в определении достигнутого уровня жизни народа. Расчет реальных доходов на душу населения более точно отражает фактический рост жизненного уровня, чем расчет на одного работающего, потому что число работающих в советских семьях увеличивается.

Более детально ведется определение повышения жизненного уровня за счет общественных фондов потребления. Учитывается объем розничного товарооборота на душу населения, потому что его рост является одним из показателей повышения жизненного уровня. Учитывает-

ся также обеспеченность трудящихся жильем и учреждениями культурно-бытового назначения.

План по повышению жизненного уровня советского народа составляет важную часть всего народнохозяйственного плана СССР.

Следовательно, к показателям жизненного уровня относятся: *производство национального дохода на душу населения; реальные доходы на одного работающего и на душу населения; производство и потребление продуктов на душу населения; розничный товарооборот на душу населения; средняя обеспеченность населения благоустроенной жилой площадью (особенно городского населения); благоустройство городов и сел, степень обеспеченности населения за счет общественных фондов потребления (общеобразовательными школами, среднетехническими и высшими учебными заведениями, дошкольными учреждениями, интернатами, учреждениями здравоохранения и отдыха, учреждениями науки и культуры); объем и качество работ по бытовому обслуживанию на душу населения; уровень социального обеспечения* и др. Необходимо также учитывать условия работы на предприятиях: длительность рабочего дня, степень интенсивности труда, постановку и охрану труда и др.

О степени повышения или снижения жизненного уровня народа нельзя судить на основании учета одного лишь показателя, даже если он имеет особо важное значение. Например, невозможно правильно определить жизненный уровень рабочих на основании только заработной платы, потому что она является лишь одним из показателей жизненного уровня трудящихся.

Закономерности движения жизненного уровня трудящихся при капитализме [1]

Жизненный уровень трудящихся капиталистических стран определяется закономерностями капиталистического воспроизводства.

Закон прибавочной стоимости является законом развития основного производственного отношения капита-

[1] Вопрос о жизненном уровне трудящихся как сложной, комплексной категории применительно к капитализму был четко поставлен и хорошо разработан на основе марксистской методологии в

лизма — отношения эксплуатации. Движение нормы прибавочной стоимости, выражающее степень эксплуатации рабочей силы, является экономической основой борьбы двух противоположных классов: класса капиталистов — за получение максимальной прибыли и рабочего класса — за нормальные условия воспроизводства рабочей силы, за повышение жизненного уровня рабочих. Закон прибавочной стоимости имеет определяющее значение в движении жизненного уровня рабочих. Это методологическое положение имеет общее значение для анализа жизненного уровня трудящихся всех капиталистических стран, как экономически слаборазвитых, так и высокоразвитых.

К. Маркс в «Капитале» отмечал, что «при сравнении заработных плат разных стран необходимо принять во внимание все моменты, определяющие изменения в величине стоимости рабочей силы: цену и объем естественных и исторически развившихся первейших жизненных потребностей, издержки воспитания рабочего, роль женского и детского труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величину»[1]. Национальные различия в величине заработной платы определяются различиями в стоимости рабочей силы. Более высокая заработная плата, как и более высокая стоимость рабочей силы в развитых капиталистических странах, не отменяет закона прибавочной стоимости, а может быть объяснена только на основе этого закона. К. Маркс отмечал, что норма эксплуатации может быть выше в развитой стране, поскольку различия в производительности труда увеличиваются значительно быстрее, чем различия в стоимости рабочей силы. Таким образом, определяющее влияние закона прибавочной стоимости на жизненный уровень рабочих имеет всеобщее интернациональное значение.

Закон прибавочной стоимости определяет все закономерности капиталистического воспроизводства, в том числе воспроизводство рабочей силы и положение рабочего класса в целом. XXIII главу I тома «Капитала»

докладе на Международной научно-экономической конференции, происходившей в октябре 1958 года в Берлине (см. «Проблемы кризисов и обнищания рабочего класса после второй мировой войны». Соцэкгиз, 1959).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 570.

К. Маркс начинает словами: «В этой главе мы рассматриваем то влияние, которое возрастание капитала оказывает на положение рабочего класса». К. Маркс назвал экономический закон, который отражает влияние капиталистического расширенного воспроизводства на положение рабочего класса, *абсолютным всеобщим законом капиталистического накопления.* Суть его состоит в том, что с увеличением общественного богатства и функционирующего капитала растет промышленная резервная армия, нищета которой прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. «Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал» [1].

Встает вопрос: действуют ли экономические законы, открытые К. Марксом, в условиях современного капитализма? Вопрос этот, как он ни парадоксален для марксистов, тем не менее приходится ставить, поскольку некоторые экономисты, ратующие за творческое развитие марксизма, отрицают по сути дела определяющее влияние экономических законов, открытых К. Марксом, на жизненный уровень рабочих высокоразвитых капиталистических стран. Так, академик Е. Варга в своей последней книге «Очерки по проблемам политэкономии капитализма» рассматривает проблему абсолютного и относительного обнищания в условиях современного капитализма вне связи с анализом действия абсолютного всеобщего закона капиталистического накопления. В итоге он фактически приходит к отрицанию абсолютного обнищания рабочих в высокоразвитых странах в современных условиях.

К. Маркс открыл всеобщий закон капиталистического накопления на основе глубокого анализа процесса капиталистического воспроизводства. Он показал, что процесс капиталистического расширенного воспроизводства есть процесс возрастания накопленной прибавочной стоимости. Накопление капитала как результат роста эксплуатации трудящихся означает быстрое увеличение постоянного капитала, что ведет к росту органиче-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 660.

ского состава капитала, то есть к относительному уменьшению роста переменного капитала. Отсюда постоянно увеличивается резервная армия пролетариата.

Может быть, в условиях современного капитала не действует закон преимущественного роста производства средств производства, не растет органический состав капитала и отсутствует резервная армия пролетариата? Однако анализ капиталистического воспроизводства в эпоху империализма говорит о том, что указанные законы действуют и в условиях современного капитализма. Так, промышленная резервная армия не исчезла. Более того, размеры ее выросли и в экономически развитых странах. Она существует теперь в форме хронической массовой безработицы и может в отдельные периоды в отдельных странах по разным причинам уменьшаться или увеличиваться. Могут изменяться формы относительного перенаселения. Но она не сошла со сцены капиталистического производства.

Для действительно научного анализа экономики современного капитализма экономические законы, открытые К. Марксом, являются подлинно *вечными научными ценностями.* И это очень хорошо показал В. И. Ленин в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма». Творческое применение марксистской экономической теории к анализу экономических отношений эпохи империализма дало возможность В. И. Ленину открыть особую, монополистическую стадию капитализма, в которой конкуренция не исчезает, но приобретает новые, более жестокие формы.

В условиях современного капитализма *абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления* модифицируется благодаря многим обстоятельствам. Главными из них являются наличие мировой системы социализма, что не может не учитываться капиталистами в их отношениях с рабочими, крах колониальной системы империализма, влияние милитаризации экономики в ряде развитых капиталистических стран и др. Но эти обстоятельства обусловливают лишь видоизменение закона, форм его влияния на жизненный уровень трудящихся, а не отменяют сам объективный экономический закон.

Отрицая по сути дела действие всеобщего закона капиталистического накопления в условиях современно-

го капитализма, Е. Варга считал, что он тем самым творчески развивает марксизм, и приклеивал ярлыки догматиков всем другим экономистам, считая, что они (догматики) якобы пытаются доказать отдельными, нетипичными фактами неизменность всех положений К. Маркса. Но дело обстоит как раз наоборот. Именно академик Е. Варга, как нам кажется, пытается обосновывать свои положения при помощи отдельных, нетипичных и поэтому неубедительных фактов и примеров.

На самом деле творческое развитие марксизма означает всесторонний анализ многочисленных фактов движения жизненного уровня трудящихся стран капиталистического мира в целом, а не только анализ жизненного уровня отдельных слоев трудящихся в отдельных развитых странах, допустим в США. Капитализм превратился в мировую систему хозяйства. Экономические законы капитализма действуют как во всей системе мирового капиталистического хозяйства, так и в отдельных капиталистических странах. Но их действие может проявляться в различных формах в зависимости от конкретных условий и обстоятельств. Можно ли на основе поверхностного анализа жизненного уровня отдельных слоев рабочего класса экономически высокоразвитых стран сделать вывод, что всеобщий закон капиталистического накопления не действует в условиях современного капитализма? Конечно, нельзя. Такой методологический прием не верен.

Как поступает К. Маркс, вскрывая влияние капиталистического воспроизводства на положение рабочего класса? На основе анализа развития капитализма в Англии он формулирует закон прибавочной стоимости, закономерности капиталистического воспроизводства, рост органического состава капитала и всеобщий закон капиталистического накопления как закон, в котором проявляется действие закона прибавочной стоимости на положение рабочего класса. Но эти выводы он делает не на основе анализа положения высококвалифицированных английских рабочих или рабочих, имеющих наиболее высокий уровень жизни в период подъема капиталистического производства.

Всеобщий закон капиталистического накопления, а значит, и процесс обнищания существуют и тогда, когда отдельные и притом значительные слои рабочего класса

могут иметь достаточно высокий и даже повышающийся жизненный уровень. К. Маркс иллюстрирует всеобщий закон капиталистического накопления на основе анализа положения *плохо оплачиваемых* слоев британского рабочего класса, положения *бродячего населения* Англии, ухудшения положения наиболее *высокооплачиваемых рабочих в период кризиса,* положения британского *сельскохозяйственного пролетариата* и положения *трудящихся Ирландии.*

Разве в условиях современного капитализма в самой богатой стране капиталистического мира — Соединенных Штатах Америки не существует плохо оплачиваемых слоев рабочего класса или бродячего населения или отсутствуют разорение американских фермеров и нищета среди сельскохозяйственного пролетариата? Разве не имеют место многочисленные факты роста безработицы и нищеты среди высококвалифицированных и квалифицированных рабочих США и в современных условиях в период кризисов и в другие фазы цикла? При этом многие квалифицированные рабочие, переживавшие длительную безработицу, уже не имеют возможности вернуться на высокооплачиваемую работу по своей специальности и вынуждены переходить на малоквалифицированную или неквалифицированную, а следовательно, на хуже оплачиваемую работу. По данным Американской федерации труда, из 600 тыс. квалифицированных рабочих, ставших безработными во время кризиса 1929—1933 годов, могли приступить к работе по своей специальности в 1940 году только 25 тыс. рабочих[1]. По этим же данным, более 90 проц. квалифицированных рабочих, ставших во время кризиса 1929—1933 годов безработными, деквалифицировались, жизненный уровень этих рабочих и их семей снизился.

Прогрессивные изменения в развитии производительных сил в США в послевоенный период, и прежде всего механизация и автоматизация производства, становятся бедствием для рабочих, потому что эти изменения еще больше обостряют проблему занятости, способствуют увеличению армии полностью безработных. В настоящее время в США официально признано, что 5,5 проц. самодеятельного гражданского населения яв-

[1] «The American Labor Federationist». July, 1940, p. 5.

ляется полностью безработным. Причем безработица в США и в послевоенный период имеет явную тенденцию к постоянному росту. Так, в 1957 году насчитывалось 2 936 тыс. человек полностью безработных, в 1959 году — 3 813 тыс., в 1960 году — 3 931 тыс., в 1961 году — 4 806 тыс., в 1962 году — 4 007 тыс., в 1963 году — 4 166 тыс. и в 1964 году — 4 140 тыс. человек [1].

Большое влияние на жизненный уровень рабочих оказывает частичная безработица, которая также растет. В 1950 году, по данным статистики, в США насчитывалось 10 176 тыс. человек, работающих менее 35 часов в неделю, в том числе 1 997 тыс. работали менее 15 часов в неделю, в 1960 году уже 11 528 тыс. человек работали менее 35 часов в неделю, в том числе 3 279 тыс. человек — менее 15 часов в неделю, в 1962 году 11 475 тыс. человек работали менее 35 часов в неделю, в том числе менее 15 часов в неделю — 3 553 тыс. человек [2]. Следовательно, число занятых менее половины рабочей недели увеличилось за 12 лет на 77 процентов. Полностью и частично безработные в США по отношению ко всему гражданскому самодеятельному населению составляли в 1962 году более 30 процентов. Особенно страдают от безработицы полуквалифицированные, неквалифицированные рабочие, а больше всего сельскохозяйственные рабочие.

Совершенно ясно, что жизненный уровень рабочих, страдающих как от полной, так и частичной безработицы, понижается абсолютно.

В качестве аргумента для отрицания абсолютного обнищания в развитых странах капитализма, например в Англии и США, иногда приводятся данные о росте реальной заработной платы рабочих в этих странах. Однако такой аргумент неубедителен, и прежде всего в методологическом отношении, потому что нельзя сводить вопрос о положении рабочего класса к заработной плате. При всей важности этого показателя он не может отразить в полной мере уровень жизни рабочих и движение этого уровня. Могут быть случаи, когда даже при росте средней заработной платы положение рабо-

---

[1] «Statistical Abstract of the United States», 1963, p. 221; «Monthly Bulletin of Statistical». April, 1965.

[2] «Statistical Abstract of the United States», 1963, p. 223.

чих не улучшается, а ухудшается, например вследствие большого роста безработицы и интенсивности труда.

Кроме того, сами данные о заработной плате, приводимые с целью доказать постоянное улучшение положения рабочих при капитализме, не внушают доверия. Так, в книге академика Е. Варги приведена таблица, в которой показано, что реальная заработная плата взрослых английских рабочих мужчин якобы выросла с 1850 по 1960 год в 3,3 раза [1]. Е. Варга критически относится к подсчетам динамики реальной заработной платы рабочих за длительный срок, которые произведены рядом советских экономистов. Однако данные таблицы, заимствованные им из статьи, опубликованной в журнале «Проблемы мира и социализма» № 8 за 1963 год, приведены без всяких критических замечаний. Между тем методология подсчета в этой таблице неясна и сами данные вызывают сомнения. Таблица составлена на основе двух показателей: средней реальной заработной платы всех рабочих за 1850—1938 годы и реальной заработной платы взрослых промышленных рабочих-мужчин за 1938—1960 годы. Таким образом, уровень реальной заработной платы взрослых промышленных рабочих-мужчин в 1960 году сравнивается со средним уровнем всех рабочих Англии в 1850 году. При такой методологии подсчета темп роста реальной заработной платы английских рабочих сильно завышается. Об этом можно судить по данным, приведенным в той же статье. Согласно этим данным, заработки взрослых рабочих-мужчин в 2—3 раза превышали заработки женщин и девушек, удельный вес которых в составе английского рабочего класса растет. Уже одно это обстоятельство обесценивает данные приводимой им таблицы.

Нет слов, при расчете реальной заработной платы за длительный период возникают определенные трудности. Но многие советские экономисты, рассчитывающие движение реальной заработной платы за длительный период на основе анализа массовых статистических материалов, хорошо показали, что реальная заработная плата рабочих капиталистических стран растет крайне медленно, а в отдельные, причем длительные периоды

[1] *Е. Варга.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма. Политиздат, 1964, стр. 130.

снижается. В мировой литературе имеются труды такого известного немецкого экономиста, как Ю. Кучинский, который в течение длительного времени ведет серьезные исследования в этой области. Данные этих исследований опровергают ту картину, которую нарисовал на основе случайных и ненадежных цифр академик Е. Варга.

К. Маркс, отмечая общую тенденцию заработной платы к понижению, вместе с тем не отрицал возможности повышения реальной заработной платы рабочих. В книге же академика Е. Варги признается лишь одна тенденция — тенденция роста реальной заработной платы рабочих в развитых капиталистических странах и тем самым искажается действительная картина.

Абсолютное обнищание в тех или иных странах, например в Англии и США, часто отрицается на том основании, что реальная заработная плата здесь выше, чем в других странах. В данном случае вопрос о движении жизненного уровня фактически подменяется другим вопросом — о сравнении жизненного уровня трудящихся различных стран. Дело в том, что, как это хорошо было показано на уже упомянутой нами Международной научной конференции в Берлине, происходившей в 1958 году, процесс обнищания есть процесс снижения жизненного уровня независимо от того, низок он или относительно высок. Следовательно, этот процесс может практически происходить и в рядах квалифицированных и высококвалифицированных рабочих США в случае, если они попадают в разряд безработных или в результате автоматизации переходят на другую, нижеоплачиваемую работу.

Процесс обнищания, таким образом, не равнозначен росту абсолютной нищеты. Но вместе с тем, раз этот процесс происходит, он означает сохранение и в определенных условиях расширение больших нищенских слоев, причем даже в тех странах, где жизненный уровень относительно более высок. Раз сохраняются законы капиталистического накопления, сохраняется и основа для роста нищеты. Разительным примером этого являются как раз США — самая развитая и богатая страна капиталистического мира. Наличие нищеты в Соединенных Штатах Америки признано теперь ведущими государственными деятелями. В послании конгрессу по поводу бюджета в январе 1964 года президент Джон-

сон писал: «Кроме того, этот бюджет предусматривает, что будут начаты новые и большие усилия с целью *вырваться из порочного круга хронической нищеты,* которая лишает наших сограждан справедливого участия в благах жизни в нашей стране. Мы обязаны дать всей молодежи в Америке возможность справедливого старта в жизни, а это означает, что мы должны взяться за устранение тех недостатков в просвещении, профессиональной подготовке, здравоохранении, в области возможностей — поступление на работу, из-за которых (недостатков) *основы нищеты* переходят от родителей к детям» (курсив мой. — *О. Г.*). В связи с этим в США был издан специальный закон о борьбе с бедностью, который подписан Джонсоном 20 августа 1964 года. Этот закон, конечно, не имеет реального значения для борьбы с бедностью и нищетой, потому что бедность и нищета коренятся в природе капитализма. Но он, безусловно, имеет большое значение как официальное признание наличия нищеты в США.

Наличие в США обширных бедствующих слоев трудящихся вынуждены признавать и многие американские буржуазные экономисты. «Утверждения, что американский жизненный уровень и уровень семейного дохода наивысшие в мире, — пишет Самуэльсон, — стали ныне банальными. Однако лишь немногие по-настоящему представляют себе, как *незначителен в действительности средний доход* американца, как велика *пропасть* между наиболее высокими и наиболее низкими доходами, как сильны колебания во времени в уровнях дохода» [1].

Как буржуазный экономист, Самуэльсон положительно оценивает книгу другого американского экономиста — Голбрейса «Общество изобилия», в которой прославляется американский образ жизни, но он критически подходит к выводам Голбрейса. «Понятно, что при отсутствии статистических данных впечатление об американском уровне жизни, — пишет Самуэльсон, — складывается под влиянием рекламы, занимающей в журналах целые страницы и рисующей счастливую американскую семью, которая живет в большом особняке с кондиционированным воздухом и имеет «бьюик»

[1] *П. Самуэльсон.* Экономика, стр. 124 (курсив мой. — *О. Г.*).

и еще один легковой автомобиль, приспособленный для перевозки грузов, моторную лодку, а также и все прочие хорошие вещи, создающие комфортабельную жизнь. В действительности, конечно, *такой образ жизни все еще не доступен 90 проц. американского общества* и даже большинству тех семей, из которых происходит избранная группа студентов колледжа»[1].

Самуэльсон пытается критиковать экономическую теорию К. Маркса, его выводы по поводу роста богатства на одном полюсе, нищеты — на другом. Но в то же время он вынужден признать, что «даже сегодня ни адская кухня Нью-Йорка или Гарлем, ни южная или северная окраина Бостона, ни «задворки» Чикаго и его «черная зона» не могут затмить бедность и убожество наших сельских районов: Тобэккороуд на дальнем Юге, отсталых в экономическом и культурном отношении районов Аппалачских гор, «пыльных районов» и горнопромышленных «городов-призраков»[2]. Следовательно, Самуэльсон признает и бедность и убожество определенных слоев населения США.

Выше отмечалось, что анализ влияния всеобщего закона капиталистического накопления будет односторонним и неубедительным, если его проводят на основе изучения жизненного уровня наиболее обеспеченных слоев рабочих в развитых капиталистических странах. К. Маркс иллюстрировал действие всеобщего закона капиталистического накопления на материалах не только Англии, страны классического капитализма, но и на материалах Ирландии, которая была фактически колонией Англии. Тем более в эпоху империализма необходимо проводить анализ действия всеобщего закона капиталистического накопления на основе многочисленных фактов и данных, характеризующих жизненный уровень рабочих всех капиталистических стран, включая экономически слаборазвитые, колониальные и зависимые страны. Империалисты эксплуатируют и угнетают трудящихся всего капиталистического мира.

Как мы видели, академик Е. Варга отрицал наличие абсолютного обнищания рабочих в развитых капиталистических странах, считая, по-видимому, что марксист-

---

[1] *П. Самуэльсон.* Экономика, стр. 125 (курсив мой — *О. Г.*).
[2] Там же, стр. 123.

ско-ленинская теория обнищания устарела и не может быть применима к анализу жизненного уровня рабочих в условиях современного капитализма. Но академик Е. Варга признавал наличие абсолютного обнищания в экономически слаборазвитых странах: «...в буржуазном мире, — писал он, — всегда были страны, в которых происходит абсолютное обнищание трудящихся. Такие страны имеются и сегодня. Это прежде всего те страны, в которых проникновение капитализма нарушило или разрушило старый общественный строй, но в которых на месте этого старого строя не сложился капиталистический способ производства» [1].

По логике этого утверждения получается, что в тех странах, где уже сложился капиталистический способ производства, абсолютного обнищания трудящихся не происходит. Но вряд ли можно отрицать тот факт, что Германия накануне первой мировой войны была развитой капиталистической страной и в ней вполне сложился капиталистический способ производства. Между тем, защищая марксистскую теорию обнищания от нападок реформистов о положении рабочих этой страны, В. И. Ленин в 1912 году писал: «Рабочий нищает *абсолютно,* т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать, ютиться по подвалам и чердакам» [2]. Значит, абсолютное обнищание трудящихся может происходить не только в пограничных областях капитализма, но и в развитых капиталистических странах.

Что же касается колоний и полуколоний, то процесс абсолютного обнищания там был связан не со слабым развитием капитализма, а с вторжением капитализма и жестокой колониальной эксплуатацией и ограблением их народов империалистическими хищниками.

Положение рабочих и борьба рабочего класса против капитала

Признание действия в условиях современного капитализма всеобщего закона капиталистического накопления отнюдь не означает признания абсолютного, всеоб-

[1] *Е. Варга.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма, стр. 117.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 221—222.

щего, непрерывного роста нищеты, потому что это в свою очередь означало бы признание прогрессирующего ослабления и даже вымирания, уничтожения рабочего класса. Непрерывному росту нищеты препятствует сопротивление рабочего класса, рост его силы и организованности, его борьба за повышение жизненного уровня. Именно поэтому классики марксизма-ленинизма возражали против таких формулировок в программе партии, которые говорили бы об абсолютном росте нищеты. Ф. Энгельс, рассматривая проект программы немецкой социал-демократической партии в 1891 году, отмечал, что неправильно говорить в абсолютной форме о росте нищеты, поскольку борьба рабочего класса создает росту нищеты некоторую преграду. «Но что *определенно* возрастает, — писал Ф. Энгельс, — это *необеспеченность существования*» [1].

Из этих замечаний Энгельса совсем не вытекает, что он отрицал действие всеобщего закона капиталистического накопления и возможность абсолютного обнищания пролетариата. Нередко спорят о словах, признают абсолютное ухудшение положения рабочих, но не признают абсолютного обнищания, признают рост необеспеченности рабочих, но отрицают действие всеобщего закона капиталистического накопления. В абсолютном ухудшении положения рабочих, в росте необеспеченности существования также проявляется всеобщий закон капиталистического накопления и абсолютное обнищание. Сама борьба рабочего класса против капиталистов диктуется условиями жизни рабочих, законами купли-продажи рабочей силы. Сопротивление рабочих, их отпор претензиям капиталистов тем сильнее, чем сильнее напор со стороны капитала, чем более сплочен и организован рабочий класс. «Только благодаря этому отпору, — писал В. И. Ленин, — несмотря на громадные жертвы, приносимые рабочими в борьбе, они отстаивают хоть сколько-нибудь сносный уровень жизни» [2].

В период общего кризиса капитализма рабочий класс ведет ожесточенную борьбу против снижения реальной заработной платы, вызываемой повышением цен на продукты потребления, ростом налогов, квартирной

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 233.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 56.

платы и др. Численность забастовок и забастовщиков в США не имеет тенденции к снижению и в послевоенный период. Колебания в численности забастовок и забастовщиков в послевоенный период подчинены определенным закономерностям движения капиталистического цикла, как и в период довоенный. За последние 20 лет число забастовок и забастовщиков в США увеличилось по сравнению с предшествующим периодом. Так, число забастовок с 1943 по 1962 год было в США в 2 с лишним раза больше, чем с 1923 по 1942 год, а забастовщиков — в 3 раза больше[1]. Причем повысился удельный вес забастовок, направленных на борьбу за улучшение условий и против интенсификации труда, против усиления эксплуатации рабочих. Рост классовых боев против усиления эксплуатации, против снижения жизненного уровня препятствует росту обнищания рабочих. Но эта борьба не может устранить экономических законов капитализма, в том числе и всеобщего закона капиталистического накопления.

Стремясь доказать рост реальной заработной платы в развитых капиталистических странах и улучшение условий труда рабочих, академик Е. Варга пишет: «Если реальная заработная плата рабочих США и Англии по сравнению с началом XX века уменьшилась, если условия труда ухудшились и ухудшаются все дальше, как объяснить то, что ни в США, ни в Англии коммунистические партии не смогли до сих пор завоевать большое влияние в массах...»[2] Следовательно, основу развития коммунистических партий и этих стран автор сводит к движению реальной заработной платы рабочих и условий труда. Такое объяснение чересчур примитивно. Оно теоретически и политически неверно. В нем отсутствует анализ сложных исторических, экономических и политических условий, в которых формировался, развивался рабочий класс Англии и США, создавались и развивались коммунистические партии этих стран. Если причиной отсутствия массовых коммунистических партий является рост реальной заработной платы, то почему же

---

[1] Рассчитано по данным статистического сборника «Труд при капитализме». Изд. «Мысль», 1964, стр. 894.

[2] *Е. Варга.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма, стр. 128.

во Франции и Италии, где, по данным, приведенным в книге академика Е. Варги, также растет реальная заработная плата, сохранились и развиваются массовые коммунистические партии, их влияние в массах растет? Ясно, что одной только динамикой реальной заработной платы нельзя объяснить ни действительного положения рабочих развитых капиталистических стран, ни тем более положения коммунистических партий этих стран.

В. И. Ленин, отмечая, что рабочий класс в борьбе против эксплуатации может добиться сносного уровня жизни, писал: «Но капитал концентрируется все больше, союзы фабрикантов растут, увеличивается число неимущих и безработных, а вместе с тем нужда пролетариата, и бороться за сносный уровень жизни становится все труднее. Дороговизна жизни, быстро повышающаяся за последние годы, часто сводит на нет все усилия рабочих» [1].

Нельзя забывать при анализе жизненного уровня рабочих о глубоких противоречиях в капиталистической экономике, об условиях, в которых развивается борьба рабочего класса. Экономические и политические условия классовой борьбы определяются законами капиталистического воспроизводства и конкретными условиями развития отдельных стран. Известно, например, что в некоторых развитых капиталистических странах, находившихся в выгодном положении на мировом рынке и взимавших большую дань с населения колоний и полуколоний, складывались благоприятные экономические условия для борьбы рабочего класса, который добивался некоторых уступок со стороны своей буржуазии. В то же время народы тех стран, которые находились в неблагоприятных условиях на мировом рынке, а тем более народы колоний и полуколоний испытывали все большие тяготы и все больший нажим на их жизненный уровень как со стороны своих, так и чужеземных эксплуататоров.

В послевоенный период возникновение и развитие мировой системы социализма явились фактором, облегчающим борьбу рабочего класса капиталистических стран за свои права. Наличие мировой системы социа-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 56.

лизма и экономического соревнования двух мировых систем заставляет капиталистов идти на некоторые уступки рабочему классу, усиливает позиции рабочих в их борьбе за повышение жизненного уровня. Все это вынуждает буржуазные государства в ряде случаев принимать законы, направленные на некоторое улучшение социального обеспечения (пенсии, пособия). Хотя меры буржуазных государств в области социального обеспечения имеют ограниченный характер, тем не менее они оказывают сдерживающее влияние на рост нищеты.

Распад колониальной системы империализма в какой-то мере ограничивает сферу действия всеобщего закона капиталистического накопления, поскольку в некоторых освободившихся от колониальной зависимости странах осуществляется экспроприация собственности крупного монополистического капитала, принимаются меры к обобществлению средств производства, к повышению жизненного уровня трудящихся. Империалисты не могут так, как прежде, осуществлять эксплуатацию трудящихся бывших колониальных и зависимых стран, расхищать их природные богатства и главную производительную силу общества — рабочую силу.

Конечно, многие бывшие колонии и полуколонии, освободившиеся от политической зависимости от империалистических стран, не добились еще экономической независимости, идет упорная борьба с монополиями. Экономическая помощь Советского Союза и других социалистических стран в развитии экономики играет большую роль в деле освобождения бывших колоний и полуколоний от экономической зависимости от империалистических стран, способствует развитию производительных сил экономически слаборазвитых стран, создает условия для повышения жизненного уровня трудящихся.

Наряду с этим в условиях современного капитализма имеются обстоятельства, которые действуют в сторону понижения жизненного уровня трудящихся. Сюда относятся империалистические войны, гонка вооружений и милитаризация экономики. Все бедствия и лишения, которые переносят трудящиеся во время войн, их подготовки и в последующие годы после войн, есть закономерный результат развития противоречий капита-

листического воспроизводства. Не только в период войны, но и после войны, а также в период подготовки к ней растут цены и налоги, усиливается интенсивность труда и эксплуатация трудящегося населения, растет нищета. Огромные потери, которые несет человечество от войн, говорят о том, насколько капитализм как система ограничивает возможности повышения жизненного уровня трудящихся. Подсчитано, что подготовка и проведение войн за период с 1900 по 1953 год обошлись человечеству в 4 000 млрд. долларов. Это в 12—13 раз больше, чем среднегодовой национальный доход всех стран мира, или составляет одну четверть всего созданного национального дохода мира за все эти годы [1]. В результате этих потерь резко снижался жизненный уровень трудящихся. Они понесли невозвратимые потери не только материальные, но и людских сил — главной производительной силы общества. Монополии же, особенно американские, всегда наживались на войне. Империалистические войны оказывают влияние на модификацию абсолютного всеобщего закона капиталистического накопления — усиливают его действие.

В послевоенный период получили дальнейшее развитие механизация и автоматизация производства, которые явились мощным орудием в руках капитала для наступления на жизненный уровень рабочего класса. Действие данного фактора на понижение жизненного уровня рабочих еще не развернулось в полной мере. Это дело ближайшего будущего. Но его грозное значение уже стало достаточно ясным для рабочего класса капиталистических стран. Поэтому при анализе влияния экономических законов капитализма на жизненный уровень трудящихся в современный период необходимо учитывать факторы и обстоятельства, которые, с одной стороны, несколько ослабляют действие абсолютного всеобщего закона капиталистического накопления, а с другой стороны, усиливают его влияние на положение рабочего класса.

Абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления действует во всех капиталистических странах и на современном этапе общего кризиса капитализма.

---

[1] «Мировая экономика и международные отношения» № 8, 1964, стр. 61.

Он действует в отдельных капиталистических странах, как экономически слаборазвитых, так и высокоразвитых, а также во всей мировой системе капитализма. Его действие претерпевает различные модификации, видоизменения в разных странах под влиянием различных обстоятельств. Но это модификация объективного экономического закона капиталистического воспроизводства, который будет существовать, пока существует капитализм.

А. Н. Гржегоржевский

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ УСЛОВИЙ ТРУДА

Содержание и значение проблемы условий труда. Связь условий труда с производственными отношениями

Среди требующих разработки методологических проблем политической экономии социализма большое и важное место занимают проблемы, связанные с *улучшением условий труда.*

Что такое условия труда? Каково их место и значение в системе общественного производства? Как известно, в экономической литературе пока еще нет единого, прочно установившегося и общепринятого определения этого понятия. Часто под условиями труда понимают вообще все условия жизни людей. Это слишком широкая трактовка. Но даже когда условия труда рассматривают только относительно производства, то их нередко также отождествляют с очень широким и недостаточно четко определенным понятием — культура производства. Иногда условия труда сводят к ограниченной группе факторов (это уже другая крайность); например, условиями труда считают лишь так называемую внешнюю среду, в которой трудится человек, или сводят понятие «условия труда» лишь к продолжительности рабочего дня или только к мерам по охране труда и технике безопасности. Между тем правильное понимание сущности условий труда помогает верно определить их подлинное значение и найти более эффективные пути их дальнейшего улучшения.

Методологической основой для уточнения этого понятия являются труды классиков марксизма-ленинизма, тщательно изучавших условия труда в капиталистическом обществе и всесторонне проанализировавших со-

вокупность элементов, составляющих условия труда. К. Маркс прежде всего подчеркивал связь условий труда с его содержанием: мучительной монотонностью, утомляющим однообразием повторяющихся простейших манипуляций или разнообразной производственной деятельностью, грубым, малоквалифицированным физическим трудом или трудом, требующим от рабочего определенной степени искусства, сочетания накопленных навыков физического труда с творческой умственной деятельностью.

К. Маркс обращал особое внимание на то, является ли труд чрезмерно продолжительным, тяжелым, изнурительным, вызывающим перенапряжение, бесконечные физические страдания, разрушение организма и отупление рабочего, или труд является нормально напряженным, естественно необходимым для человеческого организма, позволяющим сберегать и накапливать запас физических и моральных сил, необходимых для развития каждого человека и всего общества.

При изучении условий труда К. Маркс придавал большое значение уровню интенсивности труда, скорости работы машин и другого оборудования, их размещению в производственных помещениях, общей обстановке, в которой трудится человек (загрязненность воздуха в рабочем помещении, температура, влажность, шум и др.).

Такое понимание условий труда К. Маркс развил в разработанной им «Анкете для рабочих»[1]. Из анкеты видно, что К. Маркс подчеркивал неразрывную связь условий труда с оборудованием, технологией и организацией производства, с использованием рабочего времени, с положением рабочих в производстве и всего рабочего класса в целом в обществе. Хотя анкета составлена в 1880 году на основе обобщения условий капиталистической промышленности того времени, ценность работы велика и для анализа условий труда в современном капиталистическом производстве.

«Анкета для рабочих» имеет, несомненно, и большое общеметодологическое значение. Она в известной степени может и должна быть использована в исследованиях проблемы улучшения условий труда на социалистиче-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 233—240.

ских предприятиях. В ней, например, обращается внимание на необходимость тщательного изучения производственного процесса «не только с технической стороны, но также с точки зрения вызываемого им мускульного и нервного напряжения и общего влияния на здоровье рабочих». Она требует тщательного изучения вопросов, связанных с разделением труда на предприятии, с загроможденностью рабочего помещения машинами, с наличием перерывов в течение рабочего дня, с изменением интенсивности труда «вследствие развития машинного производства и роста производительности труда», с общей продолжительностью периода трудовой деятельности «рабочего среднего здоровья» в каждом данном производстве, с общим физическим, интеллектуальным и моральным состоянием рабочих — мужчин и женщин в разных отраслях производства.

Резюмируя в обобщенном виде выводы из своего анализа, К. Маркс писал, что содержанием условий труда являются «материальные условия, при которых совершается фабричный труд»; «условия функционирования труда»; условия, при которых протекают «труд и жизнь»; совокупность «всех условий, необходимых для жизни рабочего во время труда» [1].

Классики марксизма-ленинизма всегда подчеркивали также и важность исторического момента при анализе содержания условий труда. К. Маркс писал, что условия труда зависят от общественной формы производства, от того, рабочий ли существует для процесса производства или процесс производства для рабочего. В зависимости от этого условия труда могут быть либо «зачумленным источником гибели и рабства», либо «источником гуманного развития». В. И. Ленин связывал улучшение условий труда с победой социализма. Он писал, что при социализме технический прогресс «сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории» [2]. После победы революции В. И. Ленин, указывая на необходи-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 435, 473, 481, 437.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 94.

мость широкого внедрения машин во все отрасли производства, говорил, приводя, в частности, пример с добычей торфа: «...мы имеем необъятные богатства торфа. Но мы не можем их использовать потому, что мы не можем посылать людей на эту каторжную работу. Капиталистический строй мог посылать людей на каторжные работы. При капиталистическом государстве люди шли туда работать из-за голода, а при социалистическом государстве на эти каторжные работы мы посылать не можем, а добровольно никто не пойдет. Капиталистический строй все делал для верхов. Он о низах не заботился»[1].

Следовательно, условия труда — это бытие человека во время его производственной деятельности, они неразрывно связаны с содержанием труда и характеризуются в первую очередь степенью тяжести труда (включая его напряженность), степенью опасности и вредности для организма выполняемой человеком работы, непосредственно зависят от природы общественного строя. Этим определяется значение условий труда как сложной категории производства, имеющей важный экономический аспект.

Условия труда являются общей категорией производства, присущей всем общественным формациям. Но, как и всякая общая категория, условия труда могут быть правильно познаны лишь при строгом соблюдении исторического подхода, который раскрывает связь изменений в условиях труда и их влиянии на положение трудящегося с производственными отношениями данного общественного строя. Только такой подход позволяет проанализировать любую сложную категорию, исходя из сущности общественного строя и всего того, что выражает эту сущность.

Условия труда при капитализме определяются капиталистической формой собственности на средства производства, эксплуатацией наемного труда, капиталистическим применением техники производства, капиталистической кооперацией труда, враждебным рабочему классу буржуазным законодательством — всеми сторонами, характеризующими положение трудящегося при капитализме.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 152.

К. Маркс писал, что на капиталистических предприятиях машины «с регулярностью, с какой происходит смена времен года, создают свои промышленные бюллетени убитых и изувеченных» [1]. Такие же бюллетени, содержащие ежегодные сведения о десятках, сотнях тысяч и миллионах пострадавших на производстве рабочих, регулярно появляются и сейчас во всех капиталистических странах [2]. Эти факты являются настолько массовыми, что уже не раз с полным основанием говорилось о своего рода войне, непрерывной ожесточенной войне капиталистов за свои прибыли, особой войне, в которой жертвы несет лишь одна сторона — трудящиеся люди.

Но дело не ограничивается только несчастными случаями на производстве. Массовые профессиональные и общие заболевания, рост числа самоубийств на почве полного истощения духовных и физических сил, вызванного невыносимыми темпами работы, чудовищной интенсификацией труда, — все это типично и для современного капиталистического производства. Временами и при капитализме наблюдается некоторое улучшение условий труда. Однако оно не повсеместно, а проявляется лишь на отдельных участках производства как частичное улучшение условий труда небольших групп трудящихся. Эти улучшения носят вынужденный для капиталиста характер, определяются развитием классовой борьбы пролетариата. Эти улучшения являются в ряде случаев результатом общественного прогресса, в ходе которого в процессе развития производительных сил улучшаются отдельные элементы условий труда. Капитализм в таких случаях, как трутень, присваивает себе эти результаты. Следует также отметить, что при известных обстоятельствах для капиталиста может оказаться экономически выгодным некоторое улучшение условий труда, поскольку оно приводит к повышению производительности труда.

Рассматривая капиталистическое производство в целом и условия труда подавляющей массы рабочих во всех капиталистических и зависимых от капитализма странах, можно еще раз убедиться, насколько сохраня-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 436—437.
[2] См. «Труд при капитализме», стр. 736—769.

ет свою силу замечание К. Маркса о том, что капиталистический способ производства по самому своему существу за известной границей исключает всякое рациональное улучшение условий труда рабочих[1]. Объективно обусловленная цель капиталистического производства не только не содержит в себе возможности улучшения, а, напротив, предопределяет ухудшение условий труда рабочих. Капиталистический способ производства «в несравненно большей степени, чем другой способ производства, является расточителем людей, живого труда, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга... Только ценой колоссального расточения сил отдельного индивидуума обеспечивается и осуществляется развитие человечества в эту историческую эпоху, непосредственно предшествующую сознательному переустройству человеческого общества»[2]. Ничто в принципе не изменилось и в современном капиталистическом обществе. При социализме, победу которого предвидел и научно обосновал К. Маркс, улучшение условий труда содержится в самой цели производства.

Условия труда относятся к числу тех сложных категорий производства, в которых особенно наглядно проявляется диалектическая взаимная связь и взаимная обусловленность производственных отношений и производительных сил. Условия труда непосредственно зависят от всей материальной обстановки производства, и в первую очередь от применяемых в процессе работы средств производства (при помощи чего работает человек), предметов труда (что преобразовывается человеком в процессе труда), технологии и организации производства (как преобразовывает человек используемые им предметы труда и как организует он процесс своего труда). Всем этим обусловливается и такой важнейший элемент условий труда, как состояние внешней среды, в которой работает человек[3]. То общее, что имеется в

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 493.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 100—101.

[3] Внешняя среда характеризуется степенью загрязненности воздуха в рабочей зоне пылью, газами, парáми; температурой, влажностью воздуха, скоростью движения его потоков, атмосферным давлением; освещенностью (общей и местной, естественной и искусственной); шумом; вибрацией (общей и местной); сотрясениями; степенью стесненности рабочего пространства; особыми условиями

развитии производительных сил, в частности при капитализме и при социализме, сказывается и на отдельных моментах, характеризующих изменения условий труда под влиянием технического прогресса. К ним относятся различные изменения в содержании труда, появление ряда новых опасностей и вредностей для организма человека в связи с повышением параметров производственного оборудования и технологических процессов (мощностей, давлений, напряжений, скоростей, температур, шума, вибраций, излучений и др.), возникновение некоторых сходных проблем организации производства. Однако при социализме вопросы условий труда впервые в истории становятся в центр внимания всего общества и разрешаются при помощи последних достижений науки и техники.

Связь условий труда с действием экономических законов социализма

Требования экономических законов социализма не могут полностью и последовательно выполняться без непрерывного, повсеместного и всестороннего улучшения условий труда; изменения в условиях труда оказывают непосредственное или опосредованное влияние на формы и результаты осуществления экономических законов. Ниже будет рассмотрена связь условий труда главным образом с законом неуклонного роста производительности общественного труда.

Только при непрерывном и повсеместном улучшении условий труда могут полностью использоваться все возможности роста производительности общественного труда и совершенствования производства. Только при улучшении условий труда может происходить дальнейший рост материального благосостояния и духовного развития человека, сохраняется его здоровье, увеличивается продолжительность его жизни, всесторонне развиваются все его физические и умственные способности.

выполнения работ (под водой, под землей, на большой высоте); различного рода излучениями (ионизирующими, ультразвуковыми, электромагнитными и др.); степенью эстетизации общей производственной обстановки и отдельных рабочих мест и др.

Ростом производительности труда К. Маркс называл всякое изменение в производстве, приводящее к уменьшению затрат труда на изготовление единицы продукции. К. Маркс раскрыл понятие производительности совокупного труда, охватывающее как рост производительности живого труда, так и экономию овеществленного труда.

Улучшение условий труда повышает дееспособность рабочей силы непосредственно в процессе самого труда. Это выражается в увеличении доли производительно затрачиваемой мышечной и нервной энергии, в уменьшении доли затрат энергии на преодоление в процессе труда неблагоприятных условий. К. Маркс неоднократно подчеркивал, что повышение производительности труда является результатом большей эффективности, с которой применяется данное количество труда; результатом уменьшения доли непроизводительного потребления рабочей силы. Он говорил, что трудом является не всякое вообще, а производительное потребление рабочей силы [1]. Улучшение условий труда связано прежде всего с этой стороной процесса роста производительности труда, ибо оно приводит при прочих равных обстоятельствах к уменьшению общественно необходимых затрат труда, к уменьшению трудоемкости; ведь при неблагоприятных условиях труда требуются большие дополнительные затраты рабочей силы, не создающие соответствующего дополнительного продукта.

Как известно, показатель трудоемкости характеризует только часовую выработку. Поэтому для определения фактической производительности труда очень важен анализ использования рабочего времени в течение дня, недели, месяца, года. Улучшение условий труда повышает его производительность за счет лучшего использования месячного и годового фонда рабочего времени: сокращаются потери в результате уменьшения производственного травматизма, профессиональных болезней и общих заболеваний, непосредственно связанных с условиями труда. «Действительная экономия — сбережение — состоит в сбережении рабочего времени (минимум /и сведение к минимуму/ издержек производства); это

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 17; т. 23, стр. 353, 417, 421, 439; т. 26, стр. 451.

сбережение тождественно с развитием производительной силы»[1]. Говоря о связи условий труда с использованием рабочего времени, следует также иметь в виду тот факт, что для работников, занятых на участках производства с неблагоприятными условиями труда, социалистическое общество устанавливает регламентированные перерывы в течение смены, сокращенный по числу часов рабочий день, удлиненный отпуск. Создание более благоприятных условий труда уменьшает, а иногда и полностью устраняет необходимость в указанных мерах, увеличивает фонд рабочего времени, который может быть использован для производства продукции.

Повышение производительности общественного труда можно и следует рассматривать также и в длительной перспективе, то есть в перспективе всего периода активной трудовой деятельности человека. Улучшение условий труда, приводящее к уменьшению числа случаев преждевременного прекращения трудовой деятельности (из-за инвалидности или смерти) увеличивает этот период.

Условия труда непосредственно связаны с такой важной стороной действия закона роста производительности общественного труда, как рациональное использование трудовых ресурсов. Ведь все, о чем говорилось выше, прямо относится к этому вопросу. В дополнение можно отметить еще несколько существенных моментов.

Производительность труда зависит от уровня квалификации работников материального производства, который в свою очередь во многом зависит от условий труда. Чем лучше условия труда, тем меньше средств и времени требуется обществу для сохранения и воспроизводства квалифицированной рабочей силы, потому что дольше сохраняется и лучше используется квалификация работников, меньше перерывов в накоплении и использовании трудовых навыков, меньше случаев вынужденного переобучения работников по причинам, связанным с условиями труда, успешнее происходит процесс дальнейшего повышения квалификации во внерабочее время.

---

[1] Из неопубликованных рукописей К. Маркса. «Большевик» № 11—12, 1939, стр. 64.

Чем лучше условия труда, тем меньше текучесть рабочей силы, меньше случаев официально разрешаемых и даже требуемых (по предписаниям врачей) переходов на более легкую и менее опасную работу, тем больше возможностей для вовлечения в производство женщин и молодежи, которым законом запрещена работа по многим профессиям и специальностям в связи с условиями труда.

Как уже говорилось выше, рост производительности совокупного труда включает в себя не только повышение производительности живого труда, но и экономию овеществленного труда. Улучшение условий труда во многом способствует достижению такой экономии. Чем лучше условия труда, тем при прочих равных обстоятельствах выше степень непрерывности производственного процесса в масштабе предприятия, отрасли, экономического района, народного хозяйства в целом. Время производства приближается к рабочему периоду за счет сокращения потерь рабочего времени и связанных с этим простоев, улучшения использования основных фондов, ускорения оборачиваемости оборотных фондов. Повышение степени непрерывности процесса производства и обращения, как говорил К. Маркс, само является производительной силой труда. Улучшение условий труда способствует повышению уровня использования основных фондов и за счет лучшего укомплектования кадрами всех участков производства. Как известно, в настоящее время имеются некоторые трудности в обеспечении кадрами ряда участков производства, где сохраняются неблагоприятные условия труда.

Одним из характерных примеров связи условий труда с действием закона роста производительности труда является влияние на здоровье людей и экономику производства уменьшения числа утомительных ночных смен на ряде текстильных предприятий страны. На Куровском меланжевом комбинате после внедрения нового графика работы с сокращенным числом ночных смен, значительно улучшившего условия труда женщин-работниц, текучесть рабочей силы сократилась более чем на 14 проц., потери рабочего времени по болезни уменьшились на 43 проц., сократились и потери рабочего времени за счет прогулов, повысилась производительность труда и

улучшились другие экономические показатели производства [1].

Таким образом, условия труда находятся в сложной многосторонней связи с экономическим законом неуклонного роста производительности общественного труда. Без непрерывного повсеместного и всестороннего улучшения условий труда этот закон не может осуществляться полностью и последовательно.

Из анализа связи условий труда с производственными отношениями и экономическими законами социализма вытекает ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Рассмотрим кратко важнейшие из них.

Проблема условий труда принадлежит к числу сложных проблем комплексного характера, включающих широкий круг вопросов — технических, экономических, медицинских, психологических, правовых, социальных и др. Улучшение условий труда непосредственно связано с развитием техники и организации производства, с экономикой производства, жизненным уровнем трудящихся. Не боясь впасть в преувеличение, можно сказать, что трудно представить себе какую-либо область нашей производственной работы и социально-экономических отношений, которая прямо или косвенно не была бы связана с проблемой условий труда. Это требует всестороннего учета условий труда при решении всех основных производственно-технических и социально-экономических вопросов.

При социализме самой сущностью строя, производственными отношениями, функциями государства определяется закономерный характер улучшения условий труда. Опыт строительства социализма в нашей стране и в других социалистических странах подтверждает этот вывод. По мере развития производительных сил и производственных отношений улучшаются и условия труда; этот процесс протекает непрерывно [2]. Вместе с тем практика показывает, что на пути улучшения условий труда

---

[1] См. «Экономическая газета» № 12, 1965, стр. 28.

[2] Ежегодно выделяются большие специальные ассигнования на улучшение условий труда. Расширена сеть институтов гигиены труда и профессиональных заболеваний, институтов санитарии и гигиены, а также сеть профилакториев на предприятиях. Увеличено производство и улучшается качество спецодежды, спецобуви, средств

есть еще немало трудностей и недостатков. Ниже будут кратко рассмотрены некоторые из основных причин этих недостатков, а сейчас следует сказать, что имеющие место на ряде участков производства неблагоприятные условия труда *противоречат самому существу социалистического общественного строя* и говорят о том, что преимущества социализма используются нами еще далеко не полностью.

Сохранение на ряде производств неблагоприятных условий труда является особенно нетерпимым в период развернутого строительства коммунизма. Только при непрерывном, повсеместном и всестороннем улучшении условий труда возможно успешное решение всех задач коммунистического строительства, в их числе дальнейшего развития творческого характера труда и творческого отношения к труду, сознательной дисциплины труда, превращения труда в первую жизненную потребность человеческого организма.

Рассмотренные выше вопросы относятся не только к нашей стране, а ко всем социалистическим странам. Как в практическом, так и в теоретическом плане эти проблемы широко разрабатываются в Германской Демократической Республике. Там обоснованы и широко пропагандируются шесть «социалистических принципов охраны труда». Они включают в себя «единство планирования, производства и охраны труда и здоровья»; «устранение (Vermeidbarkeit) заболеваний и несчастных случаев»; создание «безопасной техники», «воспитание правильного отношения к сохранению здоровья» (Gesundheitserziehung); «политическую и юридическую ог-

---

индивидуальной защиты. Расширен состав технической, санитарной и правовой инспектуры. Систематически пересматриваются и постоянно совершенствуются действующие правила и нормы, регламентирующие условия труда. Например, 5 июня 1963 года были утверждены новые «Санитарные нормы проектирования промышленных предприятий. СН 245-63». По мере развития производственных отношений социалистического общества совершенствуются и меры по улучшению условий труда. Так, в последние годы в колхозах применяется система мер по предотвращению неблагоприятных условий труда, по предоставлению льгот и компенсаций за работу при неблагоприятных условиях труда, а также меры по оплате последствий этой работы, включая и соответствующее пенсионное обеспечение (по инвалидности). И здесь очевидна связь развития производственных отношений с развитием производительных сил, механизации и химизации сельского хозяйства.

ветственность государственных и хозяйственных руководителей за жизнь и здоровье подчиненных им работников»; «политико-моральную ответственность трудящихся за охрану своей жизни и здоровья, а также активное содействие осуществлению мер по охране труда и здоровья» [1].

Учитывая исключительную важность рассматриваемой проблемы, было бы целесообразно, на наш взгляд, организовать постоянный обмен результатами научных исследований и практическим опытом между всеми социалистическими странами в области улучшения условий труда, а также совместную разработку ряда актуальных теоретических и практических вопросов [2]. Это, несомненно, принесет большую пользу и будет способствовать ускорению процесса создания материально-технической базы социализма и коммунизма в странах мировой социалистической системы.

Основные пути улучшения условий труда при социализме

Исследование методологического значения рассматриваемой проблемы помогает изыскивать более эффективные практические методы и средства дальнейшего улучшения условий труда, а также совершенствования организации этой сложной работы.

Комплексный характер рассматриваемой проблемы объективно требует и комплекса мероприятий, совмест-

---

[1] Arbeitsschutz in Industriebetrieb. Autorenkollektiv. Sechste, überarbeitete Auflage. Verlag Tribüne, Berlin, 1964, S. 14—36. Ökonomik der Arbeit in der DDR. Autorenkollektiv. Dritte Auflage. Verlag «Die Wissenschaft», Berlin, 1964, S. 128—139. Gewerkschaften, Gesundheitsschutz, Arbeitsschutz, Sozialversicherung. Autorenkollektiv. Verlag Tribüne, Berlin, 1964, S. 179—250.

[2] Недавно в Болгарии состоялось совещание по вопросам охраны труда представителей профессиональных союзов восьми социалистических стран. На этом совещании после обмена мнениями были приняты важные решения, в том числе: «ежегодно обмениваться планами работ в области охраны труда; установить постоянный обмен информацией о состоянии производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, а также о новейших достижениях науки и практики в области техники безопасности и промышленной санитарии». Было решено также предпринять необходимые шаги для создания при СЭВ органа, ведающего вопросами охраны труда («Охрана труда и социальное страхование» № 2, 1965, стр. 14).

но принимаемых различными организациями и учреждениями для улучшения условий труда. Как показывает опыт, только при этом достигаются наиболее эффективные результаты. Комплексный характер совместно осуществляемых мероприятий предполагает планомерное и согласованное объединение усилий работников производства (предприятий, совнархозов, министерств, ведомств), научно-исследовательских, проектно-технологических и конструкторских организаций, медицинских работников (медико-санитарных частей, отделов и министерств здравоохранения), профсоюзных работников (предприятий, советов и центральных комитетов профсоюзов, ВЦСПС), органов специального государственного контроля (Госгортехнадзора, Котлонадзора и др.), общественных научно-технических организаций, работников в области трудового права и социального обеспечения. Такие планомерно согласованные усилия, осуществляемые на всех этапах производственного процесса — от стадии научного замысла и разработки проектов до создания, освоения и повседневного использования производственных объектов и процессов (зданий, сооружений, оборудования, технологии и организации производства), обеспечивают наибольший эффект.

Итоги большой и разносторонней работы, проводимой в области улучшения условий труда, показывают, что одной из самых главных и пока еще, к сожалению, не решенных задач организационной работы является именно планомерная и постоянно осуществляемая координация усилий[1]. Естественными организаторами такой согласованной деятельности все больше должны становиться местные и центральные органы профсоюзов вместе с Государственным комитетом по вопросам труда и заработной платы.

Совершенствование организационной работы по улучшению условий труда приводит к особенно благоприятным результатам, когда усилия предпринимаются *на решающих направлениях.* В данном случае таким решающим направлением является всесторонний учет

---

[1] В ряде областей и союзных республик предпринимались успешные шаги в этом направлении, в частности в Свердловской, в Волгоградской областях, в Грузии, Белоруссии. Но такая координация еще не стала системой в повседневной работе.

рассмотренной выше тесной взаимной связи условий труда с производительными силами социалистического общества, с социалистическими принципами создания и повседневного эффективного использования средств производства, его технологии и организации.

Соединение совершенствующихся в процессе социалистического воспроизводства вещественных факторов производительных сил с рабочей силой человека приводит к наиболее эффективным результатам лишь при благоприятных условиях труда. Это достигается, в частности, при максимальном соответствии между применяемыми средствами производства и психофизиологическими особенностями человека. Используемые в социалистическом производстве средства и методы производства должны способствовать всестороннему развитию человека и требовать этого развития. В этом отношении у нас имеется еще много недостатков и неиспользованных резервов. Одним из таких недостатков является известное отставание темпов улучшения условий труда от темпов расширения и обновления производственного аппарата. Случаи такого несоответствия, не вытекающие ни из сущности самой техники, ни тем более из природы социалистического общественного строя, вполне могут быть преодолены силами социалистического общества и, как показывает опыт, успешно преодолеваются на многих участках производства. Правильное понимание тесной связи условий труда с производительными силами помогает находить все более эффективные пути дальнейшего улучшения условий труда, показывает, как социалистическое общество может *направлять* развитие производительных сил, чтобы способствовать непрерывному и повсеместному улучшению условий труда.

Создание новых и реконструкция действующих производственных объектов — зданий, сооружений, оборудования (технологического, силового, подъемно-транспортного, вспомогательного и др.) — должны обеспечивать не только «чисто технические качества», но и одновременно дальнейшее всестороннее улучшение условий труда. Однако, как показывает практика, далеко не всегда так получается. Недавно Белорусский республиканский совет профсоюзов проверил и обсудил вопрос о том, как проектирующие организации соблюдают в проектах

санитарные нормы и правила техники безопасности. В процессе предварительного надзора было выявлено много серьезных недостатков, выражающихся в прямом нарушении государственных норм и правил по охране труда, технике безопасности и промышленной санитарии; в необоснованном увлечении проектированием зданий без нормального естественного освещения (так называемых бесфонарных производственных помещений); в занижении площадей, предназначенных для санитарно-бытовых помещений; в несоблюдении специальных отраслевых правил техники безопасности (в частности, при проектировании ряда предприятий химической промышленности); в недостаточном внимании к облегчению тяжелого ручного труда и др.

Нуждается в серьезном совершенствовании практика экспертизы новых и реконструируемых производственных объектов. Требования, направленные на улучшение условий труда, нередко предъявляются лишь на стадии эскизного проектирования, когда они еще не могут быть достаточно конкретными и детализированными. На наш взгляд, конкретизация и строгое соблюдение этих требований должны проводиться на всех последующих стадиях, вплоть до изготовления рабочих чертежей и окончательного создания объекта в натуре. Контроль на всех стадиях за неукоснительным исполнением этих требований целесообразно осуществлять одними и теми же организациями и по возможности одними и теми же лицами. Как показывает изучение практики экспертизы проектов, это далеко не всегда соблюдается. Многие из производственных объектов вступают в строй с нарушениями в области условий труда.

Такие грубые нарушения социалистических принципов создания и использования производственных объектов, к сожалению, упорно повторяются. В некоторых случаях их пытаются объяснить своего рода «официальными причинами»: уже утвержден план выпуска продукции новым предприятием и, следовательно, необходимо немедленно, при любых условиях труда начать производство. Иногда подобные нарушения пытаются объяснить «экономическими соображениями», стремлением достигнуть экономии при создании производственных объектов. Такое объяснение не выдерживает никакой критики, оно

несостоятельно. Во-первых, если бы даже и достигалась некоторая экономия, то она ни в коем случае недопустима в наших, социалистических условиях за счет нанесения ущерба здоровью людей. Во-вторых, никакой экономии в реальной действительности фактически не получается, ибо такая «экономия» при проектировании и создании объекта оборачивается громадными перерасходами средств после его ввода в строй. Перерасход получается в результате осуществления дополнительных мер по созданию благоприятных условий труда [1]. Если не удается обеспечить благоприятные условия труда, то возникает необходимость устанавливать соответствующие льготы и компенсации или производить выплаты в случае временной или постоянной потери трудоспособности.

В социалистическом обществе вновь создаваемые производственные объекты, особенно средства труда, а также вновь разрабатываемая технология производства не могут считаться в полном смысле слова новой техникой, если они по той или иной причине не обеспечивают дальнейшего всестороннего улучшения условий труда. Это не только является строгим официальным требованием, но и должно войти в плоть и кровь, в сознание каждого работника, занятого техническим совершенствованием производства. Поэтому все большее значение приобретает вопрос о повышении уровня и расширении объема знаний в процессе систематической переподготовки большого отряда научно-технической интеллигенции: научных работников, конструкторов, технологов, архитекторов, строителей, художников в области промышленного проектирования и многих других специалистов, прямо или косвенно участвующих в создании новых средств производства. Успешное решение сложной зада-

[1] Вот лишь один из примеров. В г. Новошахтинске в декабре 1959 года был введен в строй завод железобетонных изделий. Но при этом не были обеспечены благоприятные условия труда. Кровля арматурного цеха не была утеплена. В воротах цеха не были установлены калориферы для тепловых завес. В котельной завода не были смонтированы золоулавливатели. Работы по канализации не были закончены; по этой причине санитарные узлы пришлось оборудовать во дворе, без утепления. Душевые не были построены. Для исправления всех этих недоделок в целях создания благоприятных условий труда пришлось затратить 145 160 руб. (в новом масштабе цен).

чи улучшения условий труда требует не только большого профессионального опыта и высокого уровня специальных технических знаний. Нужна еще и серьезная марксистско-ленинская подготовка, глубокое понимание социальной роли техники, взаимодействия человека и техники в процессе социалистического производства. Необходимо понимание громадного значения условий труда для полного освоения в наиболее короткие сроки проектной мощности производственных объектов и эффективного повседневного использования всех их возможностей.

Особо важной становится задача улучшения подготовки молодых специалистов. Сведения, получаемые ими в области улучшения условий труда, не должны ограничиваться небольшим курсом техники безопасности и противопожарной техники. Они должны стать органической составной частью всех гуманитарных, общеинженерных и профилирующих специальных предметов, включаться в соответствующие лабораторные работы, в задания по производственной практике, по курсовому и дипломному проектированию, в содержание требований, предъявляемых во время курсовых и государственных экзаменов. В ряде институтов страны имеется уже хороший опыт в этом отношении. Большая работа проводится во всех указанных выше направлениях в Казанском химико-технологическом институте, в Белорусском политехническом институте и др.

Таким образом, важнейшими практическими мерами, обеспечивающими дальнейшее улучшение условий труда, причем улучшение коренное и всестороннее, являются: включение в соответствующие разделы народнохозяйственного плана, особенно плана создания и внедрения новой техники и плана материально-технического снабжения, комплекса конкретных мер по уменьшению тяжести труда, опасности и вредности выполняемой человеком работы; разработка и осуществление более эффективной системы подготовки и переподготовки работников научно-исследовательских учреждений, проектно-технологических институтов и конструкторских бюро, а также подготовки студентов вузов и втузов по вопросам, связанным с улучшением условий труда; дальнейшее совершенствование норм, правил, инструкций, регламентирующих условия труда и направленных на их улучшение, а также значительное повышение всех видов ответствен-

ности научно-исследовательских, проектных и строительных организаций за соблюдение этих правил и норм.

Все большее значение приобретает *экономическая* сторона проблемы условий труда. Следует заметить, что она разработана значительно меньше других сторон проблемы условий труда, например организационной, правовой, медицинской, технической и др. Как проявляется существо экономической стороны проблемы условий труда в повседневной практике хозяйственной деятельности? Социалистическое общество ежегодно выделяет специально ассигнуемые громадные и все возрастающие суммы для работы по улучшению условий труда. Кроме того, в этих же целях государство и профсоюзы расходуют еще много средств по различным каналам [1]. Однако эффективность использования этих средств, даже если ориентировочно определять ее лишь по некоторым условным показателям (более точная методика пока еще не разработана), довольно низка. По данным Института экономики СО АН СССР, она составляет в промышленности трех совнархозов Сибири (Кузбасского, Западно-Сибирского и Красноярского) от 30,8 до 56 процентов [2]. Поэтому особо важной становит-

---

[1] По предложенной нами классификации («Вопросы производительности труда в период строительства коммунизма». Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961, стр. 217) эти затраты могут быть сгруппированы следующим образом: затраты на предотвращение неблагоприятных условий труда; затраты на предоставление льгот и выплату компенсаций за работу при неблагоприятных условиях труда; затраты на оплату последствий работы при неблагоприятных условиях труда; другие затраты и потери производственного и непроизводственного характера, связанные с неблагоприятными условиями труда, например затраты на ремонт (восстановление) и возмещение поврежденного в результате вызванных неблагоприятными условиями труда несчастных случаев оборудования, инструментов, приспособлений, сырья, топлива, вспомогательных материалов, производственных зданий, сооружений и др.; затраты на обучение или переобучение лиц, пострадавших в результате неблагоприятных условий труда и переведенных на другую работу; многие другие виды затрат.

[2] В данном случае условный показатель эффективности затрат на охрану труда *(А)* определялся как отношение величины затрат на охрану труда по коллективным договорам и других затрат на эти же цели к сумме этих затрат и расходов на доплаты по тарифу, за дополнительный отпуск, а также на оплату дней временной нетрудоспособности, вызванных неблагоприятными условиями труда. Определялся и другой условный показатель *(Б)*, представляющий

ся задача значительного повышения эффективности затрат, направляемых на проведение мероприятий по охране труда и технике безопасности, по санитарии и гигиене труда и на другие аналогичные меры. Это особо важно и потому, что возможности выделения средств в каждый данный период времени, естественно, небезграничны.

Каким же образом наиболее рационально и наиболее последовательно решать эту трудную и очень сложную задачу? Большую помощь в этом может оказать глубокое и массовое изучение фактического состояния дела — условий труда, направления и использования ассигнуемых средств, а также их результативности. В 1964—1965 годах комиссия ВЦСПС по экономическим вопросам начала совместно с некоторыми научными учреждениями и представителями общественности такую работу на ряде предприятий различных отраслей промышленности.

Выяснение экономической стороны условий труда поможет изыскать наиболее эффективные пути использования затрат на улучшение условий труда, определить необходимую степень концентрации этих затрат на наиболее тяжелых и вредных в смысле условий труда участках производства. Это будет способствовать также сокращению производимых ранее расходов [1]. Иногда считают, что говорить об экономической стороне проблемы условий труда можно только в смысле сопоставления затрат на равнозначные по гигиенической эффективности

собой отношение всего фактически проработанного времени к сумме этого времени и потерь рабочего времени, вызванных неблагоприятными условиями труда. Для промышленности Красноярского СНХ, например, показатель *А* составлял в 1963 году 56 проц., а показатель *Б* — 67 процентов.

При всей условности этих показателей они могут быть использованы для предварительных расчетов и сравнительной характеристики эффективности затрат.

[1] Например, замена цианистых электролитов неядовитыми наряду с коренным изменением условий труда и устранением опасности для здоровья работающих людей делает ненужными большие расходы, связанные не только с защитными устройствами на рабочих местах, но и с особыми мерами по хранению и транспортировке ядовитых веществ. По данным Казанского химико-технологического института имени С. М. Кирова, условногодовая экономия при замене цианистых электролитов неядовитыми составляет 15 619 руб. (см. в кн. «Некоторые вопросы теории и практики использования в гальванотехнике неядовитых электролитов». Казань, 1964, стр. 219—225).

оздоровительные мероприятия. Такой метод, конечно, тоже необходимо применять, однако нельзя считать его единственным.

Постановка вопроса об экономической стороне рассматриваемой проблемы не может привести, как считают некоторые экономисты, к утилитарному подходу, противоречащему принципам советского гуманизма, или к подчинению этой важной работы узкомеркантильным, финансовым соображениям. Напротив, это полностью отвечает принципам советского гуманизма и социалистического хозяйствования, которые требуют, чтобы ни один рубль, затрачиваемый обществом на эти цели, не пропадал зря.

В основу исследований экономической стороны условий труда должна быть положена система показателей, характеризующих совокупность условий труда и их изменение на данном участке производства. Необходимо также количественное выражение всех затрат общества, производимых для улучшения условий труда, и всех расходов и потерь, вызываемых в результате неблагоприятных условий труда. Полное решение этой сложной задачи предполагает наличие определенной статистико-экономической базы, которая, к сожалению, еще очень слаба. Есть и другие затруднения, например невозможно точно количественно измерить экономическое значение условий труда, ибо, как известно, нет меры для оценки здоровья и жизни человека. Тем не менее, как было уже показано выше, есть все основания считать, что можно, пока в первом приближении, преодолеть эти затруднения и представить, каковы в действительности условия труда на разных участках производства, сколько средств затрачивается на улучшение условий труда, какова фактическая эффективность этих расходов, на какие участки производства следует в первую очередь направить средства.

Рассмотрим теперь некоторые конкретные вопросы, относящиеся к экономической стороне проблемы условий труда. Большую роль в разработке наиболее совершенных средств охраны труда и техники безопасности может сыграть система целевого материального стимулирования работников научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, проектно-технологических организаций и др. Между тем даже в новой, недавно утвер-

жденной системе мер по экономическому стимулированию технического прогресса этот вопрос не нашел должного отражения.

Составляя бюджет государственного социального страхования на 1965 год, ВЦСПС обязал советы профсоюзов «всемерно поощрять коллективы, добившиеся хороших результатов в сокращении потерь по временной нетрудоспособности; лучше использовать для этого ассигнованные по бюджету социального страхования средства на премирование профсоюзного актива» [1].

К сожалению, пока еще не разработана специальная система стимулирования работы по достижению непрерывного и всестороннего улучшения условий труда. Более того, иногда у коллективов, добившихся значительного улучшения условий труда, сокращаются, как ни странно, возможности материального поощрения работников производства [2].

Выше уже говорилось, что за работу при неблагоприятных условиях предоставляются льготы и выплачиваются компенсации. Система льгот и компенсаций непосредственно связана с организацией заработной платы. При совершенствовании системы оплаты по труду, как известно, стремятся добиться возможно большего соответствия между оплатой труда и его фактическими результатами. Для этого стараются устранять элементы уравниловки, уменьшать большие разрывы в оплате. Но при неблагоприятных условиях труда приходится не только сохранять достаточно большие разрывы в оплате, но и во многих случаях даже увеличивать их, для того чтобы обеспечить возмещение повышенных затрат рабочей силы, а также в целях борьбы с текучестью [3]. Такие разрывы в оплате отвечают содержанию

---

[1] «Охрана труда и социальное страхование» № 3, 1965, стр. 47.

[2] Так, работники Днепродзержинского коксохимического завода пишут: «Мы провели большую работу по оздоровлению условий труда на заводе. Люди стали меньше болеть, из года в год экономятся фонды соцстраха. Зато исчезла большая экономия заработной платы, а вместе с ней исчезли и некоторые резервы материального поощрения, в частности уменьшился фонд мастера... Коллектив, который работает лучше, больше заботится о человеке, лишился возможности поощрять людей за отличный труд» («Труд», 20 февраля 1965 года, стр. 2).

[3] Дополнительная оплата при неблагоприятных условиях труда, по мнению некоторых экономистов, служит не только удовлетворению

закона распределения по труду. По мере непрерывного и всестороннего улучшения условий труда разрывы в оплате труда будут постепенно устраняться.

Если такой момент не принимается во внимание при определении размеров заработной платы, в том числе для рабочих разной квалификации, то это отрицательно сказывается на экономических результатах производства. В практике работы предприятий таких фактов, к сожалению, немало. Вот лишь один из примеров. В фактической оплате особо тяжелого труда обрубщиков литья из углеродистой стали на Волгоградском тракторном заводе тарифная ставка составляла в 1963 году лишь немногим более половины, остальное — сдельный приработок и различные доплаты. Чем это объясняется? Тем, что после упорядочения заработной платы недостаточно были учтены фактические условия труда и различия в затратах труда. На этом же заводе на большом сборочном конвейере монтируются на тракторе четыре поддерживающих ролика. Операция выполняется вручную. За смену слесарь-сборщик должен смонтировать 180 таких роликов. Условия труда при выполнении этой операции тяжелые. Другая операция состоит в установке прицепной скобы; за смену рабочий устанавливает от 40 до 50 скоб; условия труда значительно легче и затраты труда в несколько раз меньше, чем у слесаря-сборщика по установке поддерживающих роликов. А как отражается различие этих работ в ставках? Только по сложности работ: одна работа — по третьему разряду, другая — по первому разряду. Оказались непринятыми во внимание фактические условия труда. Это привело к тому, что на рабочем месте по установке поддерживающего ролика текучесть рабочих очень велика: каждый месяц здесь работают новые рабочие [1].

Как на практике пытаются устранить эти недостатки в тарифных ставках? Чаще всего применяются такие средства: либо вводят (как делалось и раньше, до упо-

---

повышенных потребностей, но отчасти выражает также поощрение со стороны общества за согласие работать при этих условиях и, таким образом, действует в качестве материального стимула (*H. Lippold.* Arbeitsökonomik und Arbeitsschutz, 1965, S. 51).

[1] См. «Вопросы теории и практики социалистической экономики». Научные записки. Вып. 20. Волгоград, 1964, стр. 59, 60.

рядочения заработной платы) различные добавки, доплаты, либо повышают разряд рабочим, занятым при неблагоприятных условиях труда. Таким образом, жизнь заставляет увеличивать разрыв в заработной плате из-за условий труда, но применяемые методы этого увеличения, вынужденные методы, нельзя признать правильными, так как они снижают стимул к повышению квалификации, искажают реальную квалификационную структуру, усиливают роль произвольных элементов в заработной плате, то есть ведут к возрождению недостатков, которые были частично устранены в процессе упорядочения заработной платы. Эти и подобные факты снова и снова говорят о том, что необходимо полностью принимать во внимание и правильно оценивать фактические условия труда в самой тарифной ставке, ибо как раз условия труда и могут помочь более точно определить объективный критерий при установлении уровня заработной платы.

Рассмотрим теперь другой вопрос. Значительная часть расходов, вызванных особыми условиями труда, входит (и должна входить) в себестоимость продукции. Сюда относятся расходы на оборудование, приспособления, средства защиты, различные доплаты к заработной плате. В зависимости от роли в формировании себестоимости эти расходы являются основными затратами, непосредственно относящимися к производству (оплата труда, расходы на ограждение оборудования, обучение и переобучение и др.), и накладными, косвенно связанными с производством (общецеховые и общезаводские расходы). По-иному эти расходы можно классифицировать также как относительно переменные затраты (оплата труда и др.), так и относительно постоянные затраты (общецеховые и общезаводские расходы). По характеру связи с производством эти расходы делятся на производственные затраты предприятия (расходы на охрану труда и технику безопасности, на лечебно-профилактическое питание, на спецодежду, спецобувь, на оплату труда и др.) и внепроизводственные расходы (например, отчисления на выполнение научно-исследовательских работ, в том числе связанных с улучшением условий труда и др.). Изменения в условиях труда косвенно сказываются и на величине себестоимости продукции вследствие изменения производительности труда, качества продук-

ции, уровня использования оборудования, затрат на возмещение потерь сырья, топлива, вспомогательных материалов, на ремонт оборудования, производственных помещений и др., если в результате неблагоприятных условий труда произошла авария и т. п.

Все эти расходы фактически входят в себестоимость, но не выделяются отдельной строкой, в результате чего пока невозможно количественно определять влияние изменений в расходах, связанных с условиями труда, на величину себестоимости продукции. Однако такой подсчет необходим, так как общество заинтересовано в том, чтобы повышалась эффективность затрат, направляемых на улучшение условий труда.

Следует отметить, что расходование средств на обеспечение необходимых условий труда тесно связано с рациональным использованием национального дохода общества. Чем лучше условия труда, тем при прочих равных обстоятельствах меньше сумма непроизводительных расходов, тем больше средств направляется на дальнейшее улучшение условий труда, на повышение материального благосостояния трудящихся. Это происходит потому, что меньше требуется затрат на воспроизводство рабочей силы (из фонда индивидуального и фонда совместного потребления); меньше производится доплат к основной заработной плате, не приносящих дополнительной продукции; меньше требуется дополнительных затрат на оплату дней временной нетрудоспособности, на пенсионное обеспечение инвалидов, а также многих других затрат, связанных с неблагоприятными условиями труда [1].

Все эти моменты характеризуют улучшение условий труда как мощный стимул развития производства, ибо оно способствует сохранению и развитию главной производительной силы общества — рабочей силы трудящегося человека, уменьшению текучести кадров, повышению степени непрерывности производства, снижению больших непроизводительных затрат и др. Поэтому естественно возникает необходимость разработки и после-

[1] Многие виды помощи, связанной с условиями труда, работники материального производства получают еще и в натуральной форме (питание, жиры, спецодежда, спецобувь и др.). Пенсии инвалидам по причинам, связанным с условиями труда, выплачиваются в размере средней заработной платы.

довательного осуществления системы специального стимулирования всех видов работ по улучшению условий труда.

Таким образом, в области совершенствования распределения результатов производства с учетом условий труда особо важное значение имеют: дальнейшее улучшение системы заработной платы, в которой полностью учитываются фактические условия труда; внедрение на предприятиях и в совнархозах, министерствах, ведомствах обязательного учета всех затрат и потерь, связанных с условиями труда, а также установление регулярной отчетности о динамике этих потерь; разработка и внедрение системы материального поощрения коллективов предприятий, цехов и отдельных работников за улучшение условий труда и одновременно значительное усиление материальной ответственности за случаи длительного сохранения неблагоприятных условий труда и вызываемое этим увеличение затрат и потерь.

* * *

В настоящей статье были затронуты лишь некоторые вопросы методологии исследования проблемы условий труда и особенно экономической стороны этой проблемы. Даже это краткое рассмотрение приводит к выводу о том, что проблема условий труда должна все больше становиться предметом экономических исследований. Это поможет изысканию еще более эффективных путей дальнейшего улучшения условий труда.

Ш. Б. Лиф

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ИМПЕРИАЛИЗМА

К вопросу об основном экономическом законе капитализма

Ленинское учение об империализме является методологическим оружием для научного анализа новых явлений в условиях современного капитализма и дальнейшего развития экономической теории. К сожалению, за последние годы у нас появляется не так много работ по вопросам теории империализма, как это следовало бы. На этом фоне выделяется вышедшая в 1964 году книга академика Е. Варга «Очерки по проблемам политэкономии капитализма», в которой рассматриваются основные вопросы теории империализма.

В книге немало спорных, а подчас неверных положений. В настоящей статье мы решили затронуть некоторые вопросы теории империализма, имеющиеся в книге.

В разделе «Марксизм и вопрос об основном экономическом законе капитализма» Е. Варга поставил перед собой задачу «определить место основного экономического закона в марксизме»[1]. Задача чрезвычайно важная и интересная. Прежде всего Е. Варга дает свое определение экономического закона. Он пишет, что «законы являются *отражением* действительно происходящих процессов» (стр. 6; курсив мой. — *Ш. Л.*).

Но экономические законы капитализма, как и социализма, не являются отражением действительно проис-

[1] *Е. Варга.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма. Политиздат, 1964, стр. 51. В дальнейшем ссылки на страницы книги даются в тексте.

ходящих процессов. Они реально существуют как объективные законы, независимо от воли и сознания людей. А отражение этих процессов имеет место не в реально действующих законах, а в законах политической экономии.

В определении Е. Варга экономические законы, реально действующие в обществе, отождествляются с законами политической экономии. И хотя законы марксистско-ленинской политической экономии являются правильным отражением реально действующих экономических законов, их нельзя отождествлять. Они действуют в различных сферах. Реально действующие экономические законы являются законами движения базиса общества. А законы политической экономии — это законы науки, относящиеся к области теории.

Еще более спорной является трактовка основного экономического закона капитализма. Е. Варга утверждает, что основной экономический закон является лишь «разумной абстракцией», которая устраняет повторения, содержит «наиболее решающие *общие* закономерности экономики данной общественной формации» и является поэтому «полезной в дидактическом отношении» (стр. 25; курсив мой. — *Ш. Л.*).

Свое понимание основного экономического закона Е. Варга без всякого на то основания приписывает Марксу. «По мысли Маркса, — утверждает он, — основные законы должны представлять собой *разумную абстракцию, выделяющую действительно общее,* и что целесообразность и полезность такого выделения общего заключается в том, что это избавляет нас от повторений: не больше! Основные экономические законы не могут и не должны давать ничего нового» (стр. 29).

Е. Варга глубоко ошибался. Во-первых, К. Маркс никогда не рассматривал основной экономический закон формации лишь как «разумную абстракцию», «полезную в дидактическом отношении», а рассматривал его как реально действующий в жизни специфический закон движения данного способа производства.

Основной экономический закон есть закон развития основного производственного отношения данного общественного строя. Потому этот закон и является законом движения способа производства и тем самым выражает его основные, типичные черты.

При капитализме главным производственным отношением является отношение эксплуатации наемного труда капиталом. Характеристику этого производственного отношения как определяющего мы находим у Маркса и Энгельса. Закон прибавочной стоимости, являющийся законом развития основного производственного отношения, есть основной экономический закон капитализма.

Но Е. Варга выступает против определения закона прибавочной стоимости как основного экономического закона. Каковы его возражения? «Прибавочная стоимость, — писал он, — не только производится, но и присваивается, *присваивается буржуазией.* Этот процесс также очень важен, как и производство прибавочной стоимости» (стр. 28—29). И поскольку «говорится только о производстве прибавочной стоимости и не сказано ничего больше, то можно подумать, что производство прибавочной стоимости, т. е. капитализм, может существовать вечно» (стр. 29). В этом определении *«не хватает самой сути совокупности экономических законов марксизма»* (стр. 29). Возражений, как видим, много, но все они не основательны.

То, что К. Маркс называет закон прибавочной стоимости абсолютным, ничуть не противоречит тому, что он рассматривал его и как основной. Об этом свидетельствует то, что К. Маркс отводит этому закону центральное место в экономической теории. В. И. Ленин назвал учение о прибавочной стоимости краеугольным камнем экономической теории К. Маркса.

Что такое прибавочная стоимость? Это, как известно, есть стоимость, создаваемая трудом наемных рабочих сверх стоимости рабочей силы и безвозмездно присваиваемая капиталистами.

Закон прибавочной стоимости К. Маркса лежит в основе всех противоречий капитализма, ведущих его к гибели. И потому определение закона прибавочной стоимости как основного не нуждается ни в каких добавлениях и никак не может внушить мысль о вечности капитализма. И наконец, К. Маркс никогда не рассматривал основной экономический закон как совокупность законов. Трактовка основного закона как совокупности законов ведет на деле к тому, что или само понятие основного закона теряет свой смысл, или становится

бессмысленным выявление других экономических законов, ибо все они как бы растворяются в едином основном экономическом законе.

Е. Варга дал и свою собственную формулировку основного экономического закона капитализма. *«Капитал,* — пишет он, — *присваивая себе произведенную рабочими прибавочную стоимость, путем накопления и централизации концентрирует и обобществляет производство, создает материальные предпосылки социализма, все больше обостряет противоречие между общественным характером производства и частным присвоением, которое (противоречие) только на мгновение разрешается периодическими кризисами перепроизводства, делает власть капитала все более невыносимой для трудящихся всего мира и приводит капитализм к его неизбежной гибели путем пролетарской революции»* (стр. 29).

Вместо ясной и четкой теоретической формулировки закона прибавочной стоимости Е. Варга дает перечисление различных черт капитализма, вытекающих из действия закона прибавочной стоимости. В определении Е. Варга, закон прибавочной стоимости отождествляется с результатами его действия.

Е. Варга правильно критикуя сталинскую формулировку «основного экономического закона современного капитализма» и справедливо указывая, что «никакой основной экономический закон не в состоянии охватить все процессы и явления данного способа производства», «не может содержать все и даже все важные законы капитализма» (стр. 25), сам встал на этот путь и в своем определении основного экономического закона по существу пытался отразить все «наиболее решающие общие закономерности» капитализма.

Об экономической природе и источниках монопольной прибыли

В. И. Ленин установил, что экономической основой империализма является монополия. В монополии находит свое выражение дальнейшее развитие производственных отношений капитализма, а в законе монопольной прибыли — дальнейшее развитие законов прибавоч-

ной стоимости и средней прибыли. Категория монопольной прибыли выражает, с одной стороны, углубление эксплуатации наемных рабочих, непосредственных производителей, и народов экономически слаборазвитых стран, а с другой — расширение источников монопольной прибыли за счет перераспределения национального дохода в пользу монополий.

Вопрос об источниках монопольной прибыли имеет большое принципиальное значение. Ее источники показывают, какие классы эксплуатируются монополистическим капиталом, какие экономические и политические противоречия вызывает господство монополистического капитала.

Е. Варга признавал лишь один путь образования монопольной прибыли, а именно перераспределение доходов при помощи монопольных цен. Он не признавал усиления эксплуатации рабочих на предприятиях, принадлежащих монополиям, в качестве источника образования монопольной прибыли. Он пишет: «Объяснение монопольной прибыли повышенной эксплуатацией рабочих на монополистических предприятиях в качестве общей закономерности несостоятельно. Это справедливо лишь в особых случаях — для монополий в экономически слаборазвитых странах, где для местных рабочих устанавливается очень низкая зарплата» (стр. 167). Чем аргументируется это положение? Во-первых, тем, что, чем крупнее предприятие, тем выше техника, тем меньше удельный вес заработной платы в общих издержках производства и тем больше потери от остановки предприятий в случае стачек из-за заработной платы. Во-вторых, тем, что стачки из-за заработной платы получают политическое значение, вследствие чего «общие интересы класса капиталистов вступают в конфликт с интересами отдельных монополий, стремящихся диктовать своим рабочим условия труда» (стр. 167). Поэтому монополии якобы легко идут на уступки рабочим, заработная плата на предприятиях монополий высокая и никакого усиления эксплуатации рабочих здесь нет. С этими положениями мы согласиться не можем ни с теоретической стороны, ни со стороны тех политических выводов, которые отсюда следуют.

Основной частью монопольной прибыли является прибавочная стоимость, создаваемая трудом наемных

рабочих на предприятиях монополий. Высокий технический уровень производства на монополистических предприятиях является основой более высокой нормы эксплуатации. Нельзя судить о степени эксплуатации только по заработной плате. И при одинаковом и даже более высоком уровне заработной платы норма прибавочной стоимости, создаваемой каждым рабочим, на предприятиях монополий, как правило, выше, чем на немонополизированных предприятиях.

Весьма сомнительны рассуждения Е. Варга и потому, что они противоречат очевидным фактам. Крупнейшие стачечные бои рабочих монополизированных предприятий США, Англии, Франции и Италии говорят сами за себя. Если бы дело обстояло так, как писал Е. Варга, зачем тогда было бы рабочим выдерживать длительные и тяжелые стачечные битвы в целях повышения заработной платы и улучшения условий труда?

Положение Е. Варга о том, что в основе монопольной прибыли не лежит более высокая норма прибавочной стоимости на монополизированных предприятиях, игнорирует обострение противоречия между трудом и капиталом в период империализма.

Но если более высокая норма прибавочной стоимости не является основным средством образования монопольной прибыли, то за счет каких же источников она образуется?

Е. Варга считал, что главным источником монопольной сверхприбыли «является распределение совокупной прибавочной стоимости не в соответствии с величиной капитала каждого отдельного капиталистического предприятия, как это по тенденции было характерно для домонополистического капитализма; происходит перераспределение доходов в пользу монополий и в ущерб немонополистическим капиталистическим предприятиям» (стр. 173). По данным Е. Варга, около 80 проц. монопольной сверхприбыли составляет полученная путем перераспределения прибавочная стоимость, созданная в немонополизированной промышленности.

Нет сомнений, что существует глубокое противоречие между монополистическим капиталом и мелкими и средними капиталистами. Но это противоречие не является основным, определяющим. Е. Варга преувеличил противоречие между монополистическим и немонополи-

стическим капиталом и преуменьшил существующее основное противоречие между монополистическим капиталом и рабочим классом.

Прибавочная стоимость, извлекаемая посредством монопольных цен из немонополизированной промышленности, играет важную, но не определяющую роль и в образовании монопольной сверхприбыли. Если исходить из того, что основное назначение монопольной цены сводится к перераспределению прибавочной стоимости между капиталистами, то масса монопольной сверхприбыли будет определяться количеством прибавочной стоимости, извлеченной из немонополизированного производства. Но эти рамки весьма ограниченны. Объем немонополизированного производства в развитых капиталистических странах сравнительно мал и не определяет всей массы монопольной сверхприбыли, извлекаемой монополиями посредством монопольных цен.

Кроме того, перераспределение прибавочной стоимости, созданной в немонополизированной промышленности, затрагивает лишь интересы капиталистов, а не рабочих, которым безразлично, как распределяется и перераспределяется прибавочная стоимость между капиталистами.

Если основным, или главным, источником монопольной сверхприбыли является перераспределение прибавочной стоимости, то монопольные цены не являются орудием дополнительной эксплуатации рабочего класса. От того, как перераспределяется прибавочная стоимость между отдельными группами буржуазии, положение рабочего класса не меняется, его реальная заработная плата не снижается и норма прибавочной стоимости не понижается. При такой трактовке вопроса об источниках монопольной сверхприбыли монопольная цена не обостряет противоречия между монополиями и рабочим классом капиталистических стран.

В действительности монопольные цены являются средством перераспределения не только прибавочной стоимости, но и необходимого труда, то есть они являются также орудием дополнительной эксплуатации рабочих. Прибавочную стоимость, создаваемую рабочим классом, капиталисты изымают независимо от монопольных цен. Уже при капитализме свободной конкуренции

всеобщий закон капиталистического накопления, образуя резервную армию труда, создает условия для присвоения части необходимого труда. В основе монопольной сверхприбыли помимо той части, которая создается на монополизированных предприятиях, лежит часть необходимого труда рабочих.

К источникам монопольной сверхприбыли Е. Варга справедливо относит неэквивалентный обмен между монополиями и мелкими самостоятельными товаропроизводителями (широкими слоями крестьянства, ремесленниками). Но он полагает, что неэквивалентный обмен в качестве орудия перераспределения доходов мелких товаропроизводителей не играет существенной роли в образовании монопольной сверхприбыли. Е. Варга ориентировочно оценивает долю мелких самостоятельных производителей внутри капиталистических стран и доходы из экономически слаборазвитых стран в 20 проц. всей монопольной сверхприбыли, извлекаемой монополиями. Он мотивирует свое положение тем, что доходы от сельского хозяйства составляют небольшую часть национального дохода.

Служит ли незначительная доля мелких товаропроизводителей в национальном доходе доводом, что эксплуатация их не играет существенной роли в образовании монопольной сверхприбыли? Ведь одной из причин низкой доли крестьян в национальном доходе является как раз то, что монополии грабят их, захватывая часть их доходов. Широкие массы крестьянства вынуждены продавать сельскохозяйственную продукцию по ценам ниже стоимости, а покупать сельскохозяйственные средства производства по монопольно высоким ценам. Эта разница цен снижает долю крестьян в национальном доходе и является источником образования монопольной сверхприбыли. В США цены на зерновые и скот, выплачиваемые фермерам, в августе 1964 года были самыми низкими из всех августовских цен за последние девять лет, а издержки производства фермеров значительно возросли.

Крупные собственники земли извлекают абсолютную и дифференциальную ренту, а арендаторы — среднюю прибыль, в основе которых лежит прибавочный продукт и некоторая часть необходимого труда, без участия монопольных цен. А в основе сверхприбыли, извлекаемой

монополиями путем установления монопольно высоких цен на сельскохозяйственные средства производства, сбываемые крестьянам, и монопольно низких цен на сельскохозяйственные товары, скупаемые монополиями, лежит часть необходимого труда крестьян.

Роль самостоятельных товаропроизводителей в образовании монопольной прибыли в капиталистических государствах определяется прежде всего тем, какое место они занимают в экономике страны. Для такой страны, как Англия, где самостоятельные товаропроизводители занимают ничтожное место в экономике страны, общий размер дани монополистическому капиталу сравнительно мал и ее роль в монопольной сверхприбыли невелика. Но роль самостоятельных товаропроизводителей в образовании монопольной сверхприбыли в таких странах, как США, Франция, ФРГ и Италия, весьма значительна.

Там, где сельскому хозяйству принадлежит более или менее важное место в народном хозяйстве, противоречие между монополистическим капиталом и крестьянством имеет существенное значение. Поэтому крестьянство выступает в качестве активного борца против господства монополий. Падение доходов фермеров в США привело к тому, что в августе 1964 года началась забастовка десятков тысяч фермеров-скотоводов в 23 штатах. Они перестали продавать скот на рынках в знак протеста против низких цен, диктуемых мясопромышленниками. Эти монополисты дешево платят фермерам за скупаемых у них свиней и рогатый скот и поддерживают высокие цены на перерабатываемое и продаваемое мясо. Забастовку фермеров возглавила «национальная организация фермеров».

Е. Варга недооценил также глубину противоречий между монополистическим капиталом и мелкими и средними капиталистами.

Крупное производство всегда имело преимущество перед мелким. Это проявлялось прежде всего в издержках производства. Крупные предприятия имеют возможность применять в большей степени, чем мелкие, новую технику. Поэтому производительность труда рабочих крупных предприятий выше, а издержки производства ниже, чем на мелких и средних предприятиях. Кроме того, условия накопления и расширенного воспро-

изводства на крупных предприятиях резко отличаются от тех же условий на мелких предприятиях. Все это порождает экономическое неравенство между крупным и мелким производством.

В условиях империализма это неравенство усиливается в связи с образованием монополий, захвативших контроль над важнейшими источниками сырья и тем самым поставивших мелкие и средние предприятия в полнейшую экономическую зависимость от себя.

Е. Варга считал, что мелкие предприятия могут целиком перекладывать свою дань монополиям на потребителя. Он писал: «Немонополистические предприятия, покупающие у монополий по ценам выше цен производства товары, необходимые для собственного производства (сырье, полуфабрикаты, машины, аппаратуру, услуги), как правило, не в состоянии продавать свою продукцию по действительным ценам производства, как это происходило в условиях капитализма свободной конкуренции, ибо это означало бы постоянные убытки и неизбежное банкротство. *Они полностью или частично перекладывают повышение цен на покупателей и тоже продают свои товары выше цен производства*» (стр. 190; курсив мой. — *Ш. Л.*).

Раньше, утверждая, что около 80 проц. монопольной сверхприбыли составляет прибавочная стоимость, изымаемая монополиями у мелких и средних капиталистов, Е. Варга преувеличил глубину противоречия между монополистическим капиталом и мелким производством. А своим утверждением, что мелкие предприятия могут полностью перекладывать свою дань монополиям на потребителя, Е. Варга сильно преуменьшил глубину и остроту этого противоречия.

О каком противоречии между монополиями и мелким производством может идти речь, если мелкое производство не страдает от произвола монополий, будучи в состоянии полностью перекладывать на потребителя дань, выплачиваемую монополиям?

Что значит полностью переложить дань, выплачиваемую монополистическому капиталу, на потребителя? Это значит продавать товары по таким высоким ценам, которые компенсировали бы мелким и средним капиталистам их более высокие издержки производства.

На мелких предприятиях издержки производства всегда выше, чем на крупных. В этом проявляется превосходство крупного производства над мелким. Кроме того, издержки производства на мелких предприятиях выше потому, что они вынуждены покупать сырье и орудия производства по высоким монопольным ценам. Таким образом, издержки производства на мелких и средних предприятиях выше, чем на монополистических предприятиях.

Могут ли мелкие и средние капиталисты перекладывать всю тяжесть своей дани монополистическому капиталу на потребителей? Мелкие и средние компании функционируют преимущественно в отраслях обрабатывающей промышленности, где наряду с ними имеются крупные компании монополистического типа. Продавать товары по более высоким ценам, чем установлено монополиями, мелкие и средние предприятия не могут, ибо покупатели предпочтут покупать товары по более «дешевым» монопольным ценам у крупных предприятий. Если же они продадут товары по ценам, установленным монополиями, то, учитывая свое техническое отставание и высокие издержки производства, они не извлекут и средней прибыли.

Таким образом, мелкие предприятия не могут переложить все бремя высоких монопольных цен на потребителя. Они несут значительную часть бремени на себе. Поэтому мелкие предприятия разоряются и экспроприируются крупными. Процесс экспроприации мелких предпринимателей имеет много промежуточных форм. Он выражается не только в полном вытеснении из производства, но и в ухудшении условий существования, чрезмерном труде мелких владельцев и членов их семей.

Экспроприация мелких капиталистов монополиями порождает глубокие экономические и политические противоречия между ними. Эти противоречия создают экономическую основу для образования единого общенационального антимонополистического фронта с участием мелкой буржуазии.

Важнейшую составную часть монопольной сверхприбыли составляет прибыль, извлекаемая монополиями в результате эксплуатации колониальных и экономи-

чески слаборазвитых стран. Одним из средств ограбления этих стран является внешняя торговля.

Оценивая роль экономически слаборазвитых стран в образовании монопольной сверхприбыли, Е. Варга писал: «...как ни разрушительно действует монополистический капитал в экономически слаборазвитых странах, дань, которую он там собирает, является тем не менее относительно небольшой частью монопольной сверхприбыли» (стр. 170).

Противоречие между империалистическими и экономически слаборазвитыми странами является одним из основных противоречий современного капитализма. Экономической основой этого противоречия является эксплуатация экономически слаборазвитых стран империалистическими, которая находит свое выражение в огромной дани, выколачиваемой оттуда империалистами. Утверждение, что эта дань незначительна, смягчает степень эксплуатации экономически слаборазвитых стран монополиями.

По данным Е. Варга, доходы империалистических государств от внешней торговли с экономически слаборазвитыми странами составляют 2,5 млрд. долларов. Он приводит следующий расчет: «Экспорт сырья, топлива и продовольствия из экономически слаборазвитых капиталистических стран составлял в 1959 году 22 млрд. долл., а их импорт готовых изделий промышленности — 16,6 млрд. долл.

Одновременно слаборазвитые страны импортировали продовольствия, сырья и топлива на 9 млрд. долл. и экспортировали готовых изделий на 3 млрд. долл.

Следовательно, чистый экспорт сырья, топлива и продовольствия из слаборазвитых стран составил 13 млрд. долл. и чистый импорт промышленных готовых изделий — 13,6 млрд. долл., а всего — 27 млрд. долл.» (стр. 171).

Оценка доходов империалистических стран от внешней торговли с экономически слаборазвитыми странами в 10 проц. явно занижена. Монополии получают более высокий процент прибыли.

Кроме того, данные о внешней торговле не показательны для определения роли экономически слаборазвитых стран в образовании монопольной сверхприбыли. Они преуменьшают размер монопольной сверхприбыли,

извлекаемой из этих стран. Ведь монополии закупают сырье, топливо и продовольствие по монопольно низким ценам. Следовательно, таможенные данные о стоимости экспорта этих товаров заведомо занижены. Они скрывают часть монопольной сверхприбыли, которую присваивают монополии.

Монополии извлекают монопольную сверхприбыль не только за счет вывоза сырья, продовольствия и топлива, но и за счет ввоза в экономически слаборазвитые страны готовых промышленных изделий. По данным Е. Варга, экономически слаборазвитые страны ввозят на 13,6 млрд. долл. больше готовых изделий промышленности, чем вывозят. Но и здесь данные внешней торговли преуменьшают размер прибылей, извлекаемых монополиями путем ввоза в эти страны готовых изделий промышленности.

Если стоимость сырья в экономически слаборазвитых странах ниже, чем в империалистических, то совершенно иное положение складывается с ценами продукции обрабатывающей промышленности. Органический состав капитала в экономически слаборазвитых странах ниже, чем в развитых капиталистических странах. Поэтому стоимость и цена продукции обрабатывающей промышленности там выше. Реализуя готовые промышленные изделия по тем ценам, которые существуют в экономически слаборазвитых странах, монополии извлекают добавочную прибыль в виде разницы между ценами производства в развитых и экономически слаборазвитых странах. Эта часть прибыли также не учитывается таможенной статистикой.

Насколько данные, приведенные Е. Варга, не соответствуют действительному положению вещей, показывают выступления отдельных представителей экономически слаборазвитых стран. В конце 1964 года министр горнорудной промышленности Венесуэлы Мануэль Перес Герреро обвинил иностранные нефтяные компании в том, что они оказывали сильное давление с целью добиться нового снижения цен на венесуэльскую нефть. Вследствие установления международными нефтяными монополиями заниженных цен на нефть одна лишь Венесуэла несет ежегодно убытки в сумме 800 млн. долларов. Колумбийская газета «Тьемпо» сообщала, что с 1961 по 1964 год средняя цена на товары, экспор-

тируемые из латиноамериканских стран в США, снизилась на 20 проц., а средняя цена на товары, которые США продают странам Латинской Америки, повысилась более чем на 15 процентов. В результате такого неэквивалентного обмена за период с 1958 по 1961 год страны Латиноамериканского континента потеряли 5 800 млн. долларов.

Но империалисты грабят не только страны Латинской Америки, но и страны Африки, Азии.

Теоретические проблемы государственно-монополистического капитализма

В. И. Ленину принадлежит заслуга в открытии закономерностей развития капитализма в условиях империализма. Одной из таких закономерностей является перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический.

Экономической основой возникновения государственно-монополистического капитализма является рост экономической мощи монополий. С ростом монополий в промышленности неизбежно возникает процесс слияния промышленных и банковских монополий. Слияние монополистического и банковского капитала привело к образованию финансового капитала. Дальнейшее развитие финансового капитала способствовало возникновению государственно-монополистического капитализма.

Быстрое развитие государственно-монополистического капитализма нельзя объяснить лишь ростом всесилия монополий. Этот процесс ускоряется противоречиями капитализма. Государственно-монополистический капитализм возник до общего кризиса капитализма. Но наибольшее развитие он получил в период первой и второй мировых войн. В условиях общего кризиса мировой капитализм потерял свою былую устойчивость. Уже первая мировая война и раскол мира на две противоположные системы привели к ослаблению мирового капитализма.

Империализм является последним этапом капитализма, кануном пролетарской революции. Государственно-монополистический капитализм представляет собой по-

следнюю ступеньку в развитии империализма. В Программе КПСС государственно-монополистический капитализм определяется как соединение силы монополии с силой государства в единый механизм при господствующей роли монополий. Это определение наиболее полно выражает его сущность и развивает ленинскую теорию государственно-монополистического капитализма.

Е. Варга поддерживает это определение, но в его трактовке государственно-монополистический капитализм выступает как соединение двух самостоятельных сил. Он пишет: «Нам хотелось бы подчеркнуть, что как Ленин, так и Программа КПСС говорят о соединении *двух сил*. Это означает, что *монополистический капитал и государство представляют собой самостоятельные силы,* которые в эпоху монополистического капитализма объединяются для достижения определенных целей. Это не простое одностороннее «подчинение» государства монополистическому капиталу, как утверждал Сталин и как по сей день догматически повторяют некоторые наши экономисты» (стр. 51).

Трактовка государственно-монополистического капитализма как соединения двух самостоятельных сил, по нашему мнению, противоречит теории марксизма. Концентрация частной собственности в руках монополий создает экономическую основу их господства над государством. Всевластие финансового капитала является основой его решающего господства над буржуазным государством. Соединение силы монополий с силой государства означает соединение двух сил, но не двух равных сил. В этом соединении решающей и определяющей силой является монополистический капитал, а подчиненной силой — государство. Об этом прямо говорится в Программе КПСС.

Подчинение государства монополистическим капиталом основано прежде всего на финансовой зависимости государства от монополии.

В условиях империализма государства располагают огромными средствами, используемыми для финансирования агрессивных войн, содержания огромного государственного аппарата и других целей. Откуда государства черпают такие средства, которые в отдельных странах составляют 20 и более процентов национального дохода? Они извлекают их прежде всего путем взима-

ния налогов. Еще К. Маркс говорил, что «право согласия на уплату налогов и право отказа в этом превратилось в контроль буржуазного общества над комитетом, управляющим его общими делами, т. е. над правительством» [1].

Налоги являются средством финансирования буржуазией правительств и в то же время орудием финансового контроля над ним. И чем большую роль играют налоги в качестве источника финансирования правительств, тем сильнее финансовая и общеэкономическая зависимость буржуазных правительств от монополистического капитала.

Налоги в капиталистическом обществе всегда носят классовый характер и являются орудием дополнительного ограбления трудящихся масс.

Налоги на буржуазию — это в конечном счете обложение трудящихся масс. Буржуазия включает эти налоги в цены на товары и тем самым перекладывает их на трудящихся.

Другим средством контроля монополий над государством являются займы. Предоставление правительствам займов — это та золотая цепь, которая превращает современные правительства в слуг монополий. Чем больше правительства выпускают займов, тем сильнее они зависят от банков. Современные капиталистические государства имеют огромную внутреннюю задолженность. Их кредиторами являются главным образом монополии. Монополистический капитал, предоставляя правительству займы, устанавливает над ними финансовый контроль и диктует свою волю в области экономики и политики.

Особенно усиливается финансовый контроль монополий над правительствами в условиях милитаризации хозяйства и войн. В период первой мировой войны внутренний государственный долг США вырос с 0,9 млрд. в 1913 году до 24,1 млрд долл. в 1919 году, а в период второй мировой войны — с 59 млрд. в 1939 году до 258 млрд. долл. в 1947 году.

Рост финансовой зависимости современных государств от монополий является основой все большего подчинения их власти монополий.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 270.

Поэтому тезис Е. Варга о соединении силы монополий с силой государства в качестве самостоятельных сил не соответствует действительности.

Перерастание монополистического капитала в государственно-монополистический сопровождается процессом подчинения буржуазного государства монополистическим капиталом. Этого нельзя игнорировать, а тем более отрицать, как это делает Е. Варга.

В. И. Ленин писал, что «и капитализм и империализм, как показывают факты, развиваются при *всяких* политических формах, подчиняя себе *все* их» [1].

Соединение силы монополий с силой государства происходит при подчинении государства монополиям. Это вытекает из самой сущности государственно-монополистического капитализма.

Какие классовые отношения выражает государственно-монополистический капитализм? Классовые отношения государственно-монополистического капитализма наиболее ярко выступают через его цели, которые Е. Варга определил следующим образом: «Сущность государственно-монополистического капитализма состоит в объединении сил монополий и буржуазного государства для достижения двух целей: 1) сохранения капиталистического строя в борьбе против революционного движения внутри страны и в борьбе против лагеря социализма и 2) перераспределения через государство национального дохода в пользу монополистического капитала» (стр. 51).

В Программе КПСС дается более развернутое определение целей государственно-монополистического капитализма: «Государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн».

Таким образом, Программа партии в качестве целей государственно-монополистического капитализма указывает также подавление национально-освободительной борьбы отсталых народов и развязывание агрессивных

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 23.

войн. В определении Е. Варга эти два важных момента упущены.

Кроме того, «перераспределение через государство национального дохода в пользу монополистического капитала» недостаточно полно вскрывает классовую природу государственно-монополистического капитализма.

Перераспределение национального дохода происходит и за счет буржуазии, особенно мелкой, крестьянства и других слоев населения. Поэтому формулировка Е. Варга не полностью характеризует степень ухудшения положения рабочего класса. Классовая сущность государственно-монополистического капитализма выражается в усилении эксплуатации рабочего класса и росте перераспределения национального дохода, прежде всего за счет фонда заработной платы, в пользу монополий посредством государственного аппарата.

В. И. Ленин в предисловии к работе «Государство и революция» писал, что в условиях государственно-монополистического капитализма «чудовищное угнетение трудящихся масс государством... становится все чудовищнее». Это определение полнее выражает классовую сущность государственно-монополистического капитализма, чем «перераспределение национального дохода» без указания, за счет каких классов оно происходит.

Важным вопросом тактики рабочего класса является вопрос о его отношении к государственно-монополистическому капитализму. Должен ли он поддерживать государственно-монополистические мероприятия или бороться против них? Е. Варга писал: «...пролетариат не может *поддерживать или отвергать государственно-монополистические мероприятия независимо от их конкретно-исторического содержания*» (стр. 67; курсив мой. — *Ш. Л.*). В качестве примера он приводит национализацию промышленности и указывает, что при известных условиях пролетариату выгодно осуществить демократическую национализацию. «Если речь уже идет о борьбе за власть, было бы бессмысленным поддерживать какие-либо мероприятия правительства по укреплению капиталистического строя. Если в стране не возникла революционная ситуация и господство буржуазии на время еще представляется упроченным, то борьба за ограничение произвола монополистического капитала,

за демократическую национализацию важных отраслей экономики может быть хорошим способом мобилизации масс» (стр. 67).

Но является ли демократическая национализация формой государственно-монополистического капитализма? Итальянские коммунисты ведут борьбу за национализацию промышленности. Значит ли это, что они борются за усиление государственно-монополистического капитализма? Коммунисты, выдвигая лозунг национализации промышленности, ведут одновременно борьбу за установление демократического контроля над национализированными предприятиями. Разумеется, демократический контроль над монополиями или демократическая национализация не превращает эти монополии или национализированные предприятия в социалистические. Но эти меры не имеют уже государственно-монополистического характера, они выходят за пределы государственно-монополистического капитализма.

Борьба за демократическую национализацию промышленности является средством мобилизации трудящихся масс в целях улучшения их материального положения и роста их политического сознания. Это по существу борьба против государственно-монополистического капитализма, а не за него.

Национализация промышленности при капитализме под контролем трудящихся представляет собой буржуазно-демократическое мероприятие, которое ускоряет движение к социализму. Она не является разновидностью государственно-монополистического капитализма. Лишь за демократическую национализацию промышленности борется пролетариат. И лишь эту форму национализации промышленности пролетариат поддерживает.

Ко всем видам государственно-монополистического капитализма трудящиеся относятся резко отрицательно, ибо он является орудием угнетения народа. Это особенно подчеркнуто в коммюнике Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, проходившего в Москве в 1960 году.

Национализация промышленности является формой государственно-монополистического капитализма, когда она проводится под руководством монополистической буржуазии и в ее интересах. *Эту форму национализации*

промышленный пролетариат не поддерживает ни при каких конкретных условиях.

Определить классовое содержание государства в условиях государственно-монополистического капитализма является весьма важной задачей. Этот вопрос был предметом дискуссии среди экономистов. Ему посвятил много страниц и Е. Варга. Он ставит вопрос таким образом: является ли государство при монополистическом капитализме государством всей буржуазии или государством одной лишь монополистической буржуазии? Решению этого вопроса Е. Варга предпосылает философское положение. Он пишет, «что не существует неизменных вещей «в себе», а что каждая вещь в зависимости от обстоятельств, от того, с какой точки зрения ее рассматривать, несколько меняет свой смысл» (стр. 43).

Но «точка зрения» не может определить классовую сущность государства. Сущность государства не меняется в зависимости от того, с какой точки зрения его рассматривать.

На наш взгляд, само противопоставление неоправданно. Современное буржуазное государство является одновременно защитником системы капиталистической частной собственности в целом и орудием или, как сказано в Программе КПСС, комитетом по управлению делами монополистического капитала. В первую очередь оно защищает общие политические интересы класса капиталистов. Политическая функция подавления рабочего движения является главной и основной функцией буржуазного государства на всех этапах его развития. Буржуазное государство используется буржуазией прежде всего для укрепления своей диктатуры и борьбы с революционным движением рабочего класса и крестьянства в целях сохранения капиталистической системы частной собственности на средства производства. Но в условиях государственно-монополистического капитализма оно не стоит на точке зрения равенства интересов всех капиталистов, крупных и мелких. Защищая общие интересы класса капиталистов в целом, то есть всю систему производственных отношений капитализма, буржуазное государство одновременно выступает в качестве исполнительного органа монополистического капитала, обеспечивая его специфические цели, связанные с извлечением монопольно высоких прибылей.

И. И. Кузьминов

К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКЕ

Значение и характер полемики

Громадные задачи, стоящие перед советской экономической наукой, не могут быть успешно решены без дружных коллективных усилий всего многочисленного отряда советских экономистов. Но работа многочисленного коллектива в свою очередь немыслима без постоянного обмена мнениями, споров, дискуссий — одним словом, без развитой научной полемики. Это вытекает из самой природы научного труда.

Исследование всякого предмета, а тем более такого важного, как производственные отношения, не может не порождать, особенно на первых стадиях, известного различия в точках зрения, которое отражает как индивидуальные особенности научных работников, так и различные стороны предмета и подходы к нему с различных сторон. Орудием установления истинности той или иной точки зрения и выработки правильной единой точки зрения является научная полемика, которая входит органической частью в процесс научного исследования. Полемика — одна из движущих сил развития науки. Столкновение различных точек зрения означает их сравнение, подкрепление дополнительной аргументацией, проверку дополнительной работой, экспериментом и т. д. Полемика, конечно, не самоцель, а средство более успешного достижения единой цели: познания истины, установления наиболее правильной точки зрения по тому или иному вопросу.

Но если это так, тогда полемика в соответствии с характером наших отношений должна удовлетворять опре-

деленным требованиям: она не должна носить характер борьбы за уничтожение или дискриминацию оппонента, характер борьбы конкурентов, а должна иметь характер сотрудничества в общем деле или соревнования товарищей в наилучшем разрешении той или иной научной задачи, а главным средством полемики должны быть научные аргументы по существу вопроса. «Необходимым условием развития науки, — указывается в Программе КПСС, — являются свободные товарищеские дискуссии, содействующие творческому решению назревших проблем».

К сожалению, эти требования не всегда соблюдаются и в научную полемику часто привносятся явные пережитки того периода, когда в качестве главного аргумента в полемике пускалось в ход приклеивание порочащих политических ярлыков и предъявление политических обвинений, а целью в ряде случаев ставилось не достижение истины, а политическая дискредитация оппонента. Подобного рода полемика встречается до сих пор. Одним из примеров является вышедшая в 1964 году книга академика Е. Варга «Очерки по проблемам политэкономии капитализма».

Книга Е. Варга — полемическая. Но главным средством полемики автор избрал обвинение группы советских экономистов (М. И. Смит, А. И. Шнеерсона, И. И. Кузьминова, А. И. Каца и др.) в догматизме, отступлении от марксизма-ленинизма и Программы КПСС. «Догматики утверждают», «наши догматики не видят», «догматики забывают», «догматики повторяют политические ошибки Сталина» — подобными выражениями особенно пестрят разделы книги, посвященные вопросу о государственно-монополистическом капитализме и обнищании рабочего класса. Не ограничиваясь этим, автор в предисловии особо подчеркивает, что целью книги не является критика ревизионизма: опасности ревизионизма у нас якобы нет, а она «направлена против бездумного догматизма...» [1].

Автор, конечно, ошибается, утверждая, что опасности ревизионизма у нас нет, и в этом отношении сам

---

[1] *Е. Варга.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма. Политиздат, 1964, стр. 3. В дальнейшем ссылки на соответствующие страницы этой книги даются в тексте.

вступает в противоречие с Программой КПСС, где говорится об опасности и ревизионизма, и догматизма, а ревизионизм характеризуется как главная опасность в современных условиях. В Программе КПСС говорится: «В современных условиях главную опасность в коммунистическом движении представляет ревизионизм, правый оппортунизм, как отражение буржуазного влияния. Прикрывая свое отступничество от марксизма рассуждениями о необходимости учитывать новейшие условия развития общества и классовой борьбы, ревизионисты выполняют на деле роль разносчиков буржуазно-реформистской идеологии в коммунистическом движении».

Можно ли сказать, что опасности ревизионизма, опасности влияния буржуазно-реформистской идеологии у нас нет? Этого сказать нельзя. Опасность велика. И она требует от нас постоянной бдительности и активной работы. Отрицание опасности ревизионизма неправильно ориентирует нашу идеологическую работу.

Применение метода приклеивания порочащих политических ярлыков недопустимо в научной полемике среди марксистов. Следует, кроме того, помнить, что употребление этого метода одной стороной дает моральное право употреблять его и другой стороне. Но если мы все встанем на подобный путь, то загубим всякую полемику, всякое живое обсуждение научных вопросов, в конечном счете всякую творческую научную мысль.

Применение этого метода в полемике обычно скрывает слабость научных аргументов по существу предмета. Сторона, чувствующая себя в том или ином споре достаточно сильной, вряд ли будет прибегать к таким приемам борьбы. Обвинения в догматизме, отступлениях от марксизма-ленинизма и Программы КПСС, которые Е. Варга адресует своим оппонентам, используются им не от силы его позиции, не от силы его научных аргументов по существу вопросов. Рассмотрим эти аргументы по отдельным проблемам.

Государственно-монополистический капитализм

В книге Е. Варга вновь поднимается старый и, как нам казалось, решенный вопрос о сущности государственно-монополистического капитализма. Напомним, что

в сборнике «О государственно-монополистическом капитализме» нами давалось следующее определение: «Сущность государственно-монополистического капитализма состоит... в сближении, слиянии монополий с аппаратом государства, в подчинении государственного аппарата монополиям и использовании его в целях обеспечения монопольно высокой прибыли и укрепления господства финансовой олигархии» [1].

Е. Варга резко выступает против данного определения. Его не устраивает упоминание о подчинении государственного аппарата монополиям, и именно за это он награждает нас титулом догматиков. Почему? Объяснение его таково.

Во-первых, В. И. Ленин и Программа КПСС ничего якобы не говорят о подчинении государственного аппарата монополиям. Они говорят лишь о сближении монополий и государства как равноправных сил, так сказать, на паритетных началах. Е. Варга пишет: «Нам хотелось бы подчеркнуть, что как Ленин, так и Программа КПСС говорят о соединении *двух сил*. Это означает, что *монополистический капитал и государство представляют собой самостоятельные силы,* которые в эпоху монополистического капитализма объединяются для достижения определенных целей» (стр. 51).

Во-вторых, положение о подчинении государственного аппарата монополиям принадлежит Сталину. Оно ошибочно. И тот, кто его повторяет, — догматик и «повторяет ошибочные положения Сталина».

В-третьих, никакого подчинения государственного аппарата монополиям вообще нет и быть не может. После цитат из работ И. Кузьминова и А. Шнеерсона Е. Варга ставит вопрос: «Интересно было бы узнать, как эти товарищи *конкретно* представляют себе подчинение многомиллионной армии государственных служащих монополиям и *зачем* монополиям подчинять себе состоящих на службе у государства машинисток, стенографисток, почтальонов и т. д.!» (стр. 55—56).

Разберемся в этих возражениях.

---

[1] «О государственно-монополистическом капитализме». Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1963, стр. 7. Приводя это определение, Е. Варга сознательно опускает первую его часть и оставляет лишь тезис о подчинении.

В. И. Ленин и Программа КПСС действительно говорят о слиянии, соединении монополий и буржуазного государства в единый механизм, но они на этом не останавливаются. Когда происходит слияние подобных сил, естественно, возникает вопрос: а в каком соотношении находятся эти силы, какая из них играет ведущую, командную роль, что является движущей силой процесса слияния, в чьих интересах оно осуществляется?

Факт такого слияния настолько очевиден, что его теперь вынуждены признавать даже многие буржуазные идеологи. Но они пытаются толковать его по-своему: или как подчинение монополий общенародному государству, или как слияние равноправных сил в интересах народа. Но В. И. Ленин и Программа КПСС отвергают подобные толкования. Они говорят, что ведущую, командную роль в данном процессе играют монополии, которые используют государственный аппарат в собственных целях, как орудие усиления эксплуатации трудящихся и перераспределения национального дохода в свою пользу, укрепления своего господства. В Программе КПСС в полном соответствии с Лениным указывается, что в современную эпоху *«государство стало комитетом по управлению делами монополистической буржуазии»* (курсив мой. — *И. К.*). Следовательно, в Программе КПСС подчеркивается, что буржуазное государство в эпоху империализма не является самостоятельной и равноправной силой, а находится в услужении у монополистической буржуазии. В Программе совершенно ясно и точно охарактеризовано соотношение монополий и государства и показано, кто у кого находится на службе и зачем монополиям понадобилось подчинять себе государственный аппарат.

В. И. Ленин, подчеркивая факт подчинения государственного аппарата монополиям, в ряде случаев употребляет и более сильные выражения, говорит о *закрепощении* государства финансовым капиталом. Так, в статье «Один из коренных вопросов революции» он, указывая, что «реальная работа управления лежит в руках гигантской армии чиновников» (то есть государственного аппарата), писал: «Эта армия связана отношениями чинопочитания, известных привилегий «государственной» службы, а верхние ряды этой армии чрез посредство акций и банков закрепощены полностью финансовому

капиталу, в известной степени сами представляя из себя его агентов, проводников его интересов и влияния» [1].

В. И. Ленин дает здесь ответ на самые «каверзные» вопросы нашего критика: и о характере отношений между монополиями и государством при их сближении (закрепощение монополиями аппарата государства), и о том, кто именно закрепощается («верхние ряды» чиновничества, а не почтальоны, стенографистки и машинистки), и указывает на одну из первых и наиболее универсальных форм подчинения (а именно подкуп через акции и банки).

В работах В. И. Ленина дается всесторонняя характеристика конкретных форм подчинения государственного аппарата монополиями: подкупа верхних, наиболее влиятельных слоев чиновничества, давления кулуарных групп на депутатов законодательных органов, подчинения монополиям государственного хозяйства, проникновения в аппарат государства прямых агентов монополий, а затем и самих монополистов. Все эти формы получили наибольший расцвет в годы второй мировой войны и послевоенное время. Разумеется, персональное представительство различных монополистических групп в правительстве (и влияние этих групп) не остается неизменным. Оно изменяется в зависимости от изменения соотношения сил внутри финансовой олигархии и исхода борьбы между ними за дележ теплых местечек. Такие изменения могут приводить и к определенным изменениям во внешней и внутренней политике этих государств. Поэтому изучение конкретных форм слияния и подчинения аппарата государства монополиями и персональных сдвигов в господствующей верхушке имеет очень большое значение. Данному вопросу посвящено немало работ прогрессивных деятелей капиталистических стран. К сожалению, у нас он изучается плохо, и в этом немалая вина тех «новаторов» в области теории, которые в положении о подчинении государственного аппарата монополиям видят пугало догматизма.

В подтверждение своего тезиса о равноправности и самостоятельности монополий и буржуазного государства Е. Варга ссылается на парламентскую систему. В. И. Ленину приходилось сталкиваться с подобными

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 202, 203.

возражениями, и он отводил их. В. И. Ленин подчеркивал, что империализм и государственно-монополистический капитализм развиваются при всяких политических формах и монополистическая буржуазия находит способы подчинения государственного аппарата как в монархических, так и в самых «свободных» государствах с парламентарной системой. Полемизируя с Каутским, В. И. Ленин писал: «Возьмите буржуазный парламент. Можно ли допустить, что ученый Каутский никогда не слыхал о том, как биржа и банкиры *тем больше* подчиняют себе буржуазные парламенты, *чем сильнее* развита демократия? Из этого не следует, что не надо использовать буржуазный парламентаризм...» [1]

В констатации факта подчинения государственного аппарата монополиям поэтому нет никакого догматизма и отступления от Программы КПСС. Положение это принадлежит В. И. Ленину [2].

И. В. Сталин употребил этот термин лишь в 1952 году в замечаниях по тексту учебника политической экономии, представленному тогда на обсуждение. Ленинское же положение о слиянии и подчинении государственного аппарата монополиями вошло в экономическую литературу задолго до экономической дискуссии 1951—1952 годов. В частности, автор данной статьи не раз приводил его в своих выступлениях, относящихся к 1945—1948 годам. Это положение вошло и в макет учебника политической экономии, в главу об историческом месте империализма. В данной главе говорилось: «Характерной чертой империализма является тесное сплетение и сращивание господствующего монополистического капитала с аппаратом государственной власти... Государственно-монополистический

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 37, стр. 255.

[2] Вполне понятно, почему такой знаток проблем империализма и мирового рабочего движения, как О. Куусинен, в своих работах использовал это положение, не побоявшись обвинений в догматизме. Так, выступая на XXII съезде КПСС, О. Куусинен говорил: «Нигде процесс развития государственно-монополистического капитализма, процесс подчинения государственного аппарата магнатам крупного капитала не зашел так далеко, как в Соединенных Штатах Америки, и нигде эта захваченная монополиями власть не используется так разнузданно в целях дальнейшего обогащения крупных корпораций за счет народа, в целях распространения их владычества на другие страны» («Правда», 27 октября 1961 года).

капитализм есть высшая ступень капиталистического обобществления производства, полнейшее подчинение буржуазного государства монополистическому капиталу».

Таким образом, в макет учебника было включено определение, которое уже сложилось в нашей литературе на основе ленинских указаний. По поводу приведенных мест из макета учебника Сталин и сделал свое замечание, сводившееся к тому, что слово «сращивание» не подходит, поэтому его следовало бы заменить словами: «подчинение государственного аппарата монополиями». Но, как известно, эти слова уже были в учебнике, а термин «сращивание» применительно к сближению монополий и государства сейчас не употребляется никем и заменен ленинским термином «сближение, слияние».

Да и те экономисты (в том числе и Е. Варга), которые обвиняют своих оппонентов в догматизме только за то, что они употребляют тезис о подчинении, сами в недавнем прошлом разделяли и защищали данный тезис. В книге Е. Варга «Основные вопросы экономики и политики империализма», изданной в 1953 году, имеется специальный раздел, озаглавленный «Подчинение государственного аппарата монополиям» (стр. 61). В этом разделе говорится, что в процессе сближения монополий и государства происходит подчинение государственного аппарата монополиям (стр. 66). И далее автор иллюстрировал это положение различными примерами. Во втором издании указанной книги, вышедшем в 1957 году, упомянутый раздел назван «Буржуазное государство и монополии», тезис о подчинении буржуазного государства монополиями остался (стр. 73). В книгах, брошюрах и статьях ряда авторов указанный тезис признавался и защищался долгое время. А теперь эти товарищи обвиняют других и дают им советы признавать ошибки, забывая начисто о том, что они сами писали какие-нибудь четыре-пять лет назад! Уж если они всерьез считают тезис о подчинении столь крамольным, тогда им сначала следовало бы самим покаяться в своих собственных прегрешениях, а затем уже призывать к покаянию и других «грешников».

Но если положение о слиянии и подчинении государственного аппарата монополиями не подходит, тогда в чем же суть государственно-монополистического капита-

лизма? Что кроется за формулой объединения монополий и государства как равноправных и самостоятельных сил? За этой формулой кроется обобществление производства в форме огосударствления предприятий, происходящее при решающей роли буржуазного государства. Не случайно, что все рассуждения сторонников этой концепции о сущности государственно-монополистического капитализма начинаются и кончаются положением об изменении роли государства и его функций. Сторонники концепции Е. Варга постарались причесать ее и придать ей логически стройный вид. Процесс обобществления, утверждают они, не может остановиться на ступени монополии. Он стремится дальше — к новой, высшей ступени, и эта ступень — огосударствление. Но если монополия, говорят они, не в силах устранить конкуренцию, то тем более государственно-монополистический капитализм не может полностью устранить частные монополии; отсюда... конфликт между ними. Схема стройная, но внутренне порочная. Это видно хотя бы из того, что империалистическое государство выступает здесь не как защитник и слуга монополий, а как представитель интересов общества, общественного прогресса. В качестве такового оно даже вступает в конфликт с частными монополиями, стремясь к их поголовному, так сказать, огосударствлению.

Определенный уровень развития производительных сил и обобществления производства является предпосылкой и результатом развития государственно-монополистического капитализма, но не его сущностью. Марксизм-ленинизм видит экономическую сущность явлений не в уровне развития производительных сил и обобществления производства, а в специфической общественной форме производительных сил, то есть в производственных отношениях. Анализируя новую стадию капитализма, В. И. Ленин отмечает новый уровень развития производительных сил и обобществления, но суть ее видит в монополии, а эту новую стадию называет монополистическим капитализмом. Государственно-монополистический капитализм — это порождение и дальнейшее развитие монополии. Экономическая сущность его заключается в определенном уровне развития капиталистической эксплуатации, когда крупнейшие монополии, господствующие в экономике, используют государственный аппарат

в целях усиления эксплуатации рабочего класса, крестьянства, населения экономически слаборазвитых стран, сохранения и укрепления своего господства. И исходным пунктом анализа государственно-монополистического капитализма является не изменение роли буржуазного государства, а развитие и изменение роли монополий. Изменение роли государства само должно быть объяснено на основе изменений в базисе, то есть на основе развития и изменения роли монополий. Базис и надстройка — эта азбучная истина — не могут рассматриваться как самостоятельные и равноправные силы. Усиление вмешательства буржуазного государства в экономику и характер этого вмешательства нельзя правильно понять в отрыве от его базиса, то есть без учета роли монополий, использующих государственный аппарат в своих интересах.

Развитие государственно-монополистического капитализма знаменует собой, конечно, новый уровень развития производительных сил и обобществления производства. Но новый уровень обобществления выражается отнюдь не только и не столько в форме огосударствления предприятий, а прежде всего и главным образом в форме развития гигантских монополий, объединяющих производство в национальном масштабе. Эта новая ступень развития монополий неизбежно сопровождается их сближением с государственным аппаратом для использования его в своих интересах. Следовательно, государственно-монополистический капитализм — это не ликвидация монополий, проводимая империалистическим государством, а новая ступень развития монополий, ставящих себе на службу это государство.

Из той или иной трактовки сущности государственно-монополистического капитализма вытекают и соответствующие выводы об отношении к этому явлению монополистической буржуазии и пролетариата.

По мнению Е. Варга, развитие государственно-монополистического капитализма и усиление засилья монополий находятся в обратном отношении. Ослабление позиций финансовой олигархии означает развитие государственно-монополистического капитализма, усиление — наоборот. Как только господство монополий упрочивается, они делают «шаги в направлении ограничения государственно-монополистической надстройки...»

(стр. 62). «В США, — пишет он, — где буржуазия считает свое господство относительно прочным, она постоянно сопротивляется государственному «вмешательству» в свои дела» (стр. 63).

В качестве примера он приводит программу правого крыла республиканской партии во главе с Голдуотером, в которой выставлялись требования отмены социального и экономического законодательства, государственного жилищного строительства, ограничения прав профсоюзов и т. д.

Е. Варга усматривает *коренное противоречие* (не какое-нибудь, а именно коренное) между двумя целями монополистической буржуазии: укреплением ее господства и перераспределением национального дохода в ее пользу (стр. 57). Чем крупнее и устойчивее положение монополистической буржуазии и капиталистического строя, тем, оказывается, меньше уровень ее прибылей.

Ясно, что основой приведенных более чем странных выводов является ошибочная трактовка сущности государственно-монополистического капитализма как деятельности государства, направленной на ограничение засилья монополий, ограничение их прибылей, на их ликвидацию путем национализации целых отраслей. В действительности же усиление государственно-монополистического капитализма всегда означает усиление господства монополий, использующих государственный аппарат в своих интересах, а монополистическая буржуазия выступает *за*, а *не против* усиления государственно-монополистического капитализма, означающего, как подчеркивал В. И. Ленин, рост прибылей монополистов, усиление эксплуатации рабочего класса. Нельзя смешивать позицию отдельных монополий, которые могут кое-что терять в конкурентной борьбе с более крупными монополиями, использующими государственный аппарат, с позицией финансовой олигархии, захватившей в свои руки этот аппарат. Социальное законодательство в империалистических государствах обязано своим существованием не развитию государственно-монополистического капитализма, а развивающейся борьбе рабочего класса. Ссылка на США как раз показывает слабость концепции Е. Варга и некоторых других ее защитников.

На самом деле США, где в послевоенный период имеет место наименьший уровень национализации про-

изводства и где монополистическая буржуазия, если верить Е. Варга и сторонникам его концепции, упорно сопротивляется развитию государственно-монополистического капитализма, в действительности стоят на первом месте по уровню его развития среди капиталистических стран. Объясняется все это просто: не уровень национализации и огосударствления производства является главным признаком государственно-монополистического капитализма, а уровень использования всей экономики страны в интересах финансовой олигархии при помощи государственного аппарата.

Буржуазная национализация производства, которая осуществляется в империалистических государствах и изображается как ликвидация монополий, в действительности играет иную роль. Монополистическая буржуазия не всегда сопротивляется национализации. Более того, в ряде случаев она выступает за национализацию некоторых отраслей. Отношение монополий к национализации или денационализации зависит от того, что она выигрывает в том или ином случае. В одних случаях ей выгодна национализация, в других — денационализация.

В соответствии со своей позицией Е. Варга толкует и позицию пролетариата по отношению к государственно-монополистическому капитализму. Весьма симптоматичен в этом отношении вопрос, который он ставит: «Может ли быть отношение пролетариата к государственно-монополистическим мерам всегда положительным?..» (стр. 66). Весь ход дальнейших рассуждений показывает, что ответ его на этот вопрос таков: отношение пролетариата положительное, но не всегда. Поскольку суть государственно-монополистического капитализма он видит в государственном вмешательстве в экономику, постольку и ответ на данный вопрос он ищет в отношении пролетариата к национализации и отдельным мерам государственной политики. Что касается национализации, то пролетариат, по его мнению, всегда выступает *за* нее. «Для революционного пролетариата важна прежде всего *борьба за национализацию*» (стр. 70). В подтверждение он ссылается, в частности, на то, что на национализированных предприятиях борьба рабочих за заработную плату имеет якобы больше шансов на успех, потому что руководство частных предприятий материально заинтересовано в исходе конфликта, а государственных —

не заинтересовано (стр. 69). При этом по меньшей мере наивном заключении упускается из виду тот факт, что рабочие государственных предприятий лишены права на забастовки и что во главе управляющих органов обычно стоят прежние хозяева предприятий.

Каково же действительное отношение революционного пролетариата и коммунистических партий к национализации? При определенных обстоятельствах коммунисты поддерживают лозунг национализации или выдвигают его тогда, когда эта мера может сыграть прогрессивную роль в борьбе против монополий и всей системы государственно-монополистического капитализма. При проведении национализации коммунисты борются против громадных размеров компенсации бывшим владельцам, за демократизацию органов управления национализированных предприятий, за введение туда представителей рабочего класса, за улучшение условий труда рабочих. Но в данном случае национализация производства представляла бы из себя демократическую меру, которая не только не может расцениваться как развитие государственно-монополистического капитализма, а, наоборот, является мерой борьбы против засилья монополий и всей системы государственно-монополистического капитализма. Национализация в различных условиях ее проведения может играть различную роль: она может помочь борьбе *против* монополий, но она может служить и оружием в руках монополий для усиления эксплуатации трудящихся.

В связи с этим отношение пролетариата к национализации нельзя отождествлять с его отношением к государственно-монополистическому капитализму. В. И. Ленин писал, что усиления монополий и государственно-монополистического капитализма «неизбежно сопровождаются усилением эксплуатации трудящихся масс, усилением гнета, затруднением отпора эксплуататорам, усилением реакции и военного деспотизма и вместе с тем неизбежно ведут к неимоверному росту прибыли крупных капиталистов за счет всех остальных слоев населения, к закабалению трудящихся масс на много десятилетий данью капиталистам в виде уплаты миллиардных процентов по займам» [1].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 449—450.

Может ли государственно-монополистический капитализм встречать положительное отношение со стороны пролетариата? Нет, не может. Это было правильно во времена В. И. Ленина, и это правильно теперь. Недаром Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, происходившее в Москве в 1960 году, в полном соответствии с указаниями В. И. Ленина записало в своей резолюции: *«Главный удар в современных условиях... направляется против капиталистических монополий... против всей стоящей на страже их интересов системы государственно-монополистического капитализма»* [1].

На научной сессии кафедры политической экономии Академии общественных наук, состоявшейся в 1962 году, было выдвинуто интересное и новое положение о так называемой обратимости государственно-монополистического капитализма. Это положение основано на факте возрастающей силы рабочего движения, сплачивающего все силы нации в единый антимонополистический фронт. Даже в высокоразвитых странах рабочий класс, объединив вокруг себя прогрессивные силы нации, может добиться уменьшения степени подчинения государственного аппарата монополиями.

В противовес этому положению Е. Варга выдвигает свое положение о «волнообразном развитии» государственно-монополистического капитализма в порядке смены усиления прилива отливом и обратно. Чем же объясняется это «волнообразное развитие»? Опять-таки отношением монополистической буржуазии, которая иногда «вынуждена» идти на развитие государственно-монополистического капитализма, но затем дает, так сказать, задний ход, потому что «она в *принципе* против «вмешательства» государства в экономику, против социального законодательства. Ее идеалом по сей день остается положение «господин в собственном доме» (стр. 61). Бедная монополистическая буржуазия!

В охарактеризованной нами позиции Е. Варга явно сказывается его возврат к прежним установкам, которые были впервые обнародованы им в книге «Экономика капитализма в период заката после стабилизации».

---

[1] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий». Госполитиздат, 1960, стр. 40 (курсив мой. — *И. К.*).

Происхождение государственно-монополистического капитализма здесь выводилось из противоречия между интересами буржуазии в целом и интересами отдельных капиталистических групп. Существо государственно-монополистического капитализма сводилось к государственному вмешательству в экономику, направленному на снижение расходов «путем устранения «расточения» в самом широком смысле этого слова», а государственно-монополистический капитализм в собственном значении этого слова толковался как наличие государственного сектора производства. «Особую область государственного вмешательства, — подчеркивал при этом автор, — образует социальная политика. С точки зрения капиталистов, она осуществляет две задачи: во-первых, она охраняет от физической гибели, в результате чрезмерной эксплуатации со стороны отдельных капиталистов, рабочий класс страны... во-вторых, путем уступок рабочему классу в целом или привилегированным частям его она укрепляет классовое господство капитала» [1]. Эти установки были развиты автором в ряде работ во время войны и в первые послевоенные годы, когда он дошел до утверждения о решающей роли буржуазного государства в экономике, ограничении роли прибыли, ограничении стихии и т. д. [2]

Ясно, что такая позиция не могла встретить положительного отношения со стороны советских экономистов. Она подверглась критическому разбору. В результате этого Е. Варга выступил в печати с критикой своей концепции. Он писал: «Беда заключается не в том, что в моей книге *вообще* обнаружены ошибки, а в характере этих ошибок... Беда заключается в том, как это правильно указали критики, что *эти ошибки составляют целую цепь ошибок реформистского направления*... Всякая реформистская ошибка, всякое посягательство на чистоту марксистско-ленинского учения являются в нынешней исторической обстановке особенно опасными...» [3] Е. Варга, далее, признал ошибочным свое утверждение о решающей роли буржуазного государства

[1] *Е. Варга.* Экономика капитализма в период заката после стабилизации, стр. 71.

[2] См. *Е. Варга.* Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны. Госполитиздат, 1946, стр. 15, 17—18.

[3] «Вопросы экономики» № 3, 1949, стр. 79.

в системе государственно-монополистического капитализма, о наличии планового хозяйства при капитализме и др.

Советские экономисты встретили тогда эту статью Е. Варга с большим удовлетворением. Однако, как показали дальнейшие события, их радость была преждевременной. Под покровом борьбы против догматизма и культа личности Сталина Е. Варга в своих последних работах фактически стал восстанавливать свои прежние ошибочные позиции.

Истинность всякой концепции проверяется в конечном счете жизнью, а ее значение — соответствием требованиям борьбы рабочего класса. Надо сказать прямо, что конкретный анализ проблемы в тех случаях, когда он дается сторонниками концепции огосударствления, сосредоточивается исключительно на экономической политике государства, взятой оторванно от господствующей роли монополий. Можно ли удивляться, если их выводы поражают своей беззубостью, классовой неопределенностью и оторванностью от действительных запросов рабочего движения.

Абсолютное обнищание трудящихся при капитализме

Для того чтобы обвинить своих оппонентов в догматизме и отступлении от Программы КПСС по данному вопросу, Е. Варга приписывает им нелепую мысль о том, будто они стоят на позиции непрерывного, повсеместного, «одинакового во всех странах», «фатально неизбежного», «постоянно прогрессирующего» обнищания, обнищания как «постоянного необратимого процесса» (стр. 119, 122, 126 и др.). После того как оппонентам приписана подобная мысль, не составляет большого труда разоблачить ее нелепость, а ее носителей обвинить в догматизме.

Но вот вопрос: есть ли у нас сейчас экономисты, которые действительно разделяли и защищали бы подобную позицию? В частности, автор этих строк никогда не разделял ее. В книге «Обнищание трудящихся при капитализме» автор не раз подчеркивал, что «процесс абсолютного обнищания в целом нельзя толковать как

неуклонное и повсеместно одинаковое понижение жизненного уровня изо дня в день, из года в год» [1]. Касаясь вопроса о динамике реальной заработной платы, автор указывал, что «классики марксизма-ленинизма решительно выступали против недооценки экономической борьбы рабочего класса, против фаталистического подхода к вопросу об уровне заработной платы, в частности против лассалевского «железного закона заработной платы», и т. д.[2] В книге на большом фактическом материале показывается, что в истории ряда капиталистических стран были длительные периоды подъема заработной платы (конечно, с известными колебаниями в связи с циклом). Так, в книге приводятся данные известного ученого Ю. Кучинского, согласно которым в Англии и США в течение XIX века средняя реальная заработная плата поднялась к концу века примерно в 2 раза.

Возможность роста реальной заработной платы в XIX веке определялась благоприятными условиями экономического развития в указанных странах: в США — огромными естественными ресурсами, запасом плодородных земель, недостатком рабочих рук, в результате чего закон спроса и предложения на рынке труда действовал в пользу рабочих, а не в пользу капитала; в Англии — выгодным положением на мировом рынке и огромной данью, взимавшейся ею с колониальных владений. Эти обстоятельства благоприятствовали борьбе рабочего класса Англии и США за свой жизненный уровень.

Значит ли это, что рабочим Англии и США удалось тогда своей борьбой преодолеть действие всеобщего закона капиталистического накопления, как фактически утверждает Е. Варга? Конечно, нет! Наш тезис насчет того, что «даже самая успешная борьба рабочих в рамках капитализма не может уничтожить его законов, не может, в частности, преодолеть действие закона капиталистического накопления», безусловно, правилен. Модификация действия закона, в частности всеобщего закона капиталистического накопления, означает не отмену

---

[1] *И. Кузьминов.* Обнищание трудящихся при капитализме. Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960, стр. 22.

[2] См. там же, стр. 130. Приведенные положения полностью совпадают с тезисом из моей позднейшей статьи, которую цитирует Е. Варга, изображая ее как «отход» от прежней позиции.

действия закона, как это утверждает Е. Варга, а видоизменение его действия в зависимости от конкретных обстоятельств места и времени.

Это, в частности, означает, что всеобщий закон капиталистического накопления действовал и в Англии, и в США. Вне его действия не мог бы развиваться капитализм. В чем же проявлялось действие этого закона в указанных странах в смысле его влияния на положение трудящихся? Оно проявлялось, во-первых, в виде достаточно длительных периодов понижения реальной заработной платы и жизненного уровня в целом. Например, по Англии Ю. Кучинский отмечает наличие такого периода с 1729 по 1818 год, то есть в течение примерно 90 лет. Точно так же XX век показывает в Англии не рост, а явную тенденцию к снижению реальной заработной платы. Во-вторых, действие закона сказывалось в неоднократных понижениях реальной заработной платы и жизненного уровня рабочих и в периоды общего повышения, например в XIX веке, что было связано с циклическим развитием производства и другими обстоятельствами. Общий подъем средней реальной заработной платы, наблюдавшийся в Англии и США в XIX веке, отнюдь не носил характера неуклонного подъема. В-третьих, действие закона сказывалось в образовании обширных бедствующих слоев рабочего класса даже в периоды подъема средней реальной заработной платы и даже в фазах подъема капиталистического цикла (безработица, пауперизм, обезземеливание и пролетаризация крестьянства, рабочие-эмигранты и др.). Другими словами, подъем средней реальной заработной платы, который рисует официальная статистика, никогда не был всеобщим подъемом благосостояния, а скрывал за собой массу нищеты, голода и других бедствий обширных слоев трудящегося населения. Мы уж не говорим о ненадежности самих официальных источников, рисующих движение реальной заработной платы.

Еще более резко действие этого закона проявлялось в других странах, развивавшихся не в столь благоприятных условиях, и особенно в колониальных и зависимых странах. Иными словами, мы хотим подчеркнуть, что процесс абсолютного обнищания — это сложный процесс, но вместе с тем постоянно действующая опасность для рабочего класса, постоянно висящий над ним дамо-

клов меч, избавиться от которой он не может в рамках капитализма. Отсюда и политический вывод, следующий из данного положения: рабочий класс должен соблюдать величайшую бдительность и все время держать свои силы наготове. Но вместе с тем даже в условиях самой успешной борьбы он эту опасность не может уничтожить в рамках капитализма. Уничтожение всеобщего закона капиталистического накопления и связанного с ним ухудшения положения рабочего класса возможно лишь с уничтожением капитализма.

Е. Варга стоит на иной позиции. Он считает, что модификация действия закона есть его уничтожение, и не допускает даже мысли о возможности длительного снижения жизненного уровня трудящихся при капитализме, особенно же в развитых странах. Наряду с этим он не допускает и мысли о возможности ухудшения положения рабочих в отдельные моменты или отдельных слоев в периоды, когда наблюдается тенденция подъема средней заработной платы. С этой установкой связана его трактовка соответствующего пункта Программы КПСС, в котором дается характеристика социального значения экономических кризисов. Фактически Е. Варга стоит на позиции неуклонного улучшения благосостояния рабочего класса при капитализме, неуклонного роста жизненного уровня рабочих и полного отрицания абсолютного обнищания, по крайней мере в развитых странах [1].

В этом свете делаются понятными его неоднократные заявления насчет того, что якобы в Англии (а также и в США, конечно) за последние 100 лет абсолютного обнищания не происходило и что положение об «абсолютном обнищании рабочего класса явно противоречит марксистско-ленинскому учению об образовании рабочей аристократии в главных империалистических странах» [2]. Что это означает — понимайте, как знаете:

[1] Эта позиция Е. Варга тесно связана также с его трактовкой источников монопольной прибыли. Е. Варга отрицает рост прибавочной стоимости на монополизированных предприятиях как основной источник монопольной прибыли, следовательно, отрицает рост эксплуатации рабочего класса при монополистическом капитализме (подробнее см. статью Ш. Б. Лифа, публикуемую в данном сборнике).

[2] *Е. Варга.* Основные вопросы экономики и политики империализма. Госполитиздат, 1957, стр. 46.

или весь рабочий класс развитых стран входит в состав рабочей аристократии, или образование слоя рабочей аристократии предохраняет автоматически весь рабочий класс от обнищания. Согласиться с таким тезисом, конечно, нельзя.

Дает ли Программа КПСС основания для такой позиции в вопросе об абсолютном обнищании? Разумеется, не дает.

Во-первых, характеристика положения рабочего класса при капитализме дается в Программе КПСС не в одном, а в ряде пунктов: там указывается на рост армии безработных, разорение крестьянства, рост общественного неравенства, снижение жизненного уровня, увеличение страданий и бедствий миллионов людей по мере развития капитализма. В заключение всей этой характеристики в Программе КПСС указывается: «Несмотря на отдельные успехи экономической борьбы рабочего класса, в целом его положение в капиталистическом мире ухудшается». Легко заметить, что именно позиция Е. Варга никак не согласуется с данным пунктом Программы КПСС.

Пункт Программы, характеризующий социальное значение кризисов, говорит не о том, что абсолютное обнищание случается лишь во время кризисов, да и то не всех и лишь иногда, как это толкует наш критик, а о том, что кризисы «еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса». Другими словами, Программа КПСС учитывает абсолютное обнищание как постоянно действующую опасность для рабочего класса и вместе с тем подчеркивает, что экономические кризисы усиливают эту опасность и могут ускорять процесс обнищания.

Вопрос о динамике жизненного уровня рабочего класса при капитализме надо решать исходя из фактов, из конкретного исследования положения рабочего класса на основе марксистской методологии. Большое значение в этом деле имеет определение понятия жизненного уровня. В своих работах мы указывали на то, что для характеристики положения рабочего класса недостаточно одного показателя, хотя бы и такого важного, как заработная плата. Для этого требуется комплекс показателей. В связи с этим нами была выдвинута категория жизненного уровня рабочих при капитализме

как сложная категория, включающая комплекс показателей, отражающих важнейшие стороны его труда и жизни.

Так, в докладе на Международной научно-экономической конференции в Берлине, происходившей в октябре 1958 года, мы указывали: «Определяя жизненный уровень рабочего класса, мы должны, очевидно, учитывать, во-первых, размеры резервной армии труда, рост безработицы в городе и аграрного перенаселения в деревне; во-вторых, уровень и динамику реальной заработной платы и ее соотношение со стоимостью рабочей силы; в-третьих, уровень интенсивности труда, длительность рабочего дня и связанные с ними размеры травматизма и сокращение трудоспособного возраста рабочего; в-четвертых, влияние экономических кризисов и войн, в особенности мировых; в-пятых, положение отдельных слоев пролетариата; в-шестых, жилищные условия, состояние медицинского обслуживания, социального страхования и некоторые другие моменты. Наконец, при рассмотрении процесса абсолютного обнищания... нельзя отвлекаться от разорения и обнищания крестьянства и ремесленников, а также населения колоний и зависимых стран. Все эти моменты теснейшим образом связаны друг с другом. *Абсолютное обнищание есть понижение жизненного уровня рабочего класса и всех трудящихся*»[1]. Е. Варга обходит данный вопрос и оперирует лишь заработной платой. Он вынужден, правда, признать, что «теоретически абсолютное обнищание возможно и при росте реальной заработной платы», но он отмахивается от данного признания простым заявлением, что *«фактически в наше время в развитых капиталистических странах этого не бывает»* (стр. 131). Почему же не бывает? Как раз в современный период быстрого технического прогресса, огромного роста безработицы и интенсивности труда это очень часто бывает и именно в развитых странах[2]. Но поскольку он сосредоточивает

---

[1] «Проблемы кризисов и обнищания рабочего класса после второй мировой войны». Соцэкгиз, 1959, стр. 333, а также см. мою книгу «Обнищание трудящихся при капитализме», стр. 21—22.

[2] Было время, когда Е. Варга занимал иную, правильную позицию в этом вопросе. Так, в работе «Капитализм и социализм за 20 лет» он писал: «Если буржуазная статистика показывает повышение реальной зарплаты... то это отнюдь не доказывает, что

внимание лишь на заработной плате, последуем за ним и займемся реальной заработной платой.

В своей книге автор данных строк, анализируя динамику реальной заработной платы, приходит к выводу о том, что в конце XIX века в Англии и США повышательная тенденция выдыхается и происходит перелом в ее динамике. В XX веке в отличие от XIX века в Англии и США движение реальной заработной платы испытывает тенденцию к снижению. Этот тезис подвергается резким нападкам со стороны Е. Варга, усматривающего здесь «вековое абсолютное обнищание» и отступление от Программы КПСС. Вывод, сделанный мной, конечно, не противоречит Программе КПСС, но противоречит концепции Е. Варга, не допускающей вообще возможности понижения реальной заработной платы при капитализме. Но такой вывод был сделан мной на основе солидных исследований Кучинского, Дугласа, Мортона, Бэлла, Ал. Хатта и других американских и английских исследователей.

Что же противопоставляет Е. Варга этим исследованиям?

Прежде всего он заявляет, что «статистически этот вопрос решать нельзя» (стр.123). Статистически — значит при помощи цифр и фактов! Но если такой вопрос нельзя решать при помощи цифр и фактов, тогда как же его можно вообще решать? К чему же тогда сводится роль экономической науки? Ссылаясь на изменение структуры потребления, он утверждает, что исчислять реальную заработную плату для сравнений можно лишь за короткие отрезки времени (до десяти лет), но не за длительные. Однако это, конечно, чистейшее недоразумение. Изменение структуры потребления никогда не препятствовало сравнению общей покупательной силы заработной платы. Это доказано работами К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, производивших сравнения реальной заработной платы за 20, 30, 50 и более лет.

К. Маркс неоднократно указывал на возможность и необходимость статистического исследования и срав-

---

не произошло абсолютного ухудшения положения рабочих. Если буржуазная статистика показывает неизменный уровень или падение реальной зарплаты, то это несомненное доказательство того, что наступило абсолютное ухудшение положения рабочего класса» (стр. 136).

нения заработной платы в различных странах и в различные периоды развития капитализма. Разбирая вопрос о связи движения заработной платы и нормы эксплуатации, К. Маркс писал: «Тенденция нормы прибыли к понижению связана с тенденцией к повышению нормы прибавочной стоимости, следовательно, с тенденцией к повышению степени эксплуатации труда... Только поняв отношения, действующие при образовании нормы прибыли, статистика приобретает способность предпринять действительный анализ уровня заработной платы в различные эпохи и в различных странах» [1].

Но и сам Е. Варга не удерживается на занятой им позиции и приводит данные, характеризующие рост реальной заработной платы в Англии за 110 лет (стр. 130). Вот эта таблица в том виде, как она приводится в его книге.

Реальные заработки взрослых промышленных рабочих мужского пола
(1850 г.=100)

1880 г. — 134	1930 г. — 212
1890 г. — 166	1938 г. — 222
1900 г. — 183	1960 г. — 335
1910 г. — 169	

Согласно приведенным данным, реальная заработная плата в Англии в 1960 году выросла по сравнению с 1850 годом в 3,35 раза, а по сравнению с 1900 годом — на 83 процента. Большой рост! Оказывается, наш критик выступает *против* данных за длительные периоды, показывающих снижение, колебания или слабое повышение, но он выступает *за* те данные, которые показывают большой и фактически непрерывный рост реальной заработной платы. Разберемся, однако, в приведенных данных.

Прежде всего возникает вопрос: почему для характеристики динамики средней реальной заработной платы и жизненного уровня рабочего класса берутся лишь заработки взрослых промышленных рабочих-мужчин? Хорошо известно, что среди наемных работников в Англии, как и в других капиталистических странах, растет

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 262—263.

удельный вес женщин, оплата труда которых значительно ниже, чем оплата труда работников-мужчин. Развитие капитализма означает также быстрый рост численности наемных рабочих в других отраслях труда — на транспорте, в торговле, строительстве, где оплата, как правило, ниже, чем в промышленности. Учет только этих обстоятельств способен существенно изменить обрисованную в таблице динамику заработной платы.

Но это не все. В источнике, из которого взята таблица, указывается, что таблица составлена из двух разных рядов: с 1938 по 1960 год дается действительно заработная плата рабочих-мужчин в промышленности, а с 1850 по 1938 год — средняя реальная заработная плата рабочих обоего пола. Соединение в одной динамической таблице столь разнородных и фактически несравнимых рядов еще более искажает действительную картину [1]. Ведь за период с 1938 по 1960 год в Англии в связи со второй мировой войной произошло наибольшее вовлечение женщин в производство. За этот период численность женщин — наемных работников увеличилась с 4 385 тыс. до 8 027 тыс. человек, а удельный вес их в общей численности работников наемного труда повысился с 27,7 до 35,5 процента [2]. Если учесть то, что заработная плата взрослых женщин в Англии примерно в 2 раза, а девушек в 3 раза ниже заработной платы мужчин, станет ясно, что динамика средней реальной заработной платы за указанный период является в действительности иной, чем это рисуют данные приведенной таблицы.

Но возникают и иные вопросы: какой круг работников охвачен за период с 1850 по 1938 год, каким индексом стоимости жизни пользовались составители таблицы, учитывали ли они рост налогов и т. д.? Ответа на такие вопросы в источнике, который цитируется нашим критиком, нет, а поэтому и приведенные им данные мы не можем считать надежными и убедительными.

---

[1] См. «Проблемы мира и социализма» № 8, 1963, стр. 31. Чем руководствовались составители таблицы, соединив в ней несоединимые показатели, они не сообщают, но все-таки делают оговорку о том, что это разные показатели. Е. Варга, а точнее, его помощники и редакторы его книги пошли дальше и превратили разнородные показатели в однопорядковые, дав новый заголовок таблице.

[2] «Annual Abstract of Statistics», 1954, p. 98; 1964, p. 113.

Для подтверждения своих выводов Е. Варга приводит еще одну таблицу о движении реальной заработной платы в ряде стран, взятую из доклада А. Арзуманяна на совещании в 1962 году. Вот эта таблица в части, касающейся США и Англии.

Движение реальной заработной платы (недельной)
(1938 г.=100)

Год	США	Англия
1948	89,4	101
1958	106,8	123
1960	111,7	135

Эти данные отличаются от приведенных выше более скромным темпом роста. Однако заглянем опять в источник и посмотрим, какова методология их расчета. В источнике нас встречает неожиданность. Оказывается, в источнике за 100 проц. принят не 1938 год, как указано в книге Е. Варга, а по Англии — 1947 и по США — 1944 год [1].

Но данное обстоятельство сильно меняет картину. Е. Варга пишет, что после второй мировой войны в развитых странах произошел значительный рост реальной заработной платы. В том, что рост реальной заработной платы после войны происходил, нет сомнения. Вопрос заключается в другом: какова была степень падения реальной заработной платы во время войны и когда именно в этих странах был достигнут довоенный уровень? Приведенные данные по Англии и США из доклада А. Арзуманяна на этот вопрос ответа не дают, поскольку они своей исходной базой имеют не довоенный, а военный уровень (США) или уровень 1947 года (Англия), когда реальная заработная плата была еще ниже довоенной.

Таковы данные, которыми пользуется Е. Варга.

---

[1] См. «Проблемы современного капитализма и рабочий класс». Изд-во «Мир и социализм», 1963, стр. 59.

Данные, которыми пользовались мы, по нашему мнению, более основательны и достоверны. Так, за период с 1900 по 1939 год мы пользовались данными о динамике реальной заработной платы на одного занятого за полную рабочую неделю, рассчитанными известным специалистом в этой области Ю. Кучинским. Приведем эти данные (в проц. к 1900 г.) [1]:

1900 г. — 100	1910 г. — 95	1920 г. — 100	1930 г. — 103
1901 г. — 107	1911 г. — 95	1921 г. — 100	1931 г. — 104
1902 г. — 98	1912 г. — 93	1922 г. — 90	1932 г. — 106
1903 г. — 97	1913 г. — 95	1923 г. — 90	1933 г. — 105
1904 г. — 96	1914 г. — 97	1924 г. — 91	1934 г. — 105
1905 г. — 96	1915 г. — 88	1925 г. — 94	1935 г. — 103
1906 г. — 98	1916 г. — 78	1926 г. — 93	1936 г. — 105
1907 г. — 99	1917 г. — 74	1927 г. — 97	1937 г. — 104
1908 г. — 97	1918 г. — 84	1928 г. — 96	1938 г. — 107
1909 г. — 96	1919 г. — 98	1929 г. — 96	1939 г. — 98

Таким образом, из 39 предвоенных лет в течение 26 лет реальная заработная плата английских рабочих стояла на уровне ниже 1900—1901 годов. И это вполне понятно, если вспомнить громадный рост дороговизны в данный период, связанный с развитием монополий и монопольных цен, а также воздействие на положение трудящихся ряда сокрушительных экономических кризисов и первой мировой войны. Ю. Кучинский отнюдь не преувеличил воздействие всех этих явлений на положение английских рабочих, а, пользуясь официальными данными, скорее преуменьшил его. Достаточно сказать, что В. И. Ленин, характеризуя воздействие первой мировой войны на положение рабочих, отмечал в начале 1920 года для того момента гораздо более глубокое падение заработной платы, чем это дается Ю. Кучинским. Точно так же вызывают сомнение и данные о некотором повышении заработной платы в период двух самых жестоких экономических кризисов (1929—1933 и 1937—1938 гг.). Однако при всем том данные Кучинского близки к действительности и приводят к интересным выводам. Прежде всего они показывают, что перед войной уровень реальной заработной

[1] См. *Ю. Кучинский.* Положение рабочего класса в Англии (1832—1956 гг.), 1958, стр. 279—280.

платы английских рабочих был безусловно ниже, а не выше уровня 1900—1901 годов. Эти данные показывают, кроме того, что по одним только каким-то конечным срокам нельзя судить о положении рабочих за тот или иной период. Даже если бы уровень заработной платы в 1938—1939 годах был выше 1900—1901 годов пусть на 20—22 проц. (как это уверяют Е. Варга и составители таблицы, которую он позаимствовал у них), то и в этом случае при сохранении всего остального ряда цифр за все предшествующие годы мы не имели бы оснований утверждать, что положение рабочих в данный период улучшилось и обнищания не происходило.

Как же повлияла на положение английских рабочих вторая мировая война? Номинальные заработки во время войны росли, а официальный индекс стоимости жизни был прочно заморожен регулирующими организациями, в связи с чем официальная статистика трубила о большом росте реальных заработков. Но рабочие организации как в Англии, так и в США не были согласны с этой лживой версией и не раз выступали с соответствующими заявлениями. Даже сотрудник Оксфордского института статистики Дж. Никольсон выступил против официального индекса стоимости жизни и показал, что реальная заработная плата английских рабочих во время войны снижалась, причем наибольший уровень снижения, по его мнению, составил примерно около 11 процентов. Однако и эта прикидка не свободна от недостатков.

Возникает вопрос: как проверить ее и подойти к более или менее правильному определению реальной заработной платы в военный период и первые послевоенные годы? Мы предложили использовать для этой цели публикуемые английской статистикой официальные данные о расходах населения на покупку товаров и услуг в расчете на душу населения в неизменных ценах по официальному курсу. Конечно, эти данные смазывают классовый характер доходов и потребления, но все же они могут дать представление о динамике доходов, в том числе и рабочих. Вот эти данные (в проц. к 1938 г.) [1]:

[1] «Annual Abstract of Statistics», 1957, p. 7, 251.

1938 г. — 100	1947 г. — 93,8
1941 г. — 84,4	1949 г. — 94,9
1943 г. — 81,0	1950 г. — 97,4
1945 г. — 88,7	1951 г. — 96,8
1946 г. — 92,9	1952 г. — 95,9

Таким образом, расходы населения на покупку товаров и услуг снизились в 1943 году, по официальным данным, на 19 проц. и еще в 1952 году они не достигли довоенного уровня [1].

За отсутствием более надежных источников нам представляется вполне целесообразным взять эти данные за приблизительное мерило падения реальной заработной платы во время войны и в первые послевоенные годы, хотя, повторяем, это мерило скорее преуменьшает степень падения и смазывает различия в потреблении различных социальных групп.

Как же шло движение заработной платы в послевоенное время? Здесь мы использовали официальные данные о движении средней недельной ставки заработной платы и среднего недельного заработка наемных рабочих во всех отраслях хозяйства, взвешенных с учетом официального индекса розничных цен на потребительские товары. Результат получается следующий. Покупательная сила ставки заработной платы вплоть до 1954 года включительно не достигла уровня 1947 года, взятого за 100 проц., составляя по отдельным годам от 95 до 98 процентов. Начиная с 1955 года она переваливает за 100 проц. и, медленно поднимаясь, достигает в 1958 году 105,8 проц., а в 1960 году — 110,6 процента. Среднененедельный реальный заработок одного работника поднимался более быстро, но и он со-

---

[1] Этот факт не раз отмечал и Е. Варга. Оценивая положение английских рабочих в 1952 году, он писал: «Все данные показывают, что в послевоенной Англии положение рабочего класса ухудшилось, его реальная заработная плата значительно уменьшилась» (*Е. Варга.* Основные вопросы экономики и политики империализма. Госполитиздат, 1953, стр. 190—191). Во втором издании этой книги (1957 г.) автор подчеркивал: «В первые годы после войны произошло значительное абсолютное обнищание рабочего класса». И далее: «...нам представляется, как мы это покажем ниже, что в первые 5—6 лет после окончания войны имело место падение реальной заработной платы» (стр. 46). С точки зрения последней книги автора, приведенные положения являются, конечно, догматическими.

ставил в 1958 году примерно 119,5 проц. к 1947 году[1]. Принимая во внимание, что уровень реальной заработной платы в 1947 году был ниже довоенного уровня процентов на 7—8, можно с большой долей достоверности утверждать, что в 1958 году в среднем покупательная способность ставки заработной платы была ниже, а среднего заработка ниже или примерно равна довоенному уровню.

Этот расчет неоднократно проверялся нами в свете последних данных и новых исследований. Но, конечно, всякий расчет подобного рода полезно проверить и еще раз как с точки зрения общей оценки, общего вывода, так и с точки зрения самого расчета.

Что касается общей оценки, мы позволим себе привести мнение одного из крупных и, я бы сказал, наиболее авторитетных для нашего критика экономистов, который писал следующее: «Возможен ли вообще рост реальной заработной платы при капитализме? Конечно, временно возможен при благоприятных условиях борьбы рабочего класса... Но при монополистическом капитализме, особенно в период общего кризиса капитализма, когда монополии удерживают цены на свои товары на высоком уровне, несмотря на падение их стоимости, когда хроническая массовая безработица и раскол рабочего класса затрудняют борьбу рабочих за повышение заработной платы, рост реальной заработной платы вряд ли имеет место, за исключением кратковременных преходящих периодов».

Мы не идем, никогда не шли так далеко и никогда не утверждали, что в период империализма и общего кризиса капитализма, в том числе и на третьем его этапе, исключен подъем реальной заработной платы в течение более или менее длительного периода. Но что в период империализма в результате господства монополий и роста цен, экономических кризисов, мировых войн и милитаризации экономики, развития государственно-монополистического капитализма и «регулирования» условий труда в интересах монополий борьба рабочего класса за свои жизненные права осложняется, — это несомненно.

---

[1] Расчет произведен на основании данных, приведенных в «Annual Abstract of Statistics».

Но кому же принадлежит приведенное выше высказывание, которое Е. Варга сейчас характеризует как догматическое? Оно принадлежит самому Е. Варга [1].

Попробуем теперь проверить наш расчет движения реальной заработной платы в Англии в свете последних научных исследований, опубликованных после выхода моей книги. Одно из таких исследований было проведено коллективом научных работников Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР и опубликовано в 1962 году под общей редакцией доктора экономических наук В. В. Любимовой. На основании материалов раздела книги, посвященного Англии, можно прийти к следующим выводам. Реальная заработная плата в Англии в 1914 году составляла 90,7 проц., в 1918 году — 78,5, в 1920 году — примерно 93, в 1929 году — 87,4, а в 1938 году — примерно 87 проц. уровня 1900 года. Каков же был уровень заработной платы после окончания второй мировой войны? Работники института показывают это на примере квалифицированных рабочих машиностроительной промышленности: в 1948 году покупательная сила ставки заработной платы этих рабочих равнялась 88 проц., а среднедельный реальный заработок — 98 проц. уровня 1938 года. Другими словами, уровень реальной заработной платы английских рабочих в 1948 году по исчислению работников института не превышал 84 проц. уровня 1900 года. Реальная заработная плата в 1958 году поднялась по их исчислению по сравнению с 1948 годом лишь на 19 проц. и, таким образом, фактически была ниже или еле-еле дотягивала до уровня 1900 года [2]. Этот вывод полностью согласуется с моими расчетами. Авторы книги совершенно правильно подчеркивают, что «фактическая реальная заработная плата английских рабочих на протяжении многих лет послевоенного периода была ниже довоенного уровня и только в самые последние годы превысила этот уровень» [3].

Значит ли это, что довоенный уровень есть какой-то непреодолимый предел росту реальной заработной пла-

---

[1] См. *Е. Варга.* Основные вопросы экономики и политики империализма. Госполитиздат, 1957, стр. 45.

[2] См. «Реальная заработная плата в период общего кризиса капитализма». Соцэкгиз, 1962, стр. 43, 45, 48, 106, 110, 112.

[3] Там же, стр. 113.

ты? Конечно, нет. Этот уровень уже превзойден, и реальная заработная плата как в Англии, так и в других странах может расти и дальше. Но может и падать.

Вопрос о положении рабочего класса при капитализме имеет большое политическое значение. Вопрос этот непосредственно связан не только с повседневной борьбой рабочих за заработную плату, но и с борьбой против капиталистического строя, за социализм. Между тем наш критик подходит к данному вопросу односторонне. Утверждение о непрерывном «фатально-неизбежном обнищании», конечно, не может способствовать развитию борьбы рабочих за их права в рамках капитализма и, если оно где-нибудь встречается, должно осуждаться. Но не меньший, а еще больший вред рабочему движению приносит утверждение о быстром и неуклонном подъеме жизненного уровня рабочего класса при капитализме и фактическое отрицание абсолютного обнищания, потому что оно притупляет революционную энергию рабочего класса и ограничивает его борьбу экономической борьбой за повседневные нужды в рамках капиталистического строя. Нежелательно и опасно преуменьшать результаты и достижения борьбы рабочих за свой жизненный уровень, но еще опаснее раздувать эти достижения, скатываясь в колею буржуазной и реформистской пропаганды.

Академик Е. Варга в полемике против своих оппонентов ссылается на известное высказывание Ф. Энгельса относительно того, что неверно в абсолютной форме говорить о росте нищеты и что растущее сопротивление рабочего класса создает некоторую преграду росту нищеты (стр. 120). Но, во-первых, не известно, кто именно из его оппонентов говорил о повсеместном и неуклонном росте нищеты. В частности, автор данных строк был всегда далек от понимания обнищания в смысле повсеместного роста нищеты. Более того, в своих работах мы в соответствии с указаниями классиков марксизма-ленинизма сформулировали положение об абсолютном обнищании как снижении жизненного уровня трудящихся независимо от того, высок он или низок, независимо от того, длительным или кратковременным является такое снижение. Это положение, равно как и положение о жизненном уровне как сложной категории, было встречено одобрительно со стороны

научной общественности. Во-вторых, нельзя толковать слова Ф. Энгельса в том смысле, что сопротивление рабочих воздвигает *непреодолимую преграду* для абсолютного обнищания рабочего класса. Ф. Энгельс был достаточно осторожен и говорил лишь о «некоторой плотине» (или «известной преграде», как эти слова теперь переведены в новом издании). Тем самым Ф. Энгельс допускал относительность такой преграды и возможность преодоления ее со стороны капитала при известных условиях.

Выступая против положения о непрерывном росте нищеты, К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с тем подчеркивали, что капитализм неизбежно порождает и сохраняет нищету. В «Учредительном Манифесте Международного Товарищества Рабочих» К. Маркс писал: «... ни усовершенствование машин, ни применение науки к производству, ни улучшение средств сообщений, ни новые колонии, ни эмиграция, ни новые рынки, ни свободная торговля, ни все это вместе взятое не устранит нищеты трудящихся масс...» [1]

К. Маркс, подчеркивая все значение повседневной борьбы рабочего класса, вместе с тем предупреждал против переоценки ее значения и ее результатов. Он писал, касаясь борьбы рабочих за заработную плату, что рабочий класс «не должен забывать, что в этой повседневной борьбе он борется лишь против следствий, а не против причин, порождающих эти следствия; что он лишь задерживает движение вниз, но не меняет направления этого движения; что он применяет лишь паллиативы, а не излечивает болезнь» [2]. К. Маркс дает здесь четкое определение значения экономической борьбы рабочего класса, показывая ее возможности и границы при капитализме. Это указание отнюдь не устарело. Оно сохраняет всю свою силу в современный период революционных битв.

Наряду с этим К. Маркс подчеркивает значение общих экономических условий той или иной страны для результативности экономической борьбы рабочих. Рост реальной заработной платы в США и Англии в XIX веке являлся, конечно, результатом борьбы рабочего клас-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 7.
[2] Там же, стр. 154.

са, но этой борьбе способствовали благоприятные обстоятельства: в США — наличие свободных земель и недостаток рабочих рук, в результате чего закон спроса и предложения на рынке труда действовал, по выражению К. Маркса, в то время не в пользу капиталистов, а в пользу рабочих, а в Англии — ее выгодное положение на мировом рынке и громадная дань, получаемая в колониях. Значение этих благоприятных обстоятельств в основном было исчерпано к началу XX века.

Правда, и теперь появились обстоятельства, благоприятствующие борьбе рабочих против капитала, за свои права. Это прежде всего образование мировой системы социализма и рост ее могущества. Но значение такого мощного фактора начало сказываться лишь в послевоенные годы, и его нельзя относить на всю первую половину XX века, как это следует из позиции, занятой нашим критиком. Наряду с благоприятными обстоятельствами возникают и неблагоприятные, например автоматизация производства, обращенная при капитализме своим острием против рабочего класса. В печати недавно сообщалось о стачке работников американской железнодорожной компании «Саусэрн Рейлуэйз», направленной против решения компании уволить за ненадобностью всех паровозных кочегаров ввиду полного перехода ее железных дорог на тепловозную тягу. Стачка вызвала всеобщее сочувствие. Но много ли могут сделать рабочие в данном случае против компании, в руках которой мощное оружие технического прогресса, обрекающего целые слои рабочих на безработицу? В связи с этим мы считаем полезным напомнить то место из Программы КПСС, где дается характеристика влияния автоматизации на положение рабочего класса. В Программе КПСС указывается: «Капиталистическая автоматизация вырывает кусок хлеба у рабочего — растет безработица и снижается жизненный уровень. Технический прогресс пускает ко дну все новые слои мелких производителей».

Та или иная трактовка вопроса о положении рабочих при капитализме имеет большое значение для идеологической борьбы на международной арене. Отрицание абсолютного обнищания и утверждение о неуклонном росте благосостояния рабочего класса при капитализме, извращая действительное положение вещей, лишает нашу пропаганду ее силы и наступательного острия. Кон-

цепция неуклонного роста благосостояния при капитализме смазывает разницу между капитализмом и социализмом в коренном вопросе — в вопросе о положении масс и дезориентирует нашу пропаганду.

В этой связи необходимо сказать несколько слов об отношении к ленинским работам и их использовании в идеологической борьбе. Широко известна ленинская работа «Обнищание в капиталистическом обществе», в которой В. И. Ленин не только дает четкое определение абсолютного и относительного обнищания, но на материалах Германии за 30-летний срок показывает, как надо подходить к оценке степени обнищания и использовать данные официальной статистики в пропаганде. И что же? Эта работа замалчивается. Более того, она кое-кем объявляется «устаревшей» и имеющей «ограниченное значение», лишь для Германии тех лет.

Возьмем другую работу В. И. Ленина — «Капитализм и народное потребление», в которой он показал, как можно и нужно использовать статистику душевого потребления для характеристики воздействия капитализма на положение масс, как ухудшается потребление рабочими продуктов питания, в частности структура питания (маргарин вместо масла, снятое молоко вместо цельного и т. д.). Ныне эта работа не только замалчивается некоторыми теоретиками, но, больше того, она фактически объявляется неправильной. Посмотрите, что пишет по этому вопросу, например, Е. Варга. Он заявляет, что рост душевого потребления маргарина и снижение душевого потребления сливочного масла означают не ухудшение, а улучшение структуры питания и оно обязано не более и не менее как заботе американских страховых компаний и врачебной корпорации США о сохранении здоровья и о продлении жизни американских рабочих. Еще бы, ведь в сливочном масле много холестерина! Кстати сказать, энергичная пропаганда некоторой части американских врачей против сливочного масла, на которую ссылается Е. Варга, оплачивалась не страховыми, а маргариновыми компаниями, и она, эта пропаганда, не имела абсолютно никакого влияния на потребление низкооплачиваемых слоев населения, которые все равно не в состоянии питаться маслом, а кроме того, она, эта пропаганда, уже давно сошла на нет, хотя от этого потребление сливочного масла также не увеличилось. В рассуждениях

Е. Варга по данному вопросу фактически ведется прямая полемика со статьей В. И. Ленина.

Для идеологической борьбы против капитализма и его защитников мы должны в максимальной степени использовать материалы, содержащиеся в работах зарубежных прогрессивных ученых, считающихся с фактами. Например, громадное значение для пропаганды имеет вывод, к которому пришел английский специалист по вопросам питания и продовольствия, ученый с мировым именем лорд Джон Бойд Орр, установивший заметное понижение объема, качества и питательной ценности пищи английских рабочих в предвоенный период по сравнению с XVIII веком. «В результате ухудшения питательной ценности пищи рабочего класса, — подчеркивал он, — физическое состояние населения ухудшилось. Средний рост рабочего уменьшился»[1]. Вот заключение крупного буржуазного ученого, подкрепленное убедительным материалом. Как же поступает Е. Варга? Вместо того чтобы воспользоваться этим заключением как обвинительным актом против капитализма и взять его на вооружение, он... дезавуирует его. Он утверждает, что-де при сильном изменении структуры потребления этим заключением доказать ничего нельзя, что уменьшение питательной ценности пищи и ухудшение структуры питания — это-де «не является следствием снижения реальной заработной платы; это результат изменения привычек» (стр. 124).

Конечно, привыкнуть можно ко всему, в том числе и к недостаточному питанию и к явному недоеданию. Но не ясно ли, что это не ответ на вопрос. Если недоедание — результат привычки, то возникает вопрос: а результатом чего явилась такая привычка? И не следует ли причину такой привычки искать в условиях капитализма? Если указанное рассуждение Е. Варга преподнести американскому безработному, он расценил бы его как явную насмешку. Ясно, что подобного рода заявления отнюдь не усиливают позиции советской экономической науки и нашей пропаганды.

Е. Варга заявляет, что «догматики», отстаивая свои позиции по вопросу о положении рабочего класса в капиталистических странах, якобы дискредитируют нашу

[1] *John Boyd Orr.* Food and the People. London, 1943, p. 15.

науку в этих странах, поскольку там имеются свои собственные наблюдения и исследования о положении рабочих. Верно, в каждой стране имеются собственные наблюдения и исследования о положении рабочих, в частности возникли своя рабочая статистика, исчисления индексов стоимости жизни, материалы профсоюзной печати, книги и статьи прогрессивных исследователей. Использует ли эти материалы Е. Варга? Нет, не использует и не считается с ними.

В качестве примера мы сошлемся на широко известное исследование профсоюза рабочих радио- и электропромышленности США, в котором дается серьезная критика официального индекса стоимости жизни и выдвигается свой собственный индекс, применение которого позволяет установить, что в США реальная заработная плата в годы войны упала, а не выросла и еще в 1952 году стояла на уровне ниже довоенного. Это тот самый вывод, который как раз очень не понравился нашему критику и который он клеймит как догматический. Может ли он поэтому использовать указанные данные рабочей статистики? Не может и не хочет и тем самым теряет один из самых надежных и классово верных источников для суждения о положении рабочих. Именно подобное отношение к указанным источникам, а не наши расхождения в расчетах с отдельными исследователями способно дискредитировать, конечно, не советскую науку в целом, а отдельных ее представителей.

О послевоенном капиталистическом цикле

В разделе книги, посвященном послевоенному циклу, уже нет персональных обвинений в догматизме и отступлении от Программы партии. Однако, как и в других разделах книги, автор и здесь пользуется случаем для того, чтобы оправдать и подновить свои несостоятельные концепции, а их противников всех скопом обвинить в догматизме и ревизионизме. Так, мнение ряда советских экономистов о том, что вторая мировая война по-различному отразилась на экономике разных стран и что в странах, далеко отстоявших от фронтов военных действий и принимавших слабое участие в войне (США, Канада, Австралия и др.), во время войны

происходил рост производственного аппарата, рост производства и созревание предпосылок перепроизводства, что и привело в них к экономическому кризису 1944—1946 годов, автор именует догматическим: «Мы считаем такой подход догматическим. В нем отсутствует то, что Ленин назвал живой душой марксизма, — конкретный анализ конкретной обстановки» (стр. 228).

Но почему же такой подход является догматическим? Не правильнее было бы, коли на то пошло, охарактеризовать подобным образом именно концепцию нашего критика, который заявил, что все страны без исключения беднеют и истощаются во время войны, в том числе даже США, что предпосылки кризиса ни в одной стране не создавались, зато сохранялся и умножался так называемый отложенный спрос, что период войны следует исключать из цикла, потому что К. Маркс якобы установил лишь законы мирной экономики, а о военном хозяйстве он понятия не имел, и т. д. Совершенно очевидно, что именно подобного рода концепция, которая стригла все страны под одну гребенку и не желала замечать серьезных различий в воздействии войны на экономику различных стран, как раз и исключала возможность «конкретного анализа конкретной обстановки», в силу чего она страдала явным бесплодием и закрывала путь для понимания особенностей послевоенного цикла.

Е. Варга теперь признал, что вторая мировая война оказала решающее влияние на ход послевоенного цикла (стр. 238). Но как можно по-настоящему понять такое воздействие войны на цикл, если мы будем отрицать факт различного воздействия войны на экономику различных стран и связанную с этим десинхронизацию фаз мирового цикла?

Схематизм и бесплодие указанной концепции послевоенного цикла проявились сразу же при ее соприкосновении с действительностью. Не случайно, что один из сильнейших послевоенных экономических кризисов — кризис 1944—1946 годов, охвативший США, Канаду, Австралию, отчасти Англию, — не был «признан» нашим критиком. А что случилось с его оценками и других кризисов? Промежуточные американские кризисы 1948—1949, 1953—1954 и 1960—1961 годов наш критик расценивал как мировые циклические кризисы

и лишь под давлением фактов и научной общественности вынужден был потом признать их в качестве промежуточных. Характерно в этом смысле его заявление в статье, опубликованной в 1958 году, в которой он заявил, что кризисы 1948—1949 и 1953—1954 годов в США «лучше считать промежуточными кризисами» [1].

Но мы уже знаем, что в одних случаях он пишет так, а в других — этак [2]. Поэтому не может вызвать удивления тот поворот на 180°, который делается в отношении к промежуточным кризисам в его новой книге. Неискушенный читатель с величайшим удивлением прочитает здесь: «Мы считаем, что называть все кризисы в США в послевоенный период (кроме кризиса 1958 г.) промежуточными неправомерно» (стр. 252). Иными словами, автор считает все кризисы в США основными циклическими кризисами. Но почему же? Оказывается, К. Маркс, по его утверждению, в «Капитале» «разработал только теорию настоящих циклов и кризисов» (стр. 251), а промежуточные кризисы — «ненастоящие» и не являются «составной частью цикла». Но тогда почему же «ненастоящие» кризисы следует перекрещивать в циклические и «настоящие»? Это остается загадкой. Ведь промежуточные кризисы появились на свет не сегодня, это явление не послевоенного времени. Укажем, например, что в первом цикле, после войны 1914—1918 годов, в США также имели место промежуточные кризисы 1924 и 1927 годов, и Е. Варга никогда не предлагал считать их циклическими кризисами.

Но верно ли, что К. Маркс в своей теории кризисов упустил из виду промежуточные кризисы? Конечно, не верно! Теория кризисов разрабатывалась К. Марксом не только в «Капитале», но и в других его работах, а также в работах Ф. Энгельса. Верно лишь то, что этой стороне теории К. Маркса в нашей литературе уделяется до сих пор мало внимания. Между тем для понима-

---

[1] См. «Мировая экономика и международные отношения» № 6, 1958, стр. 28.

[2] Следует отметить, что эта неустойчивость в принципиальных положениях теории, характерная для Е. Варга, никак не может содействовать повышению авторитета советской экономической науки и ее отдельных представителей.

ния хода послевоенного цикла она имеет очень большое значение.

Мы не намерены более подробно останавливаться здесь на разборе концепции послевоенного цикла Е. Варга, на его оценках отдельных кризисов и прогнозах. Это сделано нами в специальной работе, к которой мы и отсылаем интересующихся читателей [1]. Укажем лишь на то, что и вопрос о послевоенном цикле (та или иная его трактовка) имеет очень большое значение для идеологической борьбы. Например, «непризнание» такого глубокого кризиса, как кризис 1944—1946 годов в США (и в некоторых других странах), не только затрудняло установление начала послевоенного цикла, оценку и прогнозы конъюнктуры, но и означало существенный урон для нашей пропаганды. Не меньший урон для идеологической борьбы был нанесен той аргументацией, которая применялась для «непризнания» этого кризиса. Утверждение о том, что население воевавших капиталистических стран во время войны сумело накопить огромные средства («отложенный спрос»), а также смазывание глубокого различия в особенностях и трудностях перехода от войны к миру в США и СССР не могли содействовать нашей пропаганде.

Существенный ущерб нашей экономической науке и пропаганде был нанесен непродуманными оценками и прогнозами конъюнктуры. Печать этой непродуманности и поспешности лежит и на последней книге Е. Варга.

Трактовка экономических законов

Свои выводы Е. Варга пытается обосновать с теоретической стороны и для этого придумывает соответствующую трактовку экономических законов. Он утверждает, что законы общественного развития в отличие от законов природы действуют как тенденции, которым всегда противостоят противоположные тенденции и которые в связи с этим могут осуществляться, а могут и не осуществляться и даже действовать в противоположном направлении. *«Законы общества,* — пишет он, — *явля-*

[1] См. *И. И. Кузьминов.* Послевоенный капиталистический цикл. Соцэкгиз, 1962.

ются поэтому тенденциями, действие которых постоянно нарушается, видоизменяется, смягчается действием контртенденций. Между законом и тенденцией нет различия...» (стр. 11). «Догматики забывают важнейшую основу марксистской философии, заключающуюся в том, что *все* законы капитализма представляют собой лишь тенденции, которым *всегда* сопутствуют противоположные тенденции» (стр. 55).

Конечно, все законы общественного развития, в том числе и экономические, суть законы общественных действий людей, одаренных сознанием, волей и преследующих определенные цели. Экономические законы капитализма осуществляются в процессе борьбы классов и социальных групп, в борьбе частных собственников на рынке. Но это вовсе не значит, что все экономические законы представляют собой лишь тенденции, которым *всегда* сопутствуют противоположные тенденции, и, наоборот, что все и всякие тенденции являются законами. Есть такие тенденции, которые никак нельзя назвать законами, и есть такие законы, которые нельзя рассматривать как постоянно нарушаемые тенденции. К. Маркс не ставит знака равенства между законом и тенденцией.

Тот факт, что экономические законы капитализма осуществляются как законы общественных действий людей в процессе борьбы классов и групп, вовсе не значит, что все эти законы равнозначны, одного порядка — порядка тенденций. Отмечая особенности экономических законов как законов общественного развития, К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с тем не стригут все эти законы под одну гребенку, а отмечают существенные различия между ними. В частности, одни из экономических законов они характеризуют как *законы тенденции,* а другие — как *законы абсолютные.* К абсолютным законам К. Маркс относит закон прибавочной стоимости, всеобщий закон капиталистического накопления, закон конкуренции и анархии производства и некоторые другие. К законам тенденции К. Маркс относит закон тенденции нормы прибыли к понижению, тенденцию нормы прибавочной стоимости к повышению, тенденцию среднего уровня заработной платы к понижению, действие закона роста производительности труда при капитализме и некоторые другие. Действие этих законов действительно связано с наличием факторов, противодействующих ос-

новной тенденции, в результате чего действие ее ослабляется. Объясняя, почему падение нормы прибыли не было более быстрым и значительным, К. Маркс писал: «Это заставляет предполагать противодействующие влияния, которые ослабляют и парализуют действие общего закона и придают ему характер лишь тенденции, почему мы и назвали понижение общей нормы прибыли только тенденцией к понижению»[1]. К. Маркс совершенно ясно указывает здесь, почему именно данный закон он называет законом тенденции, и дает понять наличие законов иного порядка, действие которых не может ослабляться, а тем более парализоваться противодействующими факторами.

На самом деле, можно ли сказать, что закон прибавочной стоимости, закон эксплуатации наемного труда капиталом, выражающий существо и основные устои капитализма, хотя бы на время парализуется или что он «постоянно нарушается» какими-то противодействующими факторами или «контртенденциями»? Если бы это было так, тогда или капитализм на время переставал бы быть капитализмом, или капиталистическое производство просто приостанавливалось и делалось бы невозможным. О какой противодействующей силе или «контртенденции» в данном случае могла бы идти речь? Очевидно, о рабочем классе и его борьбе против капитала. Но если речь идет не о революции, а об экономической борьбе в рамках капитализма, то данный фактор может лишь повлиять на действие тенденции заработной платы к понижению (а нормы прибавочной стоимости к повышению), но не может парализовать сам принцип эксплуатации, на котором покоится капитализм. Поэтому К. Маркс и называет данный закон (равно как и некоторые другие) *абсолютным законом* в отличие от законов тенденции.

Чем же в основе своей объясняется различие между абсолютными законами и законами тенденции? Дело в том, что экономические законы, будучи законами развития производственных отношений, отражают качественную и количественную стороны экономических процес-

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 254. Следует отметить, что, характеризуя все законы как законы тенденции, Е. Варга не может привести в подтверждение своей позиции ничего иного, кроме аргументации, которую использует К. Маркс для обоснования тенденции нормы прибыли к понижению.

сов. Законы тенденции — это законы, отражающие по преимуществу количественную сторону, количественную динамику явлений в рамках данной качественной определенности, в то время как абсолютные законы — это законы, отражающие прежде всего качественную сторону, тот или иной тип производственных отношений. Классовая борьба или иные факторы в рамках капитализма не могут нарушать качественную сторону явлений, менять хотя бы на время тип отношений. Но они могут воздействовать на количественную сторону, на динамику экономических процессов.

Но и здесь для указанных нарушений есть границы, в результате чего закон тенденции не уничтожается, господствующая тенденция действует и проявляет себя. Противодействующие факторы, как подчеркивает К. Маркс при рассмотрении закона тенденции нормы прибыли к понижению, «не уничтожают закона, но ослабляют его действие. Без учета этого было бы непонятным не понижение общей нормы прибыли, а, наоборот, относительная медленность такого понижения. Таким образом закон действует только как тенденция, влияние которой явственно выступает только при определенных обстоятельствах и в течение продолжительных периодов времени»[1]. Данное положение К. Маркса относится ко всем законам тенденции, в том числе и к тенденции заработной платы к понижению. Но это как раз подчеркивает не только возможность, но и огромное значение исследований динамики реальной заработной платы за длительные периоды времени, в частности значение той поистине уникальной работы, которую ведет в этом направлении Ю. Кучинский.

Разумеется, действие всех экономических законов, в том числе и абсолютных, может видоизменяться в зависимости от конкретных условий времени и места. К. Маркс в «Капитале» наглядно показывает развитие форм эксплуатации по мере развития капитализма. Но конкретные условия действия законов, определяющие их модификацию, нельзя путать с наличием контртенденций, определяющих нарушение или ослабление действия некоторых законов. А именно так поступает Е. Варга, пытающийся трактовать всеобщий закон капиталистиче-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 261—262.

ского накопления, который назван К. Марксом абсолютным, как закон тенденции.

Трактовка всех экономических законов как законов тенденции, а последних — в духе тенденций, которые могут и отменяться и действовать в противоположном направлении, не столь невинна, как это может показаться на первый взгляд. Такая трактовка понадобилась ее защитникам для вполне определенной цели: доказать, будто экономические законы можно преодолевать в рамках капитализма при помощи экономической борьбы рабочих или действий государства. Здесь действительное соотношение экономики и политики ставится на голову: не экономика определяет политику, а наоборот. Именно этим и объясняется тот факт, что Е. Варга отвергает и клеймит как догматическое известное и бесспорное положение марксизма о том, что «даже самая успешная борьба рабочих в рамках капитализма не может уничтожить его законов, не может, в частности, преодолеть действие закона капиталистического накопления...». Такая позиция весьма опасна не только в теоретическом, но и в политическом отношении. Являясь теоретической основой всяческого субъективизма и волюнтаризма в политике, она вместе с тем удерживает рабочий класс капиталистических стран от политической борьбы против господства капитала, внушая им, будто изменить законы капитализма, его устои можно и в рамках капитализма, без революционной борьбы за его свержение.

Об эффективности научной полемики

Поскольку полемика приобретает все большее значение в научной работе и вложения научного труда в нее увеличиваются, постольку целесообразно поразмыслить над вопросом об эффективности научной полемики. Если цель полемики — быстрейшее достижение научной истины, то для достижения такой цели при проведении споров и дискуссий, как устных, так и в печати, необходим правильный выбор объектов обсуждения. За последние годы у нас наблюдается большой подъем полемической волны, но преимущественно вокруг давно решенных вопросов теории. При этом новые решения часто представляют собой простое перелицовывание старых и достаточно проверенных научных истин, производящееся иногда под

покровом борьбы против догматизма или культа личности Сталина. Подобного рода операции не требуют от их инициаторов большого труда и вместе с тем обеспечивают им славу новаторов в науке. Но это «новаторство» дорого обходится науке и всему коллективу ученых, потому что оно отбрасывает науку назад, к уже пройденным ступеням и заставляет коллектив ученых тратить большие силы на отстаивание уже добытых научных истин. Очевидно, эффективность научной полемики и научного труда будет выше, если в качестве объекта полемики будут браться новые или слаборазработанные вопросы науки, где столкновение различных точек зрения в наибольшей степени будет стимулировать научное исследование.

Эффективность научной полемики прямо пропорциональна степени ее связи с действительными процессами научного исследования. Полемика будет тем плодотворнее, чем в большей степени объект дискуссии вытекает из проведенного этапа исследования и чем больше участники дискуссии опираются на результаты исследования. В этом случае полемика превращается в органическую часть научного исследования и толкает его вперед.

Объектом полемики может быть (и часто бывает) та или иная гипотеза. Но гипотеза должна иметь известные основания, с одной стороны, и не должна рассматриваться ее авторами как непререкаемая истина в последней инстанции — с другой. Наибольший эффект, однако, получается тогда, когда та или иная гипотеза подвергается научной разработке, другими словами, когда от полемики при помощи логических аргументов мы переходим к полемике при помощи научных трудов по существу предмета. В этом случае легче проверить жизненность того или иного положения.

На каком-то этапе дискуссии ученые, придерживающиеся различных точек зрения по тому или иному вопросу, должны собираться для выработки единой точки зрения по разработанным пунктам и намечать новые дискуссионные пункты. Это имеет особо важное значение в тех случаях, когда выводы по спорным вопросам непосредственно связаны с политикой и хозяйственной практикой. Это важно и для экономии научных сил, которые после уяснения одной проблемы могут переключаться на разработку новых проблем.

Законом всякой успешной полемики и научной работы вообще в наших условиях является общее стремление к выяснению научной истины, товарищеская атмосфера среди ученых, товарищеский характер научного сотрудничества и научной полемики. Этого еще у нас нет в полной мере. У нас отсутствуют те фурии частного интереса, с которыми встречается свободное научное исследование в области политической экономии в капиталистических странах. Но нам еще надо много поработать для того, чтобы очистить научную атмосферу от пережитков прошлого и в полной мере использовать преимущества и возможности новых отношений как отношений товарищества и взаимной помощи в научной среде.

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Кузьминов

Предмет и метод политической экономии 3

Объективный характер экономических законов . . . —
Предмет политической экономии 13
Исторические рамки политической экономии. О политической экономии социализма как теоретической науке 21
Система производственных отношений. Основные и производные отношения 31
Система экономических законов социализма. Обоснование и раскрытие законов 49

В. Г. Лебедев

О наиболее полном использовании экономических законов социализма на современном этапе 58

О ступенях познания экономических законов социализма —
Достижение максимума производственного результата при минимуме общественного труда как критерий наиболее полного использования экономических законов социализма 68
Участие масс в управлении — важнейшее условие наиболее полного использования экономических законов социализма 83

В. С. Дунаева

Применение математического метода в экономической науке 94

Объективная основа применения математического метода в экономических исследованиях . . . . . —
К вопросу об использовании математического метода в экономических исследованиях при социализме . . . 103
Некоторые особенности математического метода . . . 108
Границы применения математического метода в экономических исследованиях 119

В. А. Сластененко

К вопросу об исходном отношении в системе производственных отношений социализма 126

О методе политической экономии . . . . . —
О существующих точках зрения по вопросу об исходном отношении 131

Место отношения коллективности в системе производственных отношений социализма 137

И. Ф. Суслов

Особенности производственных отношений в колхозном производстве 145

Два типа производственных коллективов в сельском хозяйстве . . . . . —
Особенности экономических отношений в колхозном производственном секторе 148
О действии экономических законов в колхозном секторе производства 160

П. А. Хромов

Некоторые вопросы методологии исчисления производительности труда 168

Исчисление производительности труда в капиталистических странах . . . . . —
Показатели производительности труда при социализме 176

О. Е. Губарева

К методологии изучения жизненного уровня трудящихся . . 188

Жизненный уровень как экономическая категория . . —
Закономерности движения жизненного уровня трудящихся при капитализме 191
Положение рабочих и борьба рабочего класса против капитала 202

А. Н. Гржегоржевский

Некоторые вопросы методологии исследования условий труда 209

Содержание и значение проблемы условий труда. Связь условий труда с производственными отношениями . . —
Связь условий труда с действием экономических законов социализма 215
Основные пути улучшения условий труда при социализме 221

Ш. Б. Лиф

Некоторые проблемы теории империализма 235

К вопросу об основном экономическом законе капитализма —
Об экономической природе и источниках монопольной прибыли 238
Теоретические проблемы государственно-монополистического капитализма 248

И. И. Кузьминов

К вопросу о научной полемике 255

Значение и характер полемики . . . . . —
Государственно-монополистический капитализм . . . 257
Абсолютное обнищание трудящихся при капитализме . . 270
О послевоенном капиталистическом цикле 290
Трактовка экономических законов 293
Об эффективности научной полемики 297

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Редакторы *А. Г. Кокошко, И. Н. Крылова, Н. Н. Андреева*

Оформленне художнпка *А. М. Поташева*
Художественный редактор *Р. А. Володин*
Технический редактор *В. Н. Корнилова*
Корректоры *Е. С. Горохова, Е. Л. Толстикова*

Сдано в набор 2 июня 1965 г. Подписано в печать 25 августа 1965 г. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$. Бумажных листов 4,75. Печатных листов 15,58. Учетно-издательских листов 17,488. Тираж 5000 экз. А10192 Цена 1 р. 15 к. Заказ № 534

Св. темплан обществ.-полит. лнт-ры 1965 г. № 540

Издательство «Мысль»
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 37 Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати.
Москва, ул. Фр. Эигельса, 46.

В 1966 г. ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ» ВЫПУСТИТ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ ПО МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ:

Будавей В. Ю. **Воспроизводство основного капитала в США.** 72 коп.

Темплан 1966 г. № 26

Верещагин И. К. **Закон прибавочной стоимости в условиях современного капитализма.** 50 коп.

Темплан 1966 г. № 20.

Гойло В. С. **Теоретическое оправдание безработицы** (Буржуазные теории занятости). 50 коп.

Темплан 1966 г. № 33

Диканский М. Г., Шильдкрут В. А. **Международные монополии.** 84 коп.

Темплан 1966 г. № 21

История русской экономической мысли. Т. III (ч. 1). Колл. авторов. 1 р. 85 к.

Темплан 1966 г. № 34

Капиталистическое воспроизводство в современных условиях. Колл. авторов. 1 р. 35 к.

Темплан 1966 г. № 174

Критика современных буржуазных экономистов (Хансена, Минза, Сэмюэльсона, Штернберга, Кузнеца, Эрхарда). Колл. авторов. 90 коп.

Темплан 1966 г. № 176

Козлова К. Б. **Монополии и их буржуазные критики.** 65 коп.

Темплан 1966 г. № 35

Мартынова В. А. **Аграрный вопрос в развитых капиталистических странах.** 20 коп.

Темплан 1966 г. № 179

Мотылев В. В. **Неравномерность развития современного капитализма.** 50 коп.

Темплан 1966 г. № 22

Новые явления в накоплении капитала в империалистических странах. Колл. авторов. 1 р. 70 к.

Темплан 1966 г. № 23

Онушкин В. Г. **Научно-технический прогресс и капитализм.** 1 руб.

Темплан 1966 г. № 24

Рымалов В. В. **Распад колониальной системы и мировое капиталистическое хозяйство.** 1 р. 35 к.

Темплан 1966 г. № 25

Современный капитализм и рабочий класс. Колл. авторов. 85 коп.

Темплан 1966 г. № 187

Шляпентох В. Э. **Эконометрика и проблемы экономического роста.** 65 коп.

Темплан 1966 г. № 36.

Экономика капиталистических стран (Изменения в структуре). Колл. авторов. 1 р. 35 к.

Темплан 1966 г. № 27.

Юмашев А. И. **Расхищение рабочей силы в современном капиталистическом обществе.** 60 коп.

Темплан 1966 г. № 197.

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

На эти книги оставляйте в ближайшем книжном магазине предварительные заказы.